

BIBLIOTHÈQUE
DE
L'INSTITUT FRANÇAIS DE LÉNINGRAD
TOME VIII

**LE MUSÉE POUCHKINE
D'ALEXANDRE ONÊGUINE A PARIS**

NOTICE, CATALOGUE
ET
EXTRAITS DE QUELQUES MANUSCRITS

BIBLIOTHÈQUE
DE
L'INSTITUT FRANÇAIS DE LÉNINGRAD

- I. **Le théâtre de mœurs russes, des origines à Ostrovski (1672-1850),**
par J. PATOUILLET, 1912 **10 fr. 50**
 - II. **L'architecture classique à Saint-Pétersbourg à la fin du XVIIIe siècle,**
par Louis HAUTECEUR, 1912, 14 planches hors-texte. **13 fr. 50**
 - III. **Un maître du roman russe : Ivan Gontcharov (1812-1891),** par
A. MAZON, 1914, avec portrait et fac-simile. **30 fr.**
 - IV. **Emplois des aspects du verbe russe,** par A. MAZON, 1914. (*Épuisé.*)
 - V. **Le Stoglav ou les cent chapitres.** Recueil des décisions de l'Assemblée
ecclésiastique de Moscou, 1551. Traduction, avec introduction
et commentaire, par E. DUCHESNE, 1920. **27 fr.**
 - VI. **Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914-1918),**
par A. MAZON, 1920. **12 fr.**
 - VII. **Correspondance de Falconet avec l'impératrice Catherine II,** par
Louis RÉAU, 1921, avec une planche. **27 fr.**
 - VIII. **Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onêguine à Paris : notice, cata-**
logue et extraits de quelques manuscrits, par Modeste
HOFMANN, 1926 **20 fr.**
-

BIBLIOTHÈQUE
DE
L'INSTITUT FRANÇAIS DE LÉNINGRAD
TOME VIII

**LE MUSÉE POUCHKINE
D'ALEXANDRE ONÊGUINE A PARIS**

NOTICE, CATALOGUE
ET
EXTRAITS DE QUELQUES MANUSCRITS
PAR
MODESTE HOFMANN

PARIS
LIBRAIRIE ANCIENNE HONORÉ CHAMPION
ÉDOUARD CHAMPION
5, QUAI MALAQUAIS, VIe

—
1926

М. Л. Гофманъ

ПУШКИНСКІЙ МУЗЕЙ
А. Ѳ. ОНЪГИНА ВЪ ПАРИЖЪ

Общій обзоръ, описаніе
и
извлеченія изъ рукописнаго собранія

P R É F A C E

En publiant aujourd'hui cette notice sur le *Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris*, l'Institut Français de Léningrad a conscience d'acquitter une dette.

A maintes reprises, et longtemps avant la mission de M. Modzalevski à Paris (1908), mission dont le résultat fut cet accord du 30 avril 1909 qui consacra le droit de propriété de l'Académie des Sciences de Russie sur cette précieuse collection, Alexandre Onéguine m'avait fait connaître ses intentions.

« Je ne suis moi-même qu'un dépositaire, me disait-il. Les manuscrits d'un Pouchkine ne sont ni à moi ni à personne : par droit naturel, sinon par droit positif, ils appartiennent à la nation russe ; c'est à la nation russe qu'ils doivent faire retour. Mais je voudrais qu'une notice, *publiée ici même*, marquât que ma collection a pris naissance et développement à Paris, en signalât l'importance, en fit connaître les pièces essentielles. »

Et il ajoutait : « Manuscrits et livres russes hors de Russie ? Une distinction s'impose. Les livres, à moins qu'il ne s'agisse de raretés bibliographiques insignes, nous pouvons, nous devons même les laisser, s'ils s'y trouvent, *in partibus infidelium* : conservé à Paris, à Londres, à New-York, un bon livre russe sert la cause des lettres, de la science, de l'art russes plus efficacement, qu'il ne le ferait en Russie. Mais il en est autrement des manuscrits : pièces uniques par nature,

morceaux encore palpitants de vie, reliques sacrées qui ont leurs fidèles, les manuscrits d'un poète sont à la nation dont ce poète est la fierté. Les tenir à l'étranger, c'est les tenir en exil. »

Conformément aux intentions de celui qui l'avait créé, l'Académie des Sciences de Russie entre en possession du Musée Pouchkine.

Mais les intentions mêmes d'Alexandre Onéguine n'auraient été que partiellement respectées si la présente publication n'en avait scellé l'intégral accomplissement.

PAUL BOYER.

11 juin 1926.

Общій обзоръ Музея.

Гордость русской культуры въ Парижѣ — музей русской литературы XIX вѣка, созданный А. Ѳ. Онѣгинимъ, существуетъ уже около полувѣка на rue de Marignan (около Champs-Élysées) и имѣетъ свою долгую исторію.

Поклоняясь генію Пушкина, А. Ѳ. Онѣгинъ⁽¹⁾, еще съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, началъ собирать все, что такъ или иначе относится къ Пушкину: изданія его сочиненій, литературу о Пушкинѣ, портреты Пушкина, пушкинскія юбилейныя вещички и проч. и проч. Дружба Онѣгина съ П. В. Жуковскимъ, начавшаяся еще на гимназической скамьѣ, сдѣлала то, что очень скоро собраніе стало первокласснымъ пушкинскимъ собраніемъ: въ 1883 году П. В. Жуковскій подарилъ Онѣгину то, что является и въ настоящее время самой цѣнною частью музея — большой пакетъ съ рукописями Пушкина. Черезъ два года Жуковскій передалъ Онѣгину и всѣ бумаги своего отца, имѣвшія отношеніе къ дуэли и смерти Пушкина, къ посмертному изданію его сочиненій и къ дѣламъ опеки надъ его дѣтьми и имуществомъ. Позже П. В. Жуковскій передалъ своему другу картину братьевъ Чернецовыхъ 1837 года («Пушкинъ въ Бахчисарайскомъ Дворцѣ»), портретъ Крылова (работы А. Брюлова) и личную бібліотеку своего отца (около 400 томовъ), а въ 1912 году — и весь архивъ В. А. Жуковского. Такимъ образомъ даже эти вклады П. В. Жуковского — основное ядро Онѣгинскаго

⁽¹⁾ А. Ѳ. Онѣгинъ не зналъ своихъ родителей и сперва носилъ имя своей крестной матери — Отто, но уже въ концѣ шестидесятихъ годовъ принялъ имя главнаго героя своего любимѣйшаго произведенія любимѣйшаго писателя.

музея — уже расширяли рамки чисто-пушкинского собрания. Близость А. Ѳ. Онъгина съ И. С. Тургеневымъ (въ послѣдніе годы жизни Тургенева Онъгинъ часто исполнялъ обязанности его секретаря) способствовала также расширенію и обогащенію музея. Наконецъ въ собраніе Онъгина стали стекаться отовсюду различные матеріалы, при чемъ особенно усердными вкладчиками были О. Н. Смирнова (дочь А. О. Смирновой) и графиня Л. А. Ростопчина (дочь поэтессы графини Е. П. Ростопчиной). Въ то же время и самъ А. Ѳ. Онъгинъ не переставалъ собирать, посѣщая аукціоны, антикваровъ, русскихъ и иностранныхъ букинистовъ (такъ, во время войны онъ купилъ у одного парижскаго антиквара портретъ масляными красками Маріи Александровны Пушкиной, работы Макарова) и продолжая свою цѣнную для пушкиновѣдovъ работу — «Pushkinian'u» — вырѣзки изъ газетъ всего, что такъ или иначе касается Пушкина.

Къ началу нынѣшняго вѣка обширное собраніе Онъгина имѣло уже полное право и основаніе называться музеемъ; конечно, Пушкинскимъ музеемъ, ибо ни одинъ изъ писателей и ни въ одномъ изъ частныхъ собраній не представленъ такъ полно и научно-значительно, какъ представленъ Пушкинъ въ собраніи-музееѣ Онъгина. Но Пушкинскій музей А. Ѳ. Онъгина — въ то же время и музей всей русской литературы XIX вѣка.

Въ началѣ XX вѣка былъ созданъ и другой музей — пантеонъ новой русской литературы, и также съ именемъ Пушкина, но уже въ Россіи. Въ академической Комиссіи по постройкѣ памятника Пушкину родилась мысль объ учрежденіи особаго памятника Пушкина — музея новой русской литературы, посвященнаго Пушкину и его памяти: 14 іюля 1907 года такой музей началъ свое бытіе при Россійской Академіи Наукъ, подъ именемъ Пушкинскаго Дома, и въ него стали стекаться музейно-литературныя богатства со всѣхъ концовъ Россіи (въ настоящее время рукописное отдѣленіе Пушкинскаго Дома насчитываетъ болѣе милліона рукописей, библіотечное⁽¹⁾, —

(1) Библіотечное отдѣленіе Пушкинскаго Дома преслѣдуетъ

свыше ста тысячъ книгъ, и музейное — не поддающееся точному учету громадное собраніе картинъ и предметовъ, принадлежавшихъ русскимъ писателямъ). При самомъ возникновеніи Пушкинскаго Дома въ него была передана прибрѣтенная государствомъ личная библіотека Пушкина, и тогда же былъ поднятъ вопросъ о прибрѣтеніи для Пушкинскаго Дома и музея А. Ѳ. Онѣгина. Къ этой мысли горячо отнеслись Президентъ Академіи Наукъ великій князь Константинъ Константиновичъ, министръ финансовъ графъ В. Н. Коковцовъ и другъ А. Ѳ. Онѣгина П. В. Жуковскій, — и начали хлопоты, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ. Навстрѣчу этимъ хлопотамъ пошелъ и самъ владѣлецъ музея, А. Ѳ. Онѣгинъ, и, съ его согласія, въ маѣ 1908 года въ Парижъ былъ командированъ Б. Л. Модзалевскій съ порученіемъ ознакомиться подробно съ собраніемъ А. Ѳ. Онѣгина.

По возвращеніи изъ Парижа Б. Л. Модзалевскій представилъ подробный отчетъ о музеѣ, подробную опись библіотеки (какъ принадлежавшей В. А. Жуковскому, такъ и собранной А. Ѳ. Онѣгинымъ) и описаніе нѣкоторыхъ предметовъ, находящихся въ музеѣ (къ сожалѣнію, только это послѣднее описаніе и появилось въ печати — въ XII выпускѣ сборника «Пушкинъ и его современники»). О томъ, какое впечатлѣніе вынесъ Б. Л. Модзалевскій изъ своего знакомства съ Пушкинскимъ музеемъ А. Ѳ. Онѣгина, можно судить по резолюціи в. к. Константина Константиновича на докладѣ Непремѣннаго Секретаря Академіи Наукъ: «Можно отъ души порадоваться, что благодаря отчету г. Модзалевскаго собраніе А. Ѳ. Онѣгина уже не оставляетъ сомнѣній въ неоцѣнности прибрѣтенія его для Россіи вообще и для Пушкинскаго Дома въ частности. Увѣренъ, что В. Н. Коковцовъ приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы собраніе Онѣгина возможно скорѣе

двѣ цѣли: дать своимъ работникамъ вспомогательный аппаратъ, необходимый для научныхъ изысканій, и собрать цѣнныя библіотеки писателей (въ Пушкинскомъ Домѣ имѣются библіотека М. Н. Лонгинова, библіотека П. А. Плетнева, П. А. Ефремова и проч.).

было застраховано отъ всякихъ случайностей, какъ будущее достояніе отечества А. С. Пушкина».

Послѣ долгихъ переговоровъ, 30 апрѣля 1909 года заключенъ былъ наконецъ договоръ между Академіей Наукъ и А. Э. Онъгинимъ, договоръ, по которому собраніе Онъгина стало собственностью Пушкинскаго Дома при Россійской Академіи Наукъ.

Одновременно съ заключеніемъ договора, А. Э. Онъгину была Высочайше пожалована пожизненная пенсія въ 6.000 рублей въ годъ, какъ своего рода компенсація за его неоцѣнимый даръ русской культурѣ. Формально однако денежные обязательства, связанные съ правомъ владѣнія музеемъ Академіей Наукъ, выражались лишь въ единовременной выплатѣ владѣльцу музея 10.000 рублей, и эти обязательства были тогда же выполнены Академіей Наукъ. Не формально, не юридически, а морально Академія Наукъ однако должна была быть какъ бы на стражѣ точнаго исполненія монаршей милости. Между тѣмъ революція 1917 года фактически лишила А. Э. Онъгина его пенсіи, и морально передъ нимъ должна была отвѣчать Академія Наукъ, ея Пушкинскій Домъ.

Попытки въ началѣ революціи командировать представителя Академіи Наукъ не увѣнчались успѣхомъ. И только слухи, оказавшіеся совершенно невѣрными, сперва о смерти Онъгина и о «распыленіи» музея, а потомъ о намѣреніи его продать свое собраніе въ Америку, сдѣлали то, что Пушкинскому Дому было разрѣшено командировать въ Парижъ для урегулированія вопроса о музее, своего представителя — Ученаго Хранителя, завѣдывающаго рукописнымъ отдѣленіемъ. Оказалось необходимымъ также заключить и новый договоръ, вслѣдствіе неясностей договора 1909 года и неопредѣленности границъ владѣнія между А. Э. Онъгинимъ и Пушкинскимъ Домомъ. 7 декабря 1922 года былъ подписанъ новый, нынѣ дѣйствующій договоръ, зарегистрированный нотаріальнымъ порядкомъ и не оставляющій уже никакихъ сомнѣній въ томъ, что весь музей А. Э. Онъгина составляетъ соб-

ственность Пушкинскаго Дома при Россійской Академіи Наукъ ⁽¹⁾.

Черезъ два съ половиной года по заключеніи договора, 23 марта 1925 года, А. Θ. Онѣгинъ скончался, оставивъ все свое имущество и капиталъ (свыше 500.000 франковъ) Пушкинскому Дому. Парижъ лишается своего сокровища русской культуры : музей А. Θ. Онѣгина въ скоромъ времени будетъ увезенъ въ Россію въ Академію Наукъ...

* * *

Подобно Пушкинскому Дому, музей А. Θ. Онѣгина состоитъ изъ трехъ частей — собственно музейной, библиотечной и рукописной. Въ двухъ маленькихъ комнаткахъ около Champs-Élysées заключенъ цѣлый міръ русской литературы прошлаго вѣка, и каждая вещичка является ея живымъ и краснорѣчивымъ свидѣтелемъ.

Едва переступаешь порогъ квартиры, первое, что видишь и что запоминается — бюсты Пушкина. Пушкинъ на каминѣ, Пушкинъ на полкахъ, Пушкинъ въ углахъ комнатъ. Рядомъ съ большимъ гипсовымъ бронзированнымъ

(1) Приводимъ наиболѣе существенные пункты новаго договора :

1° Monsieur Onéguine reconnaît formellement l'Académie des Sciences de Russie comme seul propriétaire de tous les objets sans exception se trouvant actuellement dans son appartement sis 25, rue Marignan, Paris, et faisant partie de ladite collection, ainsi que de tous ceux qui seraient acquis ultérieurement pour compléter cette collection. Un inventaire en sera fait par les soins de l'Académie des Sciences de Russie.

2° L'Académie des Sciences de Russie confie en dépôt à M. Onéguine, qui accepte, les objets et la collection, comme il est dit à l'article précédent.

3° Les objets déposés devront être restitués à l'ordre de M. le Professeur Modeste Hofmann ou un autre représentant qualifié de l'Académie des Sciences de Russie. En cas de décès de M. Onéguine, M. le Professeur Modeste Hofmann, ou une personne déléguée par lui ou par l'Académie des Sciences de Russie, entrera sans aucune formalité en possession de la totalité des choses déposées.

4° En remboursement des dépenses faites et à faire pendant toute la durée du dépôt ainsi que pour la conservation et l'enrichissement de la collection, l'Académie des Sciences de Russie par son représentant, M. le Professeur Modeste Hofmann, verse, à la signature des présents, à M. Alexandre Onéguine la somme forfaitaire de cent mille francs (100.000 fr.) dont quittance. »

нымъ бюстомъ работы Гальберга на каминѣ модель одного изъ наиболѣе интересныхъ, но неосуществленныхъ памятниковъ Пушкину — Антокольскаго: Пушкинъ на скамейкѣ и 9 фигуръ (которыя должны были подниматься къ Пушкину) — его главные герои. Тутъ же — бронзовые часы съ бюстомъ Пушкина и Пушкинъ на прогулкѣ Бернштама. Напротивъ опять Пушкинъ — гипсовый бюстъ Пушкина Паоло Трубецкого (бронзовый составлялъ собственность А. С. Суворина), гипсовый Пушкинъ — Никитина, гипсовая маска Л. Антоневичь (одна изъ слабыхъ вещей), гипсъ С. Д. Меркурова и проч.

Подходишь къ письменному столу — и здѣсь тотъ же священный культъ Пушкина: маленькая модель Пушкинскаго домика въ Михайловскомъ, Пушкинская «милая Татьяна» (съ проекта Антокольскаго) и, наконецъ, то, отъ чего трудно оторвать взоръ, какъ отъ присутствія самого Пушкина — его подлинная гипсовая маска, снятая съ него въ день смерти (копіи съ нея А. Э. Онѣгинъ разослалъ во всѣ русскіе университеты и въ Академію Наукъ). Стѣна надъ столомъ увѣшана бронзовыми горельефами Пушкина, портретами и рисунками. Нѣкоторые изъ портретовъ и рисунковъ очень интересны и оставляютъ по себѣ глубокую память. Таковъ, прежде всего, прекрасный акварельный портретъ В. А. Жуковскаго, работы его зятя Е. Р. Рейтерна, изображающій Жуковскаго на берегу Женевскаго озера (воспроизведенія его не даютъ истиннаго представленія о прозрачномъ синемъ фонѣ неба, на которомъ вырисовывается Жуковскій съ его мягкой очаровательной улыбкой), кавказскій пейзажъ — рисунокъ М. Ю. Лермонтова, Райтовскій карандашный портретъ Н. В. Гоголя, портретъ графа В. А. Перовскаго — А. П. Брюлова и проч. и проч. Менѣе интереснымъ кажется намъ этюдъ 1920 года Похитонова для его картины «Пушкинъ въ Михайловскомъ». Противоположная стѣна занята болѣе фотографіями, но и среди нихъ находятся рисунки и такіе шедевры, какъ карандашный рисунокъ Жуковскаго, изображающій Пушкина въ гробу (другой портретъ Пушкина въ гробу — работы Э. А. Бруни — находится въ сосѣдней комнатѣ).

Изъ глубины алькова смотреть «черноокая Россетти» — современная копия съ портрета А. О. Смирновой — Винтергальтера (подлинникъ находился у Тамамшевыхъ). Стѣна направо отъ письменнаго стола занята картинами; вдѣсь, среди картинъ старинныхъ (анонимныхъ) мастеровъ и среди художниковъ XIX вѣка (отмѣтимъ большой портретъ Бисмарка — работы Ленбаха, маленькую, одну изъ раннихъ картинъ Айвазовскаго — Море и Петербургъ Боголюбова), выдѣляется одинъ портретъ — картина масляными красками Макарова, изображающая Марію Александровну Пушкину, дочь поэта: въ этомъ портретѣ поражаетъ сходство М. А. Пушкиной съ ея великимъ отцомъ. Интересенъ и другой портретъ — самого собирателя музея, А. Θ. Онѣгина, исполненный Харламовымъ.

Рядомъ, въ совѣмъ маленькой комнатѣ, опять картины (и среди нихъ — картина братьевъ Чернецовыхъ «Пушкинъ у фонтана Бахчисарайскаго Дворца», прекрасные рисунки Егорова, Бруни и проч.) и портреты: портреты А. И. Тургенева, А. И. Тургеневъ въ гробу, Н. В. Гоголь въ гробу, И. С. Тургеневъ... Портретовъ такъ много, что всё они не могли найти себѣ мѣста на стѣнахъ тѣсныхъ комнатокъ, и напр. одинъ замѣчательный рисунокъ — портретъ Жуковскаго (одинъ изъ лучшихъ, быть можетъ, какой мнѣ только удавалось видѣть) — находится въ громадной пачкѣ съ очень цѣнными гравюрами, собранными А. Θ. Онѣгинымъ.

Въ шкафахъ хранится также не мало музейныхъ предметовъ, связанныхъ преимущественно съ именами Пушкина, Жуковскаго и Тургенева (И. С.). Здѣсь и модныя картинки-гравюры (числомъ 11) и другіе рисунки, принадлежавшіе Пушкину, и дубовый листъ съ Наполеономъ, и безконечное множество всякихъ мелочей, связанныхъ съ Пушкинскими празднествами 1881, 1887 и 1899 г. г., какъ то: жетоны, флажки, розетки, почтовая бумага, перья, резинки, мыло, духи, конфекты, карамель, леденцы, шоколадъ, водка, шелковые и бумажные платки, вышивки съ Пушкинскими сюжетами, папирсы, перочинные ножи, пуговицы, спички, кружки, бонбоньерки, пепельницы, записныя книжки, учебныя тетради, закладки, спичеч-

ницы, портреты Пушкина въ видѣ почтовыхъ марокъ въ футлярѣ, манжеты, бюстики съ конфѣтками, тѣневой портретъ, свѣтловыя картинки для волшебнаго фонаря, игры, портреты на фарфоровыхъ и другихъ пластинкахъ, отрывные календари, визитная карточка съ автографической подписью и портретомъ Пушкина, портреты на цвѣтномъ желатинѣ и проч. и проч.

Большую художественную цѣнность представляютъ музейные предметы, связанные съ именемъ Жуковского, и особенно альбомы съ его рисунками и съ подлинными рисунками буквально всѣхъ лучшихъ мастеровъ его эпохи, а также собраніе автографовъ замѣчательныхъ людей.

Бережно хранятся въ музеѣ и Тургеневскія реликвіи: волосы И. С. Тургенева, экземпляръ сочиненій Тургенева, подаренный авторомъ А. Θ. Онъгину, и 44 фотографическія карточки И. С. Тургенева, изъ которыхъ нѣкоторыя являются большою рѣдкостью, а нѣкоторыя имѣютъ его посвячительныя надписи (на одной, напр., мы читаемъ: «А. Θ. Онъгину въ память ночи съ 23 на 24 Мая отъ Ив. Тургенева. С. П. Б. 1874».).

Пушкинъ, Жуковскій и Тургеневъ стоятъ въ центрѣ музея, но ими одними не ограничивается музей А. Θ. Онъгина; рядомъ съ «Черновой книгой Пушкина» и альбомомъ А. О. Смирновой, начатымъ Пушкинымъ и заключающимъ въ себѣ богатое собраніе автографовъ, находятся и деревянный бюваръ, принадлежавшій Н. В. Гоголю, и другіе предметы связанные съ русской и даже иностранной литературой XIX вѣка (въ свой альбомъ А. Θ. Онъгинъ, впрочемъ, продолжалъ собирать автографы и людей XX вѣка).

Библиотечное отдѣленіе Онъгинскаго музея не велико (количественно), но качественно богато и исключительно цѣнно. Вся библіотека А. Θ. Онъгина (за исключеніемъ случайныхъ книгъ) состоитъ изъ двухъ частей: личной библіотеки В. А. Жуковского, подаренной А. Θ. Онъгину сыномъ поэта, П. В. Жуковскимъ, и богатѣйшей Рoushkipian'ы. Далеко не вся личная библіотека Жуковского дошла до насъ, но и сохраняющаяся въ музеѣ

А. О. Онѣгина ея часть — въ количествѣ около 400 томовъ — представляетъ большой интересъ и большое значеніе въ разныхъ отношеніяхъ. Помимо чисто книжной цѣнности, помимо того, что нѣкоторыя книги являются въ настоящее время большою библиографическою рѣдкостью, библіотека Жуковскаго, въ извѣстной мѣрѣ опредѣляющая кругъ его чтенія, даетъ большой матеріалъ для изслѣдователя развитія творческой личности и творчества Жуковскаго помѣтами, которыми иногда испещрены его книги (особенно много помѣтъ въ сочиненіяхъ Руссо и Шиллера, а также въ книгѣ I. H. V. Graeseke, *Glaube, Liebe, Hoffnung*, которую Жуковскій началъ переводить вмѣстѣ съ М. А. Протасовой); кромѣ того, нѣкоторыя книги снабжены автографами — посвятельными надписями авторовъ. Отмѣтимъ только нѣкоторыя собранія сочиненій, находящіяся въ библіотекѣ Жуковскаго, какъ напр., Ансильона, Вальтеръ-Скотта, Варягагена фонъ Энзе, Воуенарга, Гете, Грѣя, Дюкло, Зейдлитца, Корнеля, Лагарпа, Лабрюйера, Лессинга, Лихтенберга, Мендельсона, Мильтона, Мольера, Монтеня, Монтескье, Мура, Оссіана, Попа, Расина, Руссо, Сомервиля, Соути, Шамфора, Ювенала, Юма, И. О. Богдановича, А. И. Галича, Н. В. Гоголя, Н. И. Гнѣдича, Г. Р. Державина, князя А. Д. Кантемира, Н. М. Карамзина, И. И. Козлова, В. Л. Пушкина, В. К. Тредьяковскаго, Н. М. Языкова и проч. и проч.

Не менѣе цѣнно собраніе литературы о Пушкинѣ, такое собраніе, какимъ немногія библіотеки могутъ похвастать. Въ Онѣгинскомъ музеѣ собрано все — начиная отъ первыхъ прижизненныхъ изданій Пушкина и прекрасной коллекціи старыхъ альманаховъ и кончая переводами Пушкина на иностранные языки и новѣйшими изслѣдованіями (больше всего пробѣловъ находится за періодъ 1914-1923 г. г., но и за этотъ періодъ А. О. Онѣгинъ собралъ такое количество книгъ о Пушкинѣ, какого, можно быть въ этомъ увѣреннымъ, нѣтъ нигдѣ и ни у кого за границей). Перечисленіе всей Pouchkinian'ы заняло бы слишкомъ много мѣста, а потому мы ограничимся только отмѣткой части, вошедшей въ «Pouchkinian'у» Межова (СПБ. 1886) подъ № №: 8, 15, 16, 25, 29, 30, 31,

37, 50, 55, 71, 87, 125, 128, 137, 141, 144-148, 152, 154-161, 163, 164, 170-173, 204-206, 209, 227, 232, 233, 249, 271, 290, 298, 302, 376, 396, 421, 425, 434, 435, 451, 452, 454, 464, 475, 496, 513, 523, 538, 541, 546-553, 559, 569, 571, 627, 641, 642, 646, 659, 665, 675, 734-737, 751, 753, 756, 757, 761-763, 766-770, 772, 776, 782, 788, 789, 805, 810, 829, 852, 888, 895, 931, 933, 1022, 1026-1028, 1030, 1048, 1050, 1061, 1143, 1167, 1170, 1171, 1174, 1175, 1181, 1182, 1188, 1204, 1309, 1324, 1328, 1330, 1345, 1350, 1373, 1374, 1400, 1402-1406, 1416, 1443, 1446, 1449, 1457, 1463, 1467, 1471, 1472, 1478, 1488-1490, 1509, 1516-1518, 1520, 1521-1526, 1528, 1536-1543, 1551, 1552, 1589-1594, 1601, 1602, 1605-1610, 1614-1623, 1631-1698, 1702-1725, 1731, 1732, 1735-1743, 1754, 1755, 1757, 1761-1776, 1778, 1780, 1818-1834, 1836-1839, 1846-1850, 1854, 1855, 1860-1870, 1874, 1882-1886, 1897-1926, 1932-1955, 2001-2052, 2054, 2069, 2070, 2074, 2086-2088, 2098, 2100, 2103, 2105-2163, 2173-2193, 2196-2202, 2205, 2206, 2219, 2225-2235, 2248, 2263-2269, 2271, 2276, 2287, 2289, 2334-2353, 2373-2376, 2396, 2397, 2404-2421, 2442, 2451, 2467, 2478, 2480-2483, 2489-2492, 2506-2605, 2608-2611, 2614, 2629, 2634, 2639, 2640, 2659, 2663, 2664, 2680, 2689, 2691, 2693, 2705, 2706, 2708, 2710-2712, 2715, 2719, 2720, 2739, 2749, 2753, 2756, 2768, 2774, 2775, 2781, 2782, 2785, 2793, 2843, 2863, 2870, 2875-2877, 2881, 2886, 2888-2890, 2892, 2898-2902, 2908, 2911, 2912, 2921, 2928, 2930, 2939, 2940, 2951, 2975, 3001, 3002, 3006, 3007, 3015, 3024, 3032, 3034, 3042, 3045, 3057, 3083, 3084, 3087, 3092, 3100, 3101, 3127, 3140-3142, 3148, 3152, 3160, 3162, 3176, 3179, 3181, 3183, 3185, 3194, 3211, 3217, 3223a, 3228, 3230, 3239, 3247, 3257-3260, 3266, 3267, 3271, 3276, 3278, 3283, 3284, 3286-3288, 3292, 3293, 3295, 3309, 3311, 3314, 3339, 3339a, 3345, 3349, 3350, 3353, 3359, 3360, 3362, 3364, 3365, 3371-3373, 3381, 3387, 3406, 3419, 3424, 3428, 3432, 3434, 3437, 3438, 3443-3445, 3447, 3451, 3458, 3465, 3482, 3488, 3490, 3496, 3498, 3521, 3533, 3536, 3543, 3544, 3549, 3560-3564, 3567, 3568, 3570, 3572-3574, 3576, 3578, 3582, 3583, 3585, 3586, 3588, 3590, 3591, 3594, 3596, 3598, 3600, 3603, 3612, 3613, 3615, 3618, 3621-3625, 3627-3638, 3642, 3649, 3651, 3667, 3683, 3684, 3704, 3719, 3728, 3730, 3746, 3747, 3754,

3755, 3761, 3764, 3769-3779, 3787-3792, 3802, 3804, 3806-3808, 3810, 3811, 3813, 3818, 3820-3879, 3892, 3893, 3900-3911, 3923, 3933-3953, 3959, 3960, 3963, 3985, 3990, 3999, 4123, 4157, 4393-4395, 4424, 4425, 4550, 4552, 4570, 4578, 4579, 4587.

Необходимо отмѣтить также четырнадцать толстыхъ томовъ *Roushkinian*'ы, составленной А. Θ. Онѣгинымъ и заключающей въ себѣ газетныя вырѣзки всего, что такъ или иначе касается Пушкина; эта работа — трудъ всей жизни собирателя музея — продѣлана очень тщательно, и только за послѣдніе годы — въ связи съ мѣровыми событіями, а также вслѣдствіе болѣзненного состоянія А. Θ. Онѣгина — въ газетной «*Roushkinian*'ѣ» находится много пробѣловъ.

* * *

Какъ ни интересно чисто музейное отдѣленіе, какъ ни цѣнна бібліотека, самое значительное, самое интересное и самое цѣнное въ Онѣгинскомъ музеѣ — рукописное собраніе.

Жуковскій, Пушкинъ и Тургеневъ — стоятъ въ центрѣ и рукописнаго отдѣленія; матеріалы о нихъ, находящіеся въ Онѣгинскомъ музеѣ, столь обширны и важны, что всякій специалистъ, изучающій жизнь и творчество Жуковского, Пушкина и Тургенева, будетъ постоянно обращаться въ музей; но и для изслѣдованія другихъ русскихъ писателей Онѣгинскій музей представляетъ большой матеріалъ (напр. для Гоголя, кн. Вяземскаго, гр. Ростопчиной, Кирѣевскаго, Козлова, братьевъ Тургеневыхъ, Влад. Соловьева и проч. и проч.). Особенно много матеріаловъ для исторіи русской литературы всей первой половины прошлаго вѣка находится въ обширной корреспонденціи В. А. Жуковского, въ его личномъ архивѣ; набѣги на этотъ архивъ (въ то время, когда онъ принадлежалъ сыну поэта — П. В. Жуковскому) производилъ П. И. Бартеньевъ, напечатавшій часть его въ своемъ «Русскомъ Архивѣ» (напр., письма И. И. Дмитріева, Н. М. Карамзина, кн. П. А. Вяземскаго — съ большими пропусками, письма Высочайшихъ особъ, письма самого Жуковского

и проч.), но въ цѣломъ архивъ еще мало изслѣдованъ и включаетъ въ себѣ обширный, неизданный матеріалъ, полно освѣщающій эпоху Пушкина, Жуковскаго и Тургенева. На этихъ трехъ именахъ сосредоточимъ и мы описание рукописнаго отдѣленія Онѣгинскаго музея, отославъ читателя за болѣе детальными свѣдѣніями о составѣ музея (въ его рукописной части) къ приложенному при описаніи краткому перечню рукописей (въ другомъ приложеніи мы публикуемъ нѣкоторыя рукописи, оставшіяся до сихъ поръ неизданными).

ПУШКИНЪ.

Главное сокровище Пушкинскаго музея А. Ѳ. Онѣгина — рукописи Пушкина. Онѣгинское собраніе рукописей включаетъ въ себѣ 5 совершенно законченныхъ стихотвореній: «Царское Село», «Тамъ у лѣска за ближнею долиной», «Гречанка вѣрная! Не плачь, онъ палъ героемъ», «Къ кастрату разъ пришелъ скрышачъ» и «Пора, мой другъ пора! покоя сердце просить». Стихотворенія эти вовсе неизвѣстны по другимъ рукописямъ и не были ранѣе въ печати (они напечатаны въ «Неизданномъ Пушкинѣ» и въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина). Имѣются, кромѣ того, новые отрывки изъ «Бориса Годунова», изъ «Евгенія Онѣгина» (три строфы изъ первоначальной восьмой главы — путешествія Онѣгина), отрывки изъ неоконченной поэмы «Езерскій», импровизація итальянца о Клеопатрѣ изъ неоконченныхъ «Египетскихъ Ночей» («Темная знойная ночь объемлетъ Африканское небо»), отрывокъ изъ «Юдифи» (также неоконченной), отрывокъ — продолженіе седьмой главы неоконченнаго «Арапа Петра Великаго», очень любопытное предисловіе къ «Капитанской Дочкѣ» — въ формѣ письма Петра Андреевича Гринёва къ своему внуку Петрушѣ при пересылкѣ своихъ записокъ-мемуаровъ.

Большой матеріалъ даетъ Онѣгинское собраніе для разработки частнаго вопроса психологіи творчества Пуш-

кина: о неосуществленныхъ планахъ и замыслахъ Пушкина, брошенныхъ имъ на полупути или даже въ самомъ началѣ. Въ собраніи А. Э. Онѣгина мы имѣемъ множество такихъ стихотворныхъ и прозаическихъ набросковъ: «Краса надежда нашей сцены», «Зачѣмъ я ею очарованъ», «Цвѣтокъ любви! Тому мгновенье», «О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла», «Царей потомокъ Меценатъ» (очень интересный набросокъ, предназначавшійся, повидимому, для одной изъ первоначальныхъ редакцій «Египетскихъ Ночей» — романа изъ римской жизни), «Одни стихи ему читала», «Чу, пушки грянули! крылатыхъ кораблей», программа ранней повѣсти (повидимому, 1822 года), начинающаяся словами «Москва въ 1811 году», набросокъ «Часто думалъ я объ этомъ ужасномъ семейственномъ романѣ», планъ неосуществленнаго произведенія (1835 года?) «Un grand seigneur coupable de haute trahison». Кромѣ того, извѣстные по другимъ рукописямъ наброски — «И я слыхалъ, что Божій свѣтъ», и «О бѣдность затвердилъ я наконецъ» — представлены собраніемъ А. Э. Онѣгина въ болѣе полномъ видѣ. Обратное: большое посланіе къ Щербинину, извѣстное по рукописи Румянцовскаго Музея, въ Онѣгинскомъ собраніи имѣется въ сокращенномъ, переработанномъ видѣ (оно состоитъ всего изъ восьми вполнѣ законченныхъ стиховъ).

Извѣстно, какое значеніе имѣютъ черновики для изученія произведенія, а также исторіи его созданія и даже болѣе обще — для раскрытія творческой тайны Пушкина, его творческаго процесса. Въ пьесѣ «Осень» Пушкинъ такъ описываетъ этотъ творческій процессъ:

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѣмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ...

Черновики Пушкина раскрываютъ и детализируютъ смыслъ этихъ стиховъ: не только волнуются въ отвагѣ мысли, которыя порой уводятъ поэта далеко отъ его первоначальнаго замысла (чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно проанализировать рукописи «Евгенія Онѣгина» или сравнить наброски плана любого произведенія съ осуществле-

ніемъ этого плана⁽¹⁾, но еще болѣе тѣсняются въ его головѣ поэтическіе образы.

Что представляетъ обычно крайне исчерканный, съ трудомъ поддающійся разбору, первый черновикъ Пушкина; каково первое впечатлѣніе, которое онъ производитъ? — Тетради Пушкина (какъ, впрочемъ, и многихъ другихъ *современныхъ* ему поэтовъ) испещрены рисунками, имѣющими непосредственную связь съ его поэтическимъ творчествомъ: поэтъ мыслить совершенно конкретными, осязаемыми образами, которые тутъ же зачерчиваетъ, и какъ зачерчиваетъ! — совершенно отчетливыми, увѣренными, скелетными линіями, схватывающими только самую суть предмета и его движеніе и отбрасывающими всякую заштрихованность, всякое рабское подражаніе — копированіе; рисунокъ Пушкина всегда рисунокъ и никогда не переходитъ въ акварель, въ картину. Въ этомъ отношеніи очень любопытно сравнить рисунокъ Пушкина съ рисункомъ напримѣръ Жуковского: смѣлый рисунокъ нѣсколькими линіями Пушкина такъ же отличается отъ тонкой акварели и очаровательнаго въ своей мелкой и изящной работѣ карандашнаго рисунка Жуковского, какъ стихъ Пушкина отличается отъ мелодически-акварельнаго стиха Жуковского. И рядомъ съ рисункомъ — во все стороны — масса исчерканныхъ словъ, которую было бы трудно принять за стихотворную массу, если бы въ ней не выдѣлялись «легкія» рѣзмы: рѣзмы въ такомъ первомъ черновикѣ именно *выдѣляются*, написанныя часто въ сторонѣ и иногда внѣ связи съ будущимъ стихомъ; рѣзма часто существуетъ тогда, когда еще не существуетъ стихъ. Пушкинъ имѣлъ полное право говорить: «Вѣдь рѣзмы запросто со мной живутъ: двѣ придутъ сами, *третью*

(1) Говоря о «планчикѣ» Рылѣевъ, Пушкинъ заявлялъ: «я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ». Въ противоположность Рылѣеву, Пушкина можно назвать безпланнымъ поэтомъ: онъ и самъ сознавалъ недостатки плана во многихъ своихъ произведеніяхъ. (Сказанное относится только къ первымъ произведеніямъ: впоследствии, особенно въ «Повѣстяхъ Бѣлкина», Пушкинъ сталъ великимъ мастеромъ плана композиціи).

приведуть» (и эта третья риема тутъ же записывается для памяти). Пушкинъ не испытывалъ или почти не испытывалъ затрудненій съ риемами, за то черновики его обнаруживаютъ въ полной мѣрѣ муки творчества при гениально-легкомъ созданіи образовъ.

Стихъ иногда прозвучить полно въ головѣ поэта, иногда съ пробѣлами, иногда же онъ постепенно образуется при подборѣ подходящихъ образовъ. Поэтъ зачеркиваетъ одно слово-образъ не только потому, что его тѣснить цѣлая толпа другихъ словъ-образовъ, но очень часто и потому, что оно не удовлетворяетъ его, не передаетъ точно его замысла: въ поискахъ за другимъ, болѣе подходящимъ словомъ поэтъ зачеркиваетъ написанное и, не найдя ему замѣстителя, снова пишетъ уже зачеркнутое — и такъ иногда до 4 или 5 разъ. Часто также, перебравъ нѣсколько образовъ, Пушкинъ возвращается къ первоначальному, подсказанному первымъ вдохновеніемъ. Въ этихъ первыхъ грязныхъ черновыхъ, состоящихъ изъ массы зачеркнутыхъ словъ и риёмъ — творческая душа Пушкина, съ творческимъ полетомъ его поэтической фантазіи и съ закрѣпленіемъ его на бумагѣ. Нужно только научиться читать такія черновыя рукописи, и тотъ, кто умѣетъ читать — съ большой пользой и интересомъ потратитъ многіе часы на чтеніе такихъ первыхъ черновиговъ, какъ имѣющіеся въ Онѣгинскомъ собраніи: «Царское Село», «Тамъ у лѣска за ближнею долиной», черновой набросокъ «Братьевъ Разбойниковъ», черновикъ LI-ой строфы седьмой главы «Евгенія Онѣгина» и строфы путешествія, «О нѣтъ мнѣ жизнь не надоѣла», отрывокъ изъ «Анджело», черновикъ оды, заимствованной изъ Горация («Кто изъ боговъ намъ возвратилъ»), «Воротился къ женкѣ мельникъ», «О бѣдность! Затвердилъ я наконецъ», продолженіе «Юдифи» и проч. и проч.

Первый черновикъ — первая стадія творческаго акта Пушкина. За нею слѣдуетъ вторая стадія: поэтъ извлекаетъ изъ исчерканнаго черновика *стихи* — связанное чтеніе, дѣлаетъ творческую сводку, которую и можно назвать первоначальной редакціей произведенія. Въ этой работѣ

въ равной степени участвуютъ вдохновеніе поэта и его вдохновенный «высшій судъ», и при извлеченіи сводки изъ перваго черновика Пушкинъ пишетъ почти безъ пома-рокъ. Эта стадія творческой работы, однако, подготовительная, и скоро чистовая рукопись пріобрѣтаетъ черновой видъ: написанную сводку поэтъ подвергаетъ обработкѣ, отдѣлкѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и коренной переработкѣ. Окончательное чтеніе второй рукописи (въ большинствѣ случаевъ получерновой) содержитъ въ себѣ вторую редакцію, первоначальное, зачеркнутое — первую редакцію. Исследователь творчества Пушкина и обязанъ разсложить эту рукопись. И если намъ даетъ радость чтеніе извѣстнаго произведенія Пушкина въ новомъ, незнакомомъ видѣ съ новыми оттѣнками творческой мысли поэта, то врядъ ли можно сравнить какое либо удовольствіе съ тѣмъ, какое испытываешь при работѣ надъ разсложеніемъ рукописи Пушкина: въ этой работѣ присутствуешь въ творческой обители, при самомъ творческомъ актѣ поэта, добывающагося все бѣльшаго и бѣльшаго совершенства, болѣе совершеннаго выраженія своей поэтической мысли; эта работа раскрываетъ полнѣе замыселъ поэта, обнаруживая то, къ чему онъ стремился, что хотѣлъ выразить, чего достигалъ и какими средствами достигалъ.

Рукописей, содержащихъ первую и вторую редакціи произведеній Пушкина, не мало въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина. Назовемъ «Новаго Тарквинія» (первоначальная редакція «Графа Нулина»), пьесу, заимствованную изъ А. Шенье («Близъ мѣстъ гдѣ царствуетъ Венеція златая»), «Szaty» («Воевода» — изъ Мицкевича), строфы изъ неоконченной поэмы («Допросомъ музу безпокоя»), стихотворную часть импровизаціи итальянца изъ «Египетскихъ ночей» («Какая грусть ее гнететь?»), романсъ «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный», посланіе Д. В. Давыдову («Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою»). Нѣкоторыя изъ указанныхъ рукописей даютъ возможность возстановить полную исторію созданія произведеній Пушкина (такъ наприм., въ Румянцовскомъ Музеѣ хранится черновикъ пьесы изъ А. Шенье, Онѣгинская рукопись даетъ первую и вторую редакціи и текстъ

«Невскаго Альманаха на 1828 г.» окончательное чтеніе). Совершенно исключительный интересъ представляетъ Онѣгинская рукопись романа «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный».

Однако и третья стадія работы не окончательная (или, чтобы быть точнѣе, не всегда окончательная) — за нею слѣдуетъ еще чистовая рукопись — окончательная сводка съ послѣдней рукописи, и эта окончательная сводка не совпадаетъ буквально съ послѣднимъ чтеніемъ получерновой рукописи; иначе говоря, и эта четвертая стадія работы является творческой: перебѣляя рукопись, Пушкинъ не просто переписываетъ ее, а и тутъ стремится къ болѣе совершенному выраженію своей творческой мысли. За этой рукописью уже слѣдуетъ печатный текстъ, — и печатный текстъ опять таки часто отличается отъ послѣдней чистовой рукописи (отмѣтимъ, между прочимъ, весьма нерѣдкія частичныя возвращенія къ первоначальнымъ редакціямъ).

Два необходимыя замѣчанія. Описанныя нами четыре стадіи (изъ коихъ вторая и третья слиты въ одной рукописи) являются обычнымъ, типичнымъ процессомъ творчества Пушкина, отъ котораго бываютъ отклоненія въ обѣ стороны: въ то время, какъ созданіе однѣхъ пьесъ проходитъ двѣ стадіи (двѣ рукописи), созданіе другихъ проходитъ черезъ нѣсколько промежуточныхъ стадій (удвоеніе третьей стадіи). Другое необходимое замѣчаніе — отвѣтъ на естественно возникающій вопросъ: какимъ промежуткомъ времени отдѣлены творческія стадіи одного и того же произведенія; иначе говоря, являются ли эти стадіи различіемъ хронологическимъ или только логическимъ? — На этотъ вопросъ не просто отвѣтить: въ то время, какъ для однихъ произведеній онѣ хронологически совпадаютъ, для другихъ онѣ отдѣлены большимъ промежуткомъ — часто въ нѣсколько лѣтъ (такъ напр., «Каменный Гость», написанный въ 1830 году, былъ отдѣланъ въ 1836 году, рассказъ «Домика въ Коломнѣ» — его повѣствовательная часть, написанная въ 1829 году, отдѣлана въ 1830 году, первая глава «Евгенія Онѣгина»

1823 года — въ 1824 году и т. д. и т. д.). Въ качествѣ общаго правила можно принять, что различныя стадіи поэтическаго творчества Пушкина не совпадаютъ хронологически, и различіе въ почеркѣ и въ чернилахъ въ предѣлахъ даже одной получерновой рукописи указываетъ на разновременность второй и третьей стадій (чаще совпадаютъ и даже сливаются въ одномъ моментѣ и въ одной рукописи первая и вторая стадія).

Особый интересъ представляютъ двѣ рукописи изъ Онѣгинскаго собранія — образцы Пушкинскихъ переводовъ-заимствованій: начало перевода изъ «Гяура» Байрона и изъ «*Marsian Colonna*» Бари Корнуоля. Пушкинъ сперва переводитъ прозою (буквально) отрывокъ изъ Байрона на французскій языкъ, а затѣмъ уже вольно передаетъ то, что ему внушилъ его оригиналь:

«Нѣтъ вѣтра — тихая волна», потомъ «синяя» волна (а въ оригиналѣ нѣтъ ни тихой, ни синей волны); и чѣмъ больше Пушкинымъ овладѣваетъ творческое настроеніе, тѣмъ дальше онъ отходитъ отъ подлинника (а часто и совсѣмъ забываетъ о немъ и предается своему свободному вдохновенію, которое было возбуждено другими⁽¹⁾). Переводъ изъ «*Marsian Colonna*» записанъ на правой сторонѣ листа (на лѣвой переписанъ отрывокъ изъ Б. Корнуоля), при чемъ нѣкоторыя слова остаются непереведенными, а нѣкоторыя подчеркнуты. Эти особенности наводятъ на мысль, что и глубоко-личное, лирическое стихотвореніе Пушкина «Пора, мой другъ пора! покоя сердце проситъ» заимствовано изъ какого-нибудь англійскаго поэта (подъ этимъ стихотвореніемъ мы читаемъ запись: «Юность не имѣетъ нужды въ *at home*, зрѣлый возрастъ ужасается *своего* уединенія. Блаженъ кто находитъ подругу — тогда удались онъ *домой...*»).

(1) Такъ отрывокъ «О бѣднотѣ! Затвердилъ я наконецъ» считался до сихъ поръ буквальный переводомъ изъ Б. Корнуоля, только потому, что были извѣстны первые 2½ стиха, представляющіе дословный періодъ; но продолженіе — имѣющее въ Онѣгинскомъ музеѣ — заставляетъ говорить не о переводѣ, а о вольной передачѣ.

Пишущему эти строки не разъ приходилось указывать на вопіющія ошибки, допускаемыя при печатаніи художественныхъ произведеній Пушкина и особенно его посмертныхъ произведеній. Критическая проза Пушкина находится не въ лучшемъ, а еще въ худшемъ состояніи: пушкинскія статьи перемѣшаны съ не пушкинскими, текстъ пушкинскихъ статей искаженъ часто до неузнаваемости и до бессмыслицы, часть статей не отыскана вовсе. Онѣгинское собраніе, заключающее 18 номеровъ критической и исторической прозы, даетъ и въ этой области нѣчто новое (половина замѣтокъ вовсе была неизвѣстна) и устанавливаетъ болѣе авторитетный текстъ.

За немногими исключеніями, всѣ рукописи Пушкина, хранящіяся въ Онѣгинскомъ музеѣ, были опубликованы въ «Неизданномъ Пушкинѣ» (изд. Атеней, СПб., 1922) и, какъ смѣю думать, были опубликованы въ возможной степени полно и тщательно. Было бы однако поспѣшно заключать изъ этого, что рукописи Пушкинскаго музея А. О. Онѣгина потеряли свой научный интерес и превратились въ музейный предметъ, въ священную реликвию. Не говоря уже о томъ, что никакой человѣческой трудъ не можетъ быть названъ совершеннымъ, составители «Неизданнаго Пушкина» пользовались не подлинными рукописями, а фотографіями, между тѣмъ какъ никогда изученіе фотографіи не можетъ замѣнить собою изученія подлинной рукописи, ибо фотографія не передаетъ всѣхъ оттѣнковъ въ цвѣтъ чернилъ. Приведемъ примѣръ недостаточности одной фотографіи для изслѣдованія (мы говоримъ недостаточности, ибо не отрицаемъ важной пользы, приносимой фотографіей рукописи, часто позволяющей разобрать слово, не поддающееся разбору въ подлинной рукописи). Изслѣдуя текстъ «Памятника» по факсимилѣ, я обнаружилъ, среди дѣйствительныхъ ошибокъ, допускаемыхъ всѣми изданіями при печатаніи этой пьесы Пушкина, и еще одну — мнимую — въ предпоследнемъ стихѣ:

Хвалы и клевету приѣмля равнодушно...

Факсимилѣ создавало совершенно впечатлѣніе (связью буквъ), будто поэтъ написалъ сперва «хвалу» и затѣмъ

передѣлалъ послѣднюю букву на *ы* — «хвалы»; всѣ лучшіе знатоки рукописей Пушкина, которымъ я показывалъ это извѣстное факсимиле, соглашались со мной и констатировали фактъ исправленія «хвалу» на «хвалы». Для провѣрки я обратился къ подлинной рукописи (находящейся въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ), и подлинникъ обнаружилъ мнимую ошибку: различіе въ оттѣнкахъ чернилъ указало съ безспорною ясностью на обратное исправленіе: «хвалы» на «хвалу». Такія ошибки всегда возможны и при хорошихъ фотографіяхъ; что же говорить о дефектныхъ снимкахъ, не передающихъ легкихъ карандашныхъ набросковъ (въ силу этой дефектности Б. В. Томашевскій увидѣлъ вымыселъ А. Θ. Онѣгина при передачѣ строфы «Допросомъ музу безпокоя» въ томъ, что составляетъ карандашное исправленіе самого Пушкина, не вышедшее на фотографическомъ снимкѣ съ рукописи, бывшемъ въ распоряженіи составителей «Неизданнаго Пушкина»).

Надо думать, что «Неизданный Пушкинъ» окажетъ большую помощь при работѣ надъ рукописями Пушкина Онѣгинскаго музея, но изслѣдователь творчества Пушкина, конечно, не удовлетворится однимъ печатнымъ воспроизведеніемъ текста и обратится къ подлиннымъ рукописямъ — въ музей А. Θ. Онѣгина.

Какъ мы уже замѣтили выше, почти всѣ автографы Пушкина, хранящіеся у А. Θ. Онѣгина, опубликованы — наиболѣе полно въ «Неизданномъ Пушкинѣ» (второе изданіе котораго пополнено тремя отрывками: черновымъ наброскомъ «Эй, слушай, говорю тебѣ въ послѣдній разъ»,¹⁾ строфой изъ неоконченной поэмы «Езерскій» и черновымъ наброскомъ изъ V-ой главы «Путешествія въ Арзрумъ»). Есть однако немногія исключенія, и среди нихъ извѣстное стихотвореніе, посвященное А. О. Смирновой. Это стихотвореніе обычно печатается въ такомъ видѣ:

Въ альбомѣ А. О. Россетти.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора

⁽¹⁾ Стихотворное начало т. наз. «Сценъ изъ рыцарскихъ временъ».

Я сохранила взоръ холодный,
 Простое сердце, умъ свободный
 И правды пламень благородный,
 И какъ дитя была добра;
 Смѣялась надъ толпою вздорной,
 Судила здраво и свѣтло,
 И шутки злости самой черной
 Писала прямо на бѣло.

16 марта.

Б. Л. Модзалевскій (въ «Описаніи рукописей Пушкина находящихся въ музеѣ А. Э. Онѣгина въ Парижѣ») далъ исправленіе даты — «18 марта 1832», но не обратилъ вниманія на болѣе крупную ошибку издателей: А. О. Смирнова, устами Пушкина, говоритъ, что она «сохранила *взглядъ* холодный», а вовсе не неумѣстный въ данномъ случаѣ «взоръ». Совершенно же неумѣстно заглавіе «Въ альбомъ А. О. Россетти» (которая, кстати сказать, въ это время была уже не Россетти, а Смирнова) — пьеса написана *не въ альбомъ* ей: потому-то Пушкинъ и говоритъ не отъ своего лица, а отъ лица А. О. Смирновой, что онъ написалъ ей не альбомное стихотвореніе, а предисловіе — эпиграфъ къ ея «Историческимъ Запискамъ» (на первомъ листѣ тетради-альбома Пушкинъ написалъ «Историческія Записки А. О. С.***» — и ниже свое стихотвореніе, какъ бы предисловіе къ ея «Историческимъ Запискамъ»). А. О. Смирнова въ то время не послѣдовала совѣту Пушкина и превратила тетрадь, предназначавшуюся для «Историческихъ Записокъ», въ альбомъ стихотвореній (на 3-ей страницѣ — автографъ князя Вяземскаго, на 4-ой — Лермонтова⁽¹⁾ и т. д.).

(1) Въ простосердечіи невѣжды
 Короче знать васъ я желалъ;
 Но эти сладкія надежды
 Теперь я вовсе потерялъ.
 Безъ васъ — хочу сказать вамъ много,
 При васъ — я слушать васъ хочу:
 Но, молча, вы глядите строго,
 И я, въ смущеніи, молчу!

Ведя самъ дневникъ и записывая чужіе воспоминанія и разказы, цѣня старину и стараясь ее закрѣпить, Пушкинъ всѣхъ побуждалъ вести «меморіи». И подобно тому, какъ ему не удалось заставить А. О. Смирнову начать свои «Историческія Записки» (написанныя впоследствии отъ ея имени ея дочерью — отсюда недостовѣрность и апокрифичность «Записокъ А. О. Смирновой»), такъ точно онъ не могъ побудить своего большого друга П. В. Нащокина, несмотря на всѣ старанія, къ писанію воспоминаній. Въ Плетневскихъ бумагахъ Я. К. Грота, принадлежащихъ Пушкинскому Дому, хранится автографъ Пушкина извѣстныхъ «Записокъ П. В. Нащокина, имъ диктованныхъ въ Москвѣ, 1830»; и если раньше можно было подозрѣвать, что «Записки Нащокина» не продиктованы имъ Пушкину, а составлены послѣднимъ, то теперь, по сличеніи ихъ съ Записками Нащокина, исправленными собственноручно Пушкинымъ, — въ этомъ уже, кажется, не можетъ быть никакихъ сомнѣній. 2 декабря 1832 года Пушкинъ писалъ П. В. Нащокину: «Что твои меморіи? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой». Въ отвѣтъ на это письмо Нащокинъ и прислалъ Пушкину большое письмо, сохранившееся въ музей А. О. Онѣгина: «Любезный Александръ Сергѣевичъ! Покорствуя твоему желанію, я началъ писать свои записки отъ самаго рожденія...» (письмо написано не самимъ Нащокинымъ, а подъ его диктовку). Первые страницы этого письма-воспоминаній (а оно занимаетъ 3 листа писчей бумаги) испещрены карандашными поправками Пушкина, который не оставлялъ буквально ни одной фразы не переработанною. Главное значеніе этихъ записокъ, столь непохожихъ на извѣстныя «Записки П. В. Нащокина», печатаемыя въ собраніяхъ сочиненій Пушкина, непохожихъ ни со-

Что дѣлать? — рѣчью безыскусной
 Вашъ умъ занять мнѣ не дано...
 Все это было бы смѣшно .
 Когда бы не было такъ грустно.

держаніемъ, ни особенно манерой изложенія, не въ томъ, что мы знакомимся ближе съ другомъ Пушкина, а въ томъ, что онѣ даютъ возможность опредѣлить степень участія Пушкина въ составленіи извѣстныхъ «Записокъ П. В. Нащокина».

До сихъ поръ остается неиспользованнымъ экземпляръ изданія 1820 года (перваго изданія) «Руслана и Людмилы» съ карандашными исправленіями Пушкина для изданія 1828 года: Б. Л. Модзалевскій въ своемъ «Описаніи» приводитъ пять исправленій, но ими далеко не исчерпывается экземпляръ А. Θ. Онѣгина.

Есть еще одинъ, но совѣмъ незначительный автографъ Пушкина въ музеѣ: надпись его на картѣ Екатеринославской губерніи (1821 года) о томъ, что эта карта принадлежала Александру I и получена Пушкинымъ отъ А. М. Загряжскаго въ Симбирскѣ 14 сентября 1833 года.

Если немногіе автографы Пушкина, находящіеся въ собраніи А. Θ. Онѣгина, остались неопубликованными, то обратное нужно сказать о матеріалахъ музея, касающихся Пушкина: только немногіе изъ этихъ цѣнныхъ матеріаловъ увидѣли свѣтъ. Большинство документовъ, касающихся Пушкина, относятся къ дуэли и смерти Пушкина (эти документы были использованы П. Е. Щеголевымъ для его работы «Дуэль и смерть Пушкина») и къ опека надъ малолѣтними дѣтьми и имуществомъ Пушкина.

Достаточно сказать, что среди этихъ бумагъ находятся черновики извѣстнаго письма Жуковскаго къ С. Л. Пушкину о послѣднихъ минутахъ поэта и — самый цѣнный матеріалъ, какой только мы имѣемъ о дуэли Пушкина — пять конспективныхъ замѣтокъ Жуковскаго, относящихся къ исторіи дуэли (эти замѣтки, къ сожалѣнію, весьма неточно — по небрежности ли, или потому что онъ не разобралъ руку Жуковскаго — напечатаны П. Е. Щеголевымъ въ его изслѣдованіи; конспективность замѣтокъ Жуковскаго такова, что нѣкоторыя изъ нихъ остаются до настоящаго времени темными и не поддаются расшифровкѣ). Очень интересно большое неизданное письмо

С. А. Соболевскаго изъ Парижа (отъ 13/25 февраля 1837 года) къ П. А. Плетневу (сначала Соболевскій обращался въ немъ къ Жуковскому), въ которомъ Соболевскій касается подробно имущественныхъ дѣлъ Пушкина и говорить о способахъ составить капиталъ, обезпечивающій дѣтей Пушкина. Извѣстно, что Н. Н. Пушкина и С. А. Соболевскій очень не долюбливали другъ друга: тѣмъ интереснѣе его мнѣніе о «вѣтренной и пустой» вдовѣ, которая «можетъ и горе забыть, и выйти замужъ». Соболевскій крѣпко вѣрилъ съ Пушкинымъ, что она виновата «только по вѣтренности и глупости», но сознавался,¹ что во всемъ приготовившемъ страшное событіе много темнаго и таинственнаго. Не случайно тутъ же онъ говоритъ о томъ, что Н. Н. Пушкина «слишкомъ привыкла» къ прихотямъ и роскоши и никогда не сможетъ привыкнуть къ порядку, бережливости и къ распорядительности: мы слишкомъ знаемъ, какихъ душевныхъ мукъ стоила Пушкину ея любовь къ роскоши, какъ Пушкинъ запутался въ способахъ согласовать ея любовь къ роскоши со своею любовью къ независимости; слишкомъ знаемъ, что денежная запутанность Пушкина и невозможность развязать Гордіевъ узелъ, въ которомъ сплелись долги и зависимость — главная причина страшнаго для Россіи конца Пушкина...

Изъ другихъ бумагъ, касающихся Пушкина, упомянемъ о двухъ запискахъ С. Л. Пушкина: одна изъ нихъ охарактеризована Б. Л. Модзалевскимъ, какъ записка «съ біографическими сухими свѣдѣніями о сынѣ», другая — письмо его къ Жуковскому 1820 года — вовсе не вошла въ «Описаніе» Б. Л. Модзалевскаго. Записка С. Л. Пушкина о сынѣ дѣйствительно такъ суха и содержитъ столь общеизвѣстные факты изъ жизни поэта, что не представляла бы никакого интереса, если бы не было послѣднихъ строчекъ, въ которыхъ С. Л. говоритъ о большомъ уваженіи поэта въ младенчествѣ къ писателямъ: будущій поэтъ въ пять лѣтъ понималъ, что Н. М. Карамзинъ «не то что другіе», внимательно вслушивался въ его разговоръ и не спускалъ съ него глазъ.

Ничего существенно новаго не даетъ и письмо-записка С. Л. Пушкина къ Жуковскому, но она цѣнна для біографа

Пушкина тѣмъ, что документально подтверждаетъ главную роль, какую играли Жуковскій, Карамзинъ и Тургеневъ въ судьбѣ Пушкина, которому грозила ссылка въ Соловки, замѣненная вслѣдствіе ихъ ходатайствъ переводомъ по службѣ въ Кишиневъ. Документально подтверждаетъ письмо С. Л. Пушкина и большое участіе въ этомъ дѣлѣ графа Милорадовича: С. Л. не знаетъ, что сдѣлать при встрѣчѣ съ нимъ — броситься ли къ его ногамъ, или въ его объятія.

Біографъ Пушкина не преминетъ также перерыть всю обширную корреспонденцію Жуковского съ частыми упоминаніями о Пушкинѣ и въ неизданной части писемъ князя Вяземскаго (очень значительной), Жихарева, Козлова, Нащокина, барона Розена, Сиркуръ, Теплякова и др. найдетъ много для себя любопытнаго.

Въ письмахъ Козлова трогательно выражается его культъ Пушкина; слѣпой поэтъ самъ переписываетъ стихи Пушкина и сообщаетъ своему другу напр. такую радостную вѣсть: «Надо похвастатся. Пушкинъ пишетъ къ Дельвигу обнимаю Матюшкина какъ истиннаго лицейста; Козлова какъ истиннаго поэта, *ce qui m'a fort plus*» (*sic*).

Очень интересно письмо А. de Circourt (рожд. Хлюстиной) — отъ 23 декабря 1837 — воспоминанія о послѣднихъ встрѣчахъ съ Пушкинымъ въ 1836 году: «L'hiver dernier, lorsque la perte de Пушкинъ a retenti jusqu'ici, j'allois vous écrire; mon cœur plein d'amertume étoit en sympathie complete avec le vôtre, mais que pouvois-je vous dire? vous répéter les accents de votre propre douleur — de telles expressions n'appartiennent qu'au poëte, lui seul peut faire rendre à sa lyre des sons plaintifs qui consolent l'âme au lieu de la déchirer. C'est en la présence de Пушкинъ que je vous ai vu pour la première fois — je me suis toujours rappelé ce moment — il y en a peu de pareils dans la vie.

Toute la partie russe de mon être s'étoit ravivée en présence des plus beaux talens de mon pays; je me sentois fière de leur célébrité, reconnaissante de tous les accords harmonieux qu'ils avoient tirés de notre langue. Pendant ce trop court séjour à Pétersbourg, j'avois vu Пушкинъ souvent et

plus que vous à mon grand regret. Son esprit de divination pour tout ce qu'il ne voyoit que par l'intelligence m'avoit frappé autant que le tour poétique que sa pensée prenoit sur toutes choses à son insu ; sa conversation me démontrait une maturité que je n'avois pas encore trouvée dans ses plus beaux vers ; je l'ai quitté lui préversant un avenir immense, attendant tout hors une fin si prochaine... Depuis mon souvenir a recherché les plus petits détails de sa causerie, tout en lui étoit empreint d'une supériorité incontestable et toujours en présence.

Votre lettre à son père est admirable, il me semble que moi aussi j'ai assisté à ces moments solennels que vous décrivez comme ami et comme historien ; je suis particulièrement frappée de cette première expression de la mort à laquelle vous donnez toute la dignité qui est le commencement de l'éternité, c'est un éclair que vous avez su fixer à jamais... »

Живо рисуеть матеріальныя затрудненія Пушкиныхъ въ 1834-1835 г. г. (во время болѣзни матери поэта, Н. О. Пушкиной) С. П. Жихаревъ: «... Пушкина чувствуетъ себя лучше... Что-то будетъ впередъ? По замѣчанію моему неудовольствія суть главныя причины ихъ болѣзней. Не то, такъ другое; а главное: разстройство состоянія, которому помочь невозможно, ибо сіе требовало бы постояннаго надзора за дѣлами, труда, соображенія и опытности; у нихъ въ семьѣ нѣкому заниматься хозяйствомъ. Сынъ едва, едва справляется и со своимъ: долги равняются съ имѣніемъ. Что ему дѣлать? Хорошаго управителя найти невозможно, да и хорошій homme d'affaires потребуеть большую плату. Откуда взять ее? Словомъ положеніе Пушкиныхъ грустно теперь, но впереди еще грустнѣе. Я занялъ для нихъ нѣсколько тысячъ рублей на себя, но деньги сіи отправлены къ Орфано; да и что значать сіи нѣсколько тысячъ? капля въ морѣ...».

Особый отдѣлъ въ Пушкинскомъ собраніи А. Ѳ. Онѣгина составляютъ копіи Пушкинскихъ стихотвореній, псевдо-пушкинскихъ пьесъ и пьесъ, приписываемыхъ Пушкину (безъ достаточныхъ основаній), а также переводы ихъ на французскій языкъ. Нѣкоторыя изъ этихъ копій заслуживаютъ серьезнаго вниманія, особенно въ

тѣхъ случаяхъ, когда стихотвореніе не печаталось при жизни Пушкина и не сохранилось въ его рукописи (такое, напримѣръ, «Второе посланіе къ Цензору»): нахожденіе ихъ въ бумагахъ Жуковского придаетъ имъ извѣстную авторитетность. Нельзя того же сказать о копіяхъ Пушкинскихъ пьесъ, находящихся въ тетради графини Е. П. Ростопчиной, «Запрещенныя стихотворенія 19 вѣка» (между прочимъ, апокрифическія эпиграммы на Карамзина читаются тамъ не въ обычной редакціи, и двѣ эпиграммы соединены въ одну:

Поклявшись Хамомъ быть предъ самовластья урной,
 Умѣлъ онъ ясно доказать,
 Какъ можно думать очень дурно
 И очень хорошо писать.
 На плаху старину влача
 Онъ Русскимъ доказалъ, безъ всякаго пристрастья,
 Необходимость палача
 И нѣжность самовластья.)

Еще менѣе авторитетны копіи стихотвореній на отдѣльныхъ листахъ неизвѣстнаго происхожденія. Одна изъ такихъ копій (стихотворенія «Гречанкѣ») подробно описана Б. Л. Модзалевскимъ, который готовъ былъ довѣриться датировкѣ этой копіи (11 апрѣля 1823, между тѣмъ какъ обычно это стихотвореніе датируется 1822 годомъ), не обративъ очевидно вниманія на то, что на другомъ листѣ тѣмъ же самымъ почеркомъ и тоже съ очень точною датою (7 апрѣля 1823 года) написано другое стихотвореніе «Пушкина»:

(На голосъ: Тебя забыть: и ты сказала)
 Внемли мой другъ обѣдъ священный,
 Клянусь Его во вѣкъ хранить;
 Клянусь мой милый другъ безцѣнный
 Тебя любить, — тебя любить!
 Несчастлива буду пусть тобою,
 Забвениемъ станешь коль платить;
 Но мнѣ назначено Судьбою:
 Тебя любить; Тебя любить!

Нужно ли дальше приводить это «пушкинское» стихотвореніе?

Подводя итоги всему сказанному выше, мы приходимъ къ слѣдующему краткому выводу: и по количеству, и еще болѣе по качеству собранныхъ матеріаловъ, музей А. Э. Онѣгина оправдываетъ имя «Пушкинскаго» музея.

ЖУКОВСКІЙ.

По количеству матеріаловъ и по ихъ безотносительному значенію первое мѣсто въ Онѣгинскомъ музеѣ занимаютъ рукописи Жуковскаго и документы, непосредственно касающіеся «побѣжденнаго учителя» Пушкина — поэта чувства и сердечнаго воображенія.

Жуковскій представленъ такъ полно въ Онѣгинскомъ собраніи, что всякое изученіе жизни и творчества Жуковскаго безъ пользованія Онѣгинскими матеріалами будетъ неизбежно неполно, и обратно: хотя и не въ полной мѣрѣ, жизнь и творчество Жуковскаго могутъ быть изучены на основаніи однихъ этихъ матеріаловъ (чего, конечно, нельзя сказать о собраніи рукописей Пушкина и матеріаловъ, относящихся къ жизни и творчеству Пушкина).

Онѣгинское собраніе прежде всего пополняетъ — и при томъ очень значительно — самыя полныя изъ собраній сочиненій Жуковскаго нѣсколькими его прозаическими статьями и десятками неизданныхъ стихотвореній. Особенно полно представленъ лучший періодъ въ творествѣ Жуковскаго — 1808-1818 г. г. Въ этомъ періодѣ мы можемъ слѣдить шагъ за шагомъ за творчествомъ Жуковскаго и за развитіемъ его творческой личности. Къ этому періоду относятся тетрадошка стихотвореній Жуковскаго 1812 года, переписанныхъ рукою М. А. Протасовой (изъ 9 пьесъ только одна была до сихъ поръ издана), три сеанса засѣданій Плещеевской «Académie des curieux impertinans» 1813 года, въ которыхъ Жуковскій принималъ участіе своими разсужденіями на заданныя темы, «Книга Алек-

сандры Воейковой», содержащая черновики стихотворений Жуковского 1815-1819 г. г., и тетрадошка каллиграфически переписанных Жуковским для его занятий съ великой княгиней Александрой Θεодоровной въ 1817-1818 г. г. 9 неизданныхъ его басенъ (съ размѣченными удареніями и полу-удареніями въ стихахъ). Къ этому же періоду относятся и многочисленныя посвященія М. А. и А. А. Протасовымъ.

Особенно большой интересъ представляютъ записанія домашней Академіи и еще бѣльшій — «Книга Александры Воейковой». Первое болѣе интересно въ біографическомъ отношеніи, тѣмъ, что знакомитъ насъ съ міровоззрѣніемъ поэта въ 1812-1813 г. г., второе — «Книга Александры Воейковой» — важно для изученія творчества, творческаго процесса и творческой работы Жуковского въ 1815-1819 г. г. (помимо того, что «Книга Александры Воейковой» даетъ цѣлый рядъ неизданныхъ стихотвореній и отрывковъ и устанавливаетъ точныя — по днямъ — даты созданія отдѣльныхъ произведеній): мы имѣемъ передъ глазами полную картину «Вадима» (съ точными датами отдѣльныхъ строфъ), перебивающагося созданіемъ мелкихъ лирическихъ стихотвореній, полную картину «Славянки» и проч. Черновики Жуковского (сравнительно съ бѣловыми автографами и съ другими матеріалами) не такъ много въ музеѣ А. Θ. Онѣгина: кромѣ «Книги Александры Воейковой» и «Черновой книги Пушкина» (начатой уже послѣ смерти Пушкина Жуковскимъ и подаренной имъ графинѣ Е. П. Ростопчиной), мы имѣемъ черновики немногихъ стихотвореній Жуковского и только небольшіе отрывки черниковъ «Одиссеи», «Рустема и Зораба», «Вѣчнаго Жюда» и «Наля и Дамаанти». Но и этихъ черниковъ достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о творческой работѣ Жуковского, во многомъ отличающейся отъ работы Пушкина, но имѣющей также и общія черты: для Жуковского, какъ и для Пушкина, какъ и для всѣхъ поэтовъ его эпохи, творчество было связано съ поэтическимъ вдохновеніемъ и поэтической *работой*, трудомъ. Жуковский много трудится надъ созданнымъ уже произведеніемъ и тщательно обрабатываетъ

его, порою выбрасывая цѣлые куски (какъ выброшенъ напр. переработанный уже отрывокъ изъ «Рустема и Зораба»), но въ его «отдѣлкѣ», равно какъ и въ его первыхъ черновикахъ, нѣтъ ни Пушкинскаго размаха, ни того обилія образовъ, которые толпятся въ первыхъ черновикахъ Пушкина. Порою черновики Жуковскаго производятъ впечатлѣнiе не творческаго акта, а сочиненiя: поэтъ подбираетъ подходящее слово, придумываетъ слово, не подсказанное вдохновенiемъ. Процессъ творчества Жуковскаго не отличается и сложностью творческаго процесса Пушкина: Жуковскiй набрасываетъ стихотворенiе, сейчасъ же исправляетъ и тутъ же переписываетъ его начисто; очень часто на этомъ моментѣ и заканчивается весь творческiй актъ. Не все одинаково легко дается Жуковскому: Жуковскiй легко отдается своему творческому воображенiю и вдохновенiю, когда онъ увлеченъ музыкальной мелодiей того поэтическаго настроенiя, которое онъ передаетъ («А въ вышинѣ звенѣло»), или когда онъ рисуетъ излюбленные имъ лунные пейзажи; болѣе затрудняется поэтъ, когда ему приходится повѣствовать или говорить о томъ, что несозвучно съ его внутренней музыкальной мелодiей. Выше мы говорили о связи творческихъ образовъ Пушкина съ рисунками его въ черновыхъ тетрадяхъ; такая же связь можетъ и должна быть установлена и для Жуковскаго. Но въ то время, какъ въ Онѣгинскомъ собранiи почти вовсе нѣтъ рисунковъ Пушкина, въ немъ сохранилось большое количество альбомовъ съ карандашными рисунками Жуковскаго — преимущественно швейцарскихъ пейзажей. Рисунки Жуковскаго поражаютъ тонкостью, изяществомъ и легкостью, прозрачностью отдѣлки, но нѣсколько утомляютъ своимъ однообразiемъ.

Исторiи русской литературы принадлежитъ не только поэтическое творчество Жуковскаго, но — и можетъ быть, не въ меньшей мѣрѣ — его жизнь, жизнь ангелазакратора современныхъ ему русскихъ поэтовъ и русской поэзи. «Поэзи я есть добродѣтель», говорилъ Жуковскiй: и не только его поэзи, но и жизнь его была добродѣтелью. Помимо того большого значенiя, какое имѣлъ Жуковскiй

въ жизни всѣхъ современныхъ поэтовъ; помимо того, что Жуковский въ теченіе полувѣка стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ русскаго просвѣщенія и русской литературы; помимо того, что Жуковский, хлопотавшій у трона за всѣхъ опальныхъ поэтовъ и художниковъ, образовывалъ умъ и сердце будущаго царя — Александра II, — помимо этого, жизнь Жуковскаго представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что его жизнь была связана съ его творчествомъ такъ тѣсно, какъ у немногихъ поэтовъ.

Онѣгинскій музей заключаетъ въ себѣ исключительно цѣнные и обширные матеріалы для біографіи Жуковскаго — столь цѣнные и обширные, что біографъ Жуковскаго долженъ поставить ихъ на первое мѣсто среди всѣхъ матеріаловъ. Авторъ монографіи о Жуковскомъ — «Жуковский. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія» — академикъ А. Н. Веселовскій, во время работы надъ своей книгой, имѣлъ доступъ къ Онѣгинскому музею и использовалъ многіе его матеріалы; часть матеріаловъ (въ то время, какъ они еще находились у ихъ прежняго владѣльца, П. В. Жуковскаго) была опубликована П. И. Бартеневымъ въ «Русскомъ Архивѣ»; но очень значительная, бѣльшая часть матеріаловъ музея до сихъ поръ еще не опубликована и не использована и ждетъ своего изслѣдователя. Особенно полно освѣщаются матеріалами Онѣгинскаго музея отдѣльные — и при томъ центральные — моменты въ жизни Жуковскаго: прежде всего, самый важный фактъ его біографіи, опредѣлившій его жизнь и творчество — отношенія его съ Протасовыми-Мойеръ-Воейковыми, и затѣмъ двадцатидвухлѣтнее пребываніе его въ царской семьѣ, его занятія съ Наслѣдникомъ и его культъ императрицы Александры Ѳеодоровны — Лаллы Рукъ. Менѣе вырисовывается картина пребыванія Жуковскаго въ своей семьѣ и душевный міръ его въ послѣдніе годы: въ это время поэтъ больше молчалъ и рѣдко передавалъ въ письмахъ свои душевныя переживанія, свои душевныя тревоги, часто посѣщавшій его (молчаніе Жуковскаго хорошо объяснено шутливыми словами Булгакова въ письмѣ его къ Жуковскому отъ 19 декабря 1844 года: «Ты прекуріозный человѣкъ! у тебя, душа моя, все выходитъ изъ порядка

обыкновеннаго... ты вѣрно пишешь толстыя письма къ женѣ твоей, покоющейся въ смѣжной съ тобою комнатѣ на кушеткѣ, а въ Москву къ друзьямъ посылаешь записочки, на коихъ дня даже не означено». Дѣйствительно, самыя большія письма Жуковскій писалъ М. А. Протасовой — и тогда, когда она находилась въ сосѣдней комнатѣ. Въ этомъ сказывается органическое свойство многопишущаго Жуковского, который легче выражаетъ свои мысли и чувства на бумагѣ и за письменнымъ столомъ, наединѣ и въ *воображаемомъ присутствіи* собесѣдника, чѣмъ въ устной бесѣдѣ при реальной встрѣчѣ. Сказанное его собесѣдникомъ наводитъ его на мысль, которую онъ, не будучи въ состояніи передать точно въ живомъ разговорѣ-діалогѣ, торопится облечь въ форму письменнаго монолога. Письмо для Жуковского большею частью продолженіе и развитіе начатаго разговора, начатой интимной бесѣды и носить характеръ полу-бесѣды, полу-дневника; письмо Жуковского большею частью вызывается непосредственнымъ поводомъ, сказаннымъ словомъ, объясненіемъ, — и потому онъ охотнѣе пишетъ письма присутствующимъ, чѣмъ отсутствующимъ друзьямъ).

Главными матеріалами для разсказа о жизни Жуковского въ семьѣ Протасовыхъ и Воейковыхъ является его Дерптскій дневникъ 1815 года (съ нѣсколькими болѣе поздними записями), его стихотворныя обращенія (частью неизданныя) къ М. А. Протасовой и А. А. Воейковой, его переписка съ Протасовыми, Воейковыми и А. И. Тургеневымъ, его духовныя завѣщанія и неизданный предметный дневникъ М. А. Протасовой-Мойеръ. Особенно большой интересъ представляетъ Дерптскій дневникъ, написанный въ формѣ полу-дневника, полу-письма къ Маши (въ своемъ дневникѣ Жуковскій часто прибѣгаетъ къ обращенію къ ней и почти цѣликомъ, почти безъ измѣненія переноситъ изъ него большіе отрывки въ письма къ ней): этотъ дневникъ даетъ полную и ясную картину душевнаго міра Жуковского, его любви къ М. А. Протасовой, изъ любви къ которой онъ готовъ отречься отъ своей любви, его запутаннаго отношенія къ матери Маши, его ненависти къ А. Ѳ. Воейкову и той роли, какую игралъ

его предатель-другъ. Основной лейтмотивъ Дерптскаго дневника, звучащій едва ли не на каждой страницѣ — необходимо уѣхать изъ Дерпта, необходимо разстаться, быть розно, для того, чтобы имѣть право не разставаться въ сердцѣ.

Большой интересъ представляютъ письма М. А. Протасовой къ Жуковскому передъ ея замужествомъ, въ которыхъ она объясняетъ мотивы своего рѣшенія выйти замужъ и проситъ Жуковскаго сжечь ея письма («*En brûlant tout ce que vous avez eu de moi (mais tout, je vous supplie) vous me délivrerez de tous mes tourmens! Vous ne pourrez jamais vous faire une idée des chagrins de Maman et des miens. Tous mes malheurs ne proviennent que de ce que je l'ai trompée, et Dieu me punit trop sévèrement. Je vous supplie, brûlez tout sans le lire. Dieu vous recompensera*»).

Не меньшій интересъ для характеристики того, кто былъ музой Жуковскаго, представляетъ предсмертный дневникъ (на нѣмецкомъ языкѣ) М. А. Протасовой съ эпитафиями: «Я все земное совершила» и «*Hab'ich nicht beschlossen und geendet? Hab'ich nicht geliebet und gelebt?*» Этотъ дневникъ, начатый 2 іюля 1822 года — за 9 мѣсяцевъ до смерти, — былъ только указанъ, но не использованъ А. Н. Веселовскимъ въ его книгѣ. Характеръ его опредѣляется первой записью (на разсвѣтѣ 2 іюля, на берегу Оки): «Я подошла къ берегу рѣки — ахъ, тамъ было все такъ спокойно! Это показалось мнѣ картиной моей прежней души! Стада ходили по берегу, солнце хотѣло всходить, и вѣтеръ пригонялъ волны къ моимъ ногамъ. Милое дитя! я молилась за Жукó, за мою Катю и за Васъ! — *Ахъ, скоро моя жизнь будетъ тамъ, но эти впечатлѣнія будутъ меня и тамъ счастливить. Я съ судьбою мои счеты покончила, не жду для себя больше ничего и совершенно счастлива, когда имѣю спокойствіе въ настоящемъ и всю душу въ прошломъ*». Предчувствія близкаго и радостнаго конца не покидаютъ ее ни на минуту и сплетаются съ мыслями о Богѣ и о трехъ самыхъ близкихъ для нея существахъ на землѣ: Жуковскомъ, дочери и мужѣ.

Неизданныя письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу и А. А. Воейковой говорятъ о томъ, что послѣ выхода замужъ М. А. Протасовой, душевное вниманіе поэта все болѣе и болѣе обращается на ея сестру — А. А. Воейкову, «Свѣтлану», вдохновительницу Жуковскаго, Козлова, Боратынскаго, Языкова... одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ женскихъ образовъ, какіе только намъ извѣстны въ XIX вѣкѣ. Очень интересно письмо къ ней Жуковскаго — отвѣтъ на письмо, написанное обѣими сестрами: «Мой доброй Ангель Сашка, я получилъ ваше *двойное* письмо и прочиталъ его съ чувствомъ возвышающимъ сердце. Это возвышеніе есть всегдашнее дѣйствіе твоего голоса, моя Сашка, ты сдѣлана для того, что бы плѣнять душу, способную чувствовать прекрасное. Пока буду не просто знать тебя, а знать тебя и чувствовать, по тѣхъ поръ могу еще полагаться на себя. Это письмо написанное вами вмѣстѣ говоритъ мнѣ такъ много; въ немъ несмотря на примѣсь горькаго, есть много утѣшительнаго и успокаивающаго; какая разница въ вашей судьбѣ и какое сходство въ вашихъ сердцахъ. И какъ это письмо доказываетъ, что въ здѣшней жизни все къ одному, *все для души*. Въ Машинныхъ строкахъ чувствительно ея настоящее счастье, тихое, не романическое, но украшенное, оживленное ея душою, которая рѣдко сказывается, но въ которой глубоко спрятано все что есть лучшаго; наконецъ она имѣла минуту въ жизни, въ которую могла сказать отъ полноты сердца: *Il y a tant de bonheur à vivre dans ce monde!* Какъ много для меня поэзіи въ этомъ словѣ! Она говоритъ это мнѣ, и говоритъ *вмѣстѣ съ тобою*. И читать послѣ ея письмо твое... новое совсѣмъ другого рода чувство — какая разница въ вашей судьбѣ и несмотря на то какое сходство въ дѣйствіи. Послѣ всего, что было, вы сошлись вмѣстѣ и Маша говоритъ: мы *объ* блаженны, и ты повторяешь отъ полноты сердца: блаженны — *c'est le mot!* Можно сказать, что между этими двумя фразами есть бездна и она васъ не раздѣляетъ. Сашка, вотъ одна изъ тѣхъ минутъ въ жизни, въ которыя можно ясно понять, для чего дана намъ жизнь! Какой свѣтлый фонарь! Какъ я люблю тебя съ этимъ словомъ *мы блаженны* въ виду счастья, ко-

торое не *твое*, а наше, мой ангель, на что тебѣ забывать! Твоя судьба есть Божья благодатная буря; радъ бы сказать ей *оборотись въ ясный день*, но смотрѣть на нее иначе нельзя какъ на колѣняхъ, какъ съ чувствомъ высокимъ, знаменующимъ присутствіе Бога скрытаго за этою бурею. Et vous aussi vous avez monté la montagne de Cachemire; но знай и пусть будетъ это твоимъ новымъ утѣшеніемъ — ты стоишь на этой горѣ не одна и не для одной себя...». Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, опредѣляя прекрасное, Жуковский не можетъ найти лучшаго примѣра возвышающаго дѣйствія прекраснаго: «... оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты жизни — величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой (Сашиной души), поэзія, счастье, но еще болѣе несчастье даютъ намъ высокія ощущенія прекраснаго».

Въ письмахъ къ А. И. Тургеневу Жуковский говоритъ и о другомъ лицѣ, которое вызывало въ немъ такой же святой восторгъ и производило такое же небесное очарованіе — объ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, воспѣтой Пушкинымъ и Жуковскимъ.

Посылая Тургеневу свою «Лаллу Рукъ», Жуковский писалъ (6|19 февраля 1821): «Вотъ тебѣ мои стихи; но только для тебя и для Саши. Прошу тебя пожертвуй мнѣ своею страстію развезить въ одномъ этомъ случаѣ. Тебѣ не нужно мнѣ объяснять того чувства, которое произвело эти стихи. Оно не любовь, но родное ей чувство, высокое и чистое. Я много бы потерялъ естлибъ это было иначе. Зачѣмъ сводить Бога съ алтаря чтобы обнявъ его лишитъ черезъ то Божественности, то есть именно того, что влечетъ къ его алтарю? — Мое чувство къ в. к. имѣетъ характеръ этаго чистаго богопочтенія, нужнаго душѣ чтобы сохранять въ ней жизнь и ее благородствовать. Она милое, небесное, возвышенное твореніе; я иногда чувствую къ ней привязанность *avec un abandon qui me charme; elle est faite pour être l'idéal bienfaisant d'une âme pure...* но дѣло объ стихахъ; они требуютъ объясненія. Здѣсь былъ несравненный праздникъ, который оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе...». Разсказавъ подробно и восторженно о Берлинскомъ праздникѣ, въ которомъ участвовала великая

княгиня Александра Ѳеодоровна въ видѣ Лаллы Рукъ, Жуковскій добавляетъ: «Я написалъ свои стихи гораздо послѣ; я не отдавалъ ихъ, можетъ быть и не отдамъ: они для меня какъ молитва. Чувство которое ихъ произвело родня всѣмъ тѣмъ живымъ чувствамъ которыя въ разныя прекрасныя минуты жизни наполняли душу. Для тебя, для Саши оно понятно, другіе могутъ его изъяснить иначе и изковеркать своимъ изъясненіемъ»... Въ другомъ письмѣ (8/21 февраля 1821) Жуковскій говоритъ: «... нѣтъ ничего святѣе и чище, какъ быть въ присутствіи прекраснаго созданія Божія, которое тихо, покорно, безъ всякаго себѣ насилія готовится исполнять то что Богъ ему повелѣваетъ въ жизни. Въ ея душѣ удивительная гармонія идеальнаго съ простожитейскимъ. Она способна все высокое чувствовать, всѣмъ восхищаться, но это высокое, не къ обыкновенной жизни принадлежащее, не удаляетъ ее отъ обыкновенной жизни, которой мѣлкія должности не пугаютъ ее своею сухостію. Это *идеальное* есть сокровище ея души; оно послужитъ ей только для того чтобы *das grosse in das Leben zu legen*, чтобы не поддаться ничему мѣлкому въ жизни, но не увлечетъ ее въ мечтательность безъ цѣли: она имѣетъ необыкновенную вѣрность ума и чувства. Это тихое величіе души безъ всякой пышности есть что то святое...».

И съ тѣмъ же самымъ увлеченіемъ и священнымъ трепетомъ, съ какимъ Жуковскій занимался съ в. к. Александрой Ѳеодоровной русскимъ языкомъ и литературой, приступилъ онъ и къ воспитанію будущаго наслѣдника Престола. Тѣ 22 года, которые провелъ Жуковскій въ царской семьѣ, составляютъ большую эпоху въ его жизни: въ теченіе 22 лѣтъ Царскій домъ былъ *домомъ* Жуковскаго, въ теченіе 22 лѣтъ онъ жилъ почти исключительно интересами царской семьи, отказавшись отъ личной жизни и — въ очень большой степени — отъ поэтическаго творчества, отзываясь своей лирой преимущественно на событія, происходившія внутри его новой — чужой — семьи. Недаромъ друзья поэта Жуковскаго такъ скорбѣли о «покойникѣ» поэтѣ («Славный былъ покойникъ, царствіе

ему небесное» — говорилъ Пушкинъ), недаромъ князь Вяземскій писалъ ему негодующее письмо и восклицалъ (цитируемъ отрывокъ, который въ свое время по цензурнымъ условіямъ не могъ быть напечатанъ): «Провидѣніе зажгло въ тебѣ огонь дарованія въ честь народу, а не на потѣху Двора. Какъ ни будь поверхностно и мало-значительно обхожденіе супруга съ дѣвками, но брачный союзъ все отъ того терпитъ и рано, или поздно, распутство дома отзовется. Брачный союзъ нашъ съ народомъ: домашнее бытѣе наше въ отечествѣ. Царская ласка, курва соблазнительная, которая вводитъ въ грѣхъ и отъ обязанности законной отвлекаетъ. — Говорю тебѣ искренно и отъ души»... Не одну ласку видѣлъ Жуковскій въ царской семьѣ: императрица была всегда съ нимъ ласкова и внимательна къ нему — и ей Жуковскій платилъ почти религіознымъ поклоненіемъ, великій князь, воспитанникъ Жуковскаго, искренно привязался къ нему, но не всегда былъ внимателенъ къ урокамъ и наставленіямъ поэта, а имп. Николай I подчасъ выражалъ свой гнѣвъ и недовѣріе къ воспитателю своего сына, къ воспитателю, который слишкомъ заступаетъ за всѣхъ опальныхъ, кажущихся императору, напуганному декабрьскимъ возстаніемъ, опасными революціонерами.

Матеріаловъ, освѣщающихъ жизнь Жуковскаго въ царской семьѣ, его занятія съ будущимъ императоромъ Александромъ II и его педагогическіе принципы, весьма много въ музеѣ А. Э. Онѣгина; они заключаются въ обширныхъ докладахъ и проектахъ воспитанія Наслѣдника и в. к. Константина Николаевича, въ дневникѣ занятій съ Наслѣдникомъ въ 1834 году, въ учебныхъ тетрадкахъ и — болѣе всего — въ многочисленныхъ и пространныхъ письмахъ и черновикахъ писемъ Жуковскаго къ имп. Николаю I и къ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ (особенно словоохотливъ Жуковскій въ письмахъ къ императрицѣ). Жуковскій тщательно и очень подробно, въ малѣйшихъ деталяхъ, разработалъ планъ образованія будущаго человѣка-царя и представилъ его на Высочайшее утвержденіе. Согласно этому плану, цѣлью воспитанія является «образованіе для добродѣтели», кото-

рое достигается пробужденіемъ, развитіемъ и сбереженіемъ природныхъ добрыхъ качествъ, образованіемъ изъ этихъ качествъ силою религіи и правилами разума «характера нравственнаго», предохраненіемъ отъ зла и искорененіемъ злыхъ побужденій и наклонностей. Все обученіе Жуковскаго раздѣляется на три періода — отъ 8 до 14 лѣтъ («Ученіе приготовительное»), отъ 14 до 18 лѣтъ («Ученіе подробное») и отъ 18 до 20 лѣтъ («Ученіе примѣнительное») — и далѣе даетъ подробный планъ ученія въ первомъ періодѣ. Въ первомъ періодѣ ученія предметы должны преподаваться въ ихъ естественной связи, не совокупно, а по порядку, и параллельно съ предметами должны итти практическая логика (для образованія ума), начальныя понятія нравственности, основанной на христіанской религіи (для образованія сердца), языки, гимнастика и ручная работа. Въ первомъ классѣ большое вниманіе удѣляетъ Жуковскій упражненіямъ вниманія и ума (счетъ), русскому языку и началамъ христіанской нравственности. Въ связи съ тѣмъ, что ученикъ во второмъ классѣ долженъ дать себѣ отвѣтъ на 4 вопроса: «Гдѣ я? Что я? Что быть долженъ? Къ чему предназначенъ?» — Жуковскій вводитъ физическую географію, понятія о физикѣ, химіи, минералогіи, геологіи, ботаникѣ и зоологіи («гдѣ я?»), анатомію, технологію, естественное право, начала политики, исторію и географію («что я?»), нравственность («что я быть долженъ?»), метафизику, религію естественную и религію откровенія («къ чему я предназначенъ?»). Въ программу третьяго класса включены языки (французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій), правописаніе, упражненіе въ слогѣ и проч., въ программу четвертаго класса — «пріятныя таланты» (рисованіе, архитектура, музыка, гимнастика, ручная работа и проч.). Попутно съ программой, Жуковскій подробно останавливается на методахъ преподаванія («разговорный» и «учебный») и регламентируетъ учебное время (отъ 1 января до половины іюня и отъ 1 августа до 25 декабря) и неучебное (праздничные дни и ваканціи). Учебный день такъ распределенъ Жуковскимъ: Вставать въ 6 часовъ. Отъ 6 до 7: молитва; завтракъ; обзорѣніе того, что надлежитъ сдѣлать въ теченіе дня;

приготовление всего, нужнаго для слѣдующаго урока. Отъ 7 до 9: ученіе; по окончаніи его все привести въ порядокъ и все приготовить для слѣдующаго урока. Отъ 9 до 10: отдыхъ; визиты. Отъ 10 до 12: ученіе; по окончаніи его все привести въ порядокъ. Отъ 12 до 2: прогулка. Отъ 2 до 3: обѣдъ; все приготовить къ слѣдующему уроку. Отъ 3 до 5: отдыхъ; игры; прогулка. Отъ 5 до 7: ученіе; по окончаніи его все привести въ порядокъ. Отъ 7 до 8: гимнастика или игры. Отъ 8 до 9: ужинъ. Отъ 9 до 10: обзорѣніе прошедшаго дня; журналъ. Такъ же точно регламентировано времяпровожденіе и праздничныхъ дней, а лѣтнее время Жуковскій предлагаетъ посвятить «практическому изученію военнаго искусства», взявъ за образецъ потѣшный полкъ Петра Великаго: подобнымъ военнымъ играмъ Жуковскій придаетъ очень большое значеніе и полагаетъ, что они образуютъ воина-монарха, образецъ «истиннаго героизма, чести своего вѣка и твердаго блага Россіи». Точно разработаны въ планѣ и всѣ вопросы, связанные съ обученіемъ великаго князя: личный составъ учащихся, обязанности надзирателя за ученіемъ, пособія, помѣщеніе; кромѣ того, Жуковскій приложилъ къ своему плану «Нѣкоторыя примѣчанія», которыя начинается такими словами: «Ученіе, по предложенному плану, тогда только можетъ имѣть успѣхъ совершенный, когда ничто, ни въ какомъ случаѣ *не будетъ нарушать порядка*, одинъ разъ навсегда установленнаго, когда и особа и время, и все, окружающее великаго князя, будутъ безъ всякаго ограниченія, подчинены тѣмъ людямъ, коимъ Его Высочество будетъ поручено довѣренностію Государя. Государь Императоръ, подтвердивъ сей планъ, да благоволитъ быть первымъ, безпрекословнымъ его исполнителемъ». Подробно останавливается Жуковскій также на «пользѣ исторіи для государей», которые должны извлечь изъ нея слѣдующія правила: «Вѣрь что власть Царя происходитъ отъ Бога», «Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ», «Люби и распространяй просвѣщеніе», «Уважай общее мнѣніе», «Люби свободу», «Владычествуй не силою, а порядкомъ», «Будь вѣренъ слову», «Окружай себя достойными тебя помощниками», «Уважай народъ

свой», «Люби народъ свой», «Не обманывайся на счетъ людей и всего земнаго, но имѣй въ душѣ идеаль прекраснаго — вѣръ добродѣтели» и «Умѣренность, порядокъ»!

По этому плану Жуковскій съ увлеченіемъ началъ свои занятія съ великимъ княземъ и сердечно привязался къ своему воспитаннику. Эти занятія давали Жуковскому глубокое внутреннее удовлетвореніе, и онъ черпалъ силы въ радостномъ сознаніи, что онъ дѣлаетъ великое, нужное дѣло — и дѣлаетъ его очень успѣшно. Въ письмахъ къ императрицѣ онъ восторгается своимъ воспитанникомъ, его поведеніемъ и его успѣхами. Но не однѣми розами былъ устланъ этотъ путь Жуковскаго: объ удачахъ, о побѣдахъ онъ могъ говорить громко, — разочарованія, пораженія, неудачи онъ долженъ былъ таить про себя и могъ ихъ повѣрять только своему дневнику. Дневникъ 1834 года о занятіяхъ съ великимъ княземъ и раскрываетъ эту тѣневую сторону. Приведемъ отрывочныя записи изъ этого дневника: «... Наша жизнь раздроблена совершенно. Мое вліяніе на него ничтожно. Бываю и могу быть съ нимъ только въ часы учебныя; во все другіе я ему чужой... Я для него только представитель скуки. А сколько потѣхи во всемъ остальномъ. Посреди какихъ идей обыкновенно кружится бѣдная голова его и дремлетъ его сердце! Что же дѣлать, чтобы имѣть болѣе хорошаго на него дѣйствія?... Нынче на балѣ императрица послала в. князя вальсировать. Онъ вальсируетъ дурно, отъ того, что, чувствуя свою неловкость, до сихъ поръ не имѣлъ надъ собою довольно силъ, чтобы побѣдить эту неловкость и выучиться вальсировать какъ должно. Будучи принужденъ вальсировать и чувствуя, какъ смѣшно быть неловкимъ, онъ въ первый разъ вальсировалъ порядочно, потому что взялъ надъ собою верхъ и себя къ этому принудилъ. Самолюбіе помогло. — Все это можно отнести къ его ученію. Онъ учится весьма небрежно; собственныя занятія идутъ весьма вяло, то есть такія собственныя занятія, коихъ отъ него требуютъ и коихъ избѣжать нельзя; но собственныхъ произвольныхъ занятій и не требуй. Умъ его спитъ, и не знаю, что можетъ пробудить его? Иной скажетъ, что у него нѣтъ ума, или что онъ имѣетъ весьма ограниченный умъ,

и это будетъ несправедливо. Тоже, что неловкость въ вальсахъ. Придетъ минута, въ которую надобно будетъ дѣйствовать умомъ. Но удастся ли это такъ, какъ вальсъ? — Не думаю. А самолюбіе пробудится, и ему будетъ тогда жестоко больно. И хорошо бы, когда бы только кончилось однимъ огорченіемъ самолюбія. А угрызеніе совѣсти? А раскаяніе? А чувство своей неспособности передъ другимъ, которымъ надобно руководствовать? а чувство, что дѣлаешь свое дѣло не такъ, какъ слѣдуетъ? и пр. и пр...»

Въ 1839 году образованіе великаго князя было закончено, и Жуковскому было предложено состоять при младшихъ князьяхъ — Константинѣ, Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ: Жуковскій деликатно отклонилъ это предложеніе, желая «посвятить остальные свои годы», какъ онъ писалъ Николаю I, «тѣмъ занятіямъ, кои единственно мнѣ свойственны, но давно мною оставлены». Поэтическимъ трудамъ и своему (наконецъ) семейному счастью мечтаетъ въ это время Жуковскій посвятить свое уединеніе, но и въ уединеніи своемъ хочетъ сохранить «драгоцѣнное отношеніе» къ царскому семейству. И дѣйствительно, отношенія Жуковского съ царской семьей не прекращаются до самой его смерти: и въ 1851 году онъ исправляетъ великокняжескія стихотворенія («Маруся») и все время продолжаетъ переписку съ имп. Александрой Ѳеодоровной, Наслѣдникомъ и другими великими князьями. Въ 1847 году въ Эмеѣ, въ той самой комнатѣ, въ которой Жуковскій открылъ императрицѣ свое намѣреніе, измѣнившее всю его жизнь пишетъ онъ письмо, въ которомъ отвѣчаетъ на сдѣланный тогда государынею вопросъ — *ne faites-vous pas une folie?* — и повторяетъ свое «нѣтъ»: «Теперь уже прошли съ тѣхъ поръ годы, и если все перебирать по одиночкѣ: радостное и грустное, мирное и тревожное, то перевѣсъ будетъ едва ли не на сторонѣ грустнаго и тревожнаго. И несмотря на то, все таки повторяю свое *нѣтъ*. Я больше теперь знаю смыслъ жизни; и убѣжденъ, что ея высшія тайны открываются намъ не радостями ея, а печалями. Такое знаніе пріобрѣтается только въ жизни семейной: благословенъ Богъ, пославшій мнѣ въ поздніе годы жизни такого учителя...»

Большой матеріалъ для біографіи Жуковскаго дають также письма къ нему его друзей и знакомыхъ: такихъ писемъ сохранилось въ Онѣгинскомъ музеѣ около 1.700. Большинство корреспондентовъ Жуковскаго или просятъ его о чемъ-нчбудь, или благодаритъ за исполненіе просьбы; такія письма еще больше рисуютъ образъ Жуковскаго, жизнь котораго проходила въ заботахъ о другихъ. Этимъ однако не ограничивается значеніе писемъ, адресованныхъ Жуковскому: помимо того, что 1.700 писемъ, обращенныхъ къ Жуковскому, характеризуютъ Жуковскаго и даютъ богатый матеріалъ для характеристики всей первой половины XIX вѣка, они прежде всего говорятъ объ его корреспондентахъ, среди которыхъ были такіе замѣчательные люди своего времени, какъ М. А. Бакунинъ, А. Н. Батюшкова, графъ А. Х. Бенкендорфъ, графъ Д. Н. Блудовъ, декабристъ А. К. фонъ деръ Бриггенъ, А. К. Булгаковъ, графы Віельгорскіе, А. Ѳ. Воейковъ, князь П. А. Вяземскій, М. И. Глинка, Ѳ. Н. Глинка, князь А. Н. Голицынъ, В. И. Даль, Д. Н. Дашковъ, И. И. Дмитріевъ, Л. В. Дуббельтъ, А. П. Елагина-Кирѣвская, С. П. Жихаревъ, А. П. Зонтагъ, А. Е. Измайловъ, В. В. Измайловъ, А. С. Кайсаровъ, Н. М. Карамзинъ, М. Т. Каченовскій, И. В. Кирѣевскій, И. И. Козловъ, А. И. Кошелевъ, Н. И. Мельгуновъ, А. Н. Муравьевъ, И. И. Мятлевъ, П. В. Нащокинъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, И. Нѣмцевичъ, Н. П. Огаревъ. В. И. Панаевъ, П. А. Плетневъ, А. А. Протасова-Воейкова, М. А. Протасова-Мойеръ, Е. Ѳ. Пушкина, С. Л. Пушкинъ, С. А. Родзянко, баронъ Е. Ѳ. Розень, М. Н. Свѣчина, А. О. Смирнова, Д. П. Сѣверинъ, В. Г. Тепляковъ, А. И. Тургеневъ и проч. и проч. Нужно ли говорить о томъ, какое значеніе имѣютъ эти письма для изслѣдователя исторіи русской литературы и русской культуры XIX вѣка?

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Гораздо бѣднѣе и одностороннѣ представленъ рукописный Тургеневъ. Все Тургеневское собраніе Онѣгинскаго музея заключается преимущественно, почти исклю-

чительно, въ письмахъ И. С. Тургенева; но эти письма представляютъ большой интересъ: по нимъ мы ближе знакомимся съ личностью знаменитаго писателя, съ его взглядами на жизнь и на писательство, съ его отношеніями съ современными писателями, съ его судомъ современной русской литературы и живописи. Особенно большой интересъ представляютъ его письма къ англійскому критику и историку литературы Ральстону (42 письма), къ владѣльцу музея А. Θ. Онѣгину (38 писемъ и записокъ) и къ сыну поэта — П. В. Жуковскому (27 писемъ и записокъ).

Въ октябрѣ 1866 года Ральстонъ обратился къ Тургеневу съ письмомъ, въ которомъ просилъ его помогать своими свѣдѣніями въ достиженіи цѣли, которую себѣ поставилъ Ральстонъ — познакомить англійскихъ читателей съ русской литературой. Этой цѣлью, равно близкой и интересной обоимъ корреспондентамъ, и опредѣляется характеръ ихъ переписки. Въ первомъ же письмѣ къ Ральстону (отъ 19 октября 1866 г.) Тургеневъ говоритъ о русскихъ писателяхъ и о русской литературѣ:

« J'ai lu avec le plus grand intérêt votre excellent article sur Koltzoff ; personnellement je l'ai peu connu, l'ayant à peine rencontré une ou deux fois à Pétersbourg ; mais j'ai été intimement lié avec beaucoup de ses amis, avec Bielinsky surtout, qui lui aussi mériterait qu'on le fit mieux connaître, qu'on appréciât l'influence qu'il a eu et le rôle social qu'il a joué.

« Koltzoff a été un vrai poète populaire, tel qu'on peut en voir dans le siècle où nous sommes, et si c'est lui faire trop d'honneur que de le comparer à Burns qui a une nature et une veine très autrement riches et fortes, il ne manque pourtant pas de certains points de ressemblance avec lui, et il y a une vingtaine de ses petits poèmes qui dureront autant que la langue russe elle-même.

« Je ne puis qu'être très heureux de voir que vous avez l'intention de répandre parmi vos compatriotes la connaissance de notre littérature. Sans parler de Gogol, je crois que les ouvrages du comte Léon Tolstoï, d'Ostrofski, de Pis-

semski, de Gontcharoff⁽¹⁾ pourraient offrir de l'intérêt, en présentant une nouvelle manière de comprendre et de rendre l'élément poétique ; on ne peut nier que depuis Gogol notre littérature n'ait pris un caractère original ; reste à savoir si ce caractère est assez prononcé pour arrêter l'attention des autres nations. La vôtre est celle dont l'approbation, la sympathie seraient les plus précieuses, vous n'ignorez pas jusqu'à quel point l'influence anglaise est puissante chez nous et combien vos écrivains sont appréciés et, je le répète, je ne puis qu'applaudir à votre intention et en féliciter mon pays. »

Въ другомъ письмѣ — отъ 7 апрѣля 1868 — Тургеневъ съ очень большой похвалой говоритъ объ Островскомъ и Львѣ Толстомъ: «J'attends avec impatience votre article sur Ostrofski dans l'Edinburgh Review»; je crois que c'est là une nouvelle figure dans le monde dramatique. Je me permets d'appeler votre attention sur le nouveau roman du Cte L. N. Tolstoï — la Guerre et la Paix: «Война и Миръ». A côté de longueurs et de maladresses il y a des beautés de premier ordre, et c'est certainement le livre russe le plus intéressant qui ait paru depuis longtemps. Son succès est retentissant». (Приведемъ въ скобкахъ отзывъ Тургенева о другомъ романѣ Толстого — Аннѣ Карениной — въ письмѣ къ А. Θ. Онѣгину: «Прочелъ я «Анну Каренину» Толстаго — и нашелъ въ ней гораздо меньше чѣмъ ожидалъ — Что будетъ дальше — не знаю; а пока-что и манерно и мелко — и даже (страшно сказать!) скучно. — Вы этого однако не повторяйте: а то подумаютъ, что это я такъ говорю изъ литературной зависти»). Впрочемъ, Тургеневъ избѣгаетъ говорить о современныхъ ему писателяхъ и предпочитаетъ тему о переводахъ на англійскій языкъ своихъ произведеній. Ральстонъ переводилъ «Дворянское

(1) Въ иномъ тонѣ говоритъ Тургеневъ о Гончаровѣ въ письмѣ (1883) къ г-жѣ Л...вской: «я слишкомъ старый и ломаный человекъ, чтобы вѣрить еще въ то, что авторъ не читаетъ рецензій, что онъ пренебрежительно относится къ собственнымъ произведеніямъ (на что онъ даже не имѣетъ никакого права), что онъ иначе пишетъ для денегъ, чѣмъ когда «творить» для себя и т. д.... Повторяю: всю эту гончаровщину надо бросить вмѣстѣ съ фразами: «никто другой еще не сказалъ того, что я могу (или хочу) сказать» и т. д....».

Гнѣздо», и Тургеневъ давалъ ему всякаго рода указанія, вродѣ слѣдующаго:

Puis-je vous demander d'accepter une légère correction que j'ai faite dans la *Nichée de Gentilshommes*. Dans la scène de la dernière entrevue de Lavretzki et de Lise, il lui demande son mouchoir. Elle lui répond : « Prenez » et le laisse glisser sur ses genoux. Je crois qu'il vaut mieux qu'elle le laisse prendre sans rien dire» или : «Je trouve le titre de «Liza» très bon — d'autant plus que celui de Дворянское гнѣздо n'est pas tout à fait exact et n'a pas été choisi par moi, mais par mon éditeur.»

Изъ писемъ Тургенева мы узнаемъ и о различномъ отношеніи его къ собственнымъ своимъ произведеніямъ. Такъ, можно думать, что онъ не былъ особенно высокаго мнѣнія о своей «Несчастной», о которой писалъ Ральстону:

« Je voudrais bien que Mr. Dentley choisisse un autre de mes ouvrages que cette «Несчастная», dont je n'ai pas voulu faire faire une traduction française et qui plairait peu, j'en suis sûr, au public anglais. Dans une lettre que j'ai reçue hier de Paris, on me parle aussi de cette nouvelle et d'une dame qui désire la traduire ; mais j'ai répondu qu'à mes yeux le choix n'était pas bon... Il y a peut-être un accent de vérité dans la «Несчастная» qui vous a frappé, mais c'est trop sombre et «depressing».

Иного мнѣнія онъ о «Собакѣ», «Странной Исторіи», и «Степномъ Королѣ Лирѣ»:

« Je vous remercie aussi d'avoir pensé à m'envoyer le fragment de l'*Illustrated News* où l'on parle du « Chien », je suis enchanté de voir qu'on a jugé avec bienveillance ce petit travail. L'excellence de la traduction y a été pour beaucoup. La «Странная Исторія», ayant un peu plus d'importance, aura plus de chances encore. Je suis en train de finir une nouvelle assez considérable, dont le titre est «Степной Король Лирѣ».

Гораздо разнообразнѣе содержаніе и непринужденнѣе тонъ писемъ Тургенева къ А. Э. Онѣгину и къ П. В. Жуковскому (особенно къ первому): Тургеневъ откровененъ въ бесѣдѣ со своими молодыми друзьями, сообщаетъ имъ

о своемъ здоровьѣ, жалуется на непродуктивность своего творчества, высказываетъ рѣзко свои мнѣнія о писателяхъ и художникахъ, даетъ наставленія — результатъ его житейской мудрости и проч. и проч. Тургеневъ любилъ пробрать и подбодрить молодежь, и въ первомъ же письмѣ его къ А. Э. Онѣгину мы читаемъ :

«Мнѣ очень пріятно что Вы вступили со мной въ переписку; но Ваше душевное состояніе меня не удовлетворяетъ — Не потому, что оно мрачно и раздражительно — это ничего; но бодрости въ Васъ мало. Своею наружностью и нѣкоторыми чертами характера Вы мнѣ напоминаете Бѣлинскаго; но тотъ былъ молодецъ, пока болѣзнь его не сломила. Самолюбивъ онъ былъ такъ же какъ Вы; но онъ не истреблялъ самаго себя — а главное: онъ никогда не беспокоился о томъ, что объ немъ подумаютъ, такъ ли его поймутъ и т. д. — Онъ шолъ полнымъ махомъ впередъ, радостно и рѣзко высказывалъ все что думалъ — а кто его не понималъ — или понималъ ложно — ну наплевать! Вотъ этой-то безоглядочности я желалъ бы Вамъ побольше. И не говорите Вы мнѣ, что это въ Вашемъ положеніи невозможно, что Вы съизмала поставлены криво и неловко; — человѣкъ образованный, самостоятельный, внутренно свободный — *по этому самому* — находится въ тысяча разъ болѣе выгодномъ, менѣе ложномъ положеніи, чѣмъ человѣкъ съ нормально устроенной обстановкой — и съ темной или спутанной головой. Правда, для того, чтобы легче сносить жизнь, весьма хорошо имѣть игрушку, которая бы забавляла, *даръ, талантъ*: Бѣлинскій имѣлъ эту игрушку — а у Васъ ея быть можетъ нѣтъ; но за то у Васъ есть возможность дѣятельности общественной, хоть и низменной, но полезной, и пониманіе ея и примиреніе съ нею: этаго у Бѣлинскаго не было. Да и наконецъ — единственная вещь, непозволительная въ Ваши годы — это хандра; а Вы словно хандрите, волнуетесь, беспокоитесь: бросьте все это къ чорту: это тоже своего рода — романтизмъ...»

Въ другомъ письмѣ—отъ 18 мая 1870—Тургеневъ пишетъ:

«Огорчительно мнѣ видѣть, что Вы все еще никакъ не можете добиться вожделѣнной тишины и улыбающагося

наспинѣлежанія (лучше этого ничего на свѣтѣ не имѣется). Вы изъ тѣхъ, которые, по выраженію французовъ — «boudent contre leur ventre» — говоря по русски — самихъ себя пожираютъ. — Но уже Ларошфукъ сказалъ что въ каждомъ изъ насъ довольно твердости душевной, чтобъ сносить — чужія бѣды — и потому не считаю нужнымъ вдаваться въ болѣе пространныя разсужденія.

Однако Тургеневъ постоянно вдается въ подобныя разсужденія. Очень характерно для Тургенева его восклицаніе въ письмѣ отъ 9-21 октября 1872 г.: «... что за охота подражать Индійскимъ факирамъ, которые бросаются подъ колеса Джамернаутовой колесницы? Тѣ по крайней мѣрѣ полагаютъ, что, будучи раздавлены, попадаютъ прямо въ божественную «Нирвану»; но мы, не раздѣляющіе подобнаго образа мнѣнія — будемъ просто раздавлены — и баста! — Предоставимъ это людямъ очень глупымъ или очень молодымъ».

Къ «хандрѣ» Онѣгина Тургеневъ возвращается и въ письмѣ отъ 4 іюня 1873 года: «Положеніе Ваше, какъ вообще всѣхъ молодыхъ Русскихъ (разумѣется я не говорю о служащихъ и бющихъ баклуши) — очень тяжело; — невольно припоминаются стихи И. С. Аксакова: «Когда же ты пройдеши, о молодость, о тягостное время?» — Но противъ рожна нечего переть и за (3 слова зачеркнуто) — это уже хуже всего! — Пока не приищется другая, болѣе занимательная и полезная дѣятельность — придется Вамъ удовлетвориться Вашей теперешней, педагогической». Но упрекая А. Θ. Онѣгина въ хандрѣ, Тургеневъ часто и самъ «хандритъ», и напр. въ этомъ же письмѣ сообщаетъ: «Что касается до меня — я ничего не дѣлаю — и кажется, больше уже ничего дѣлать не могу».

Въ письмахъ къ А. Θ. Онѣгину и П. В. Жуковскому Тургеневъ часто говоритъ о своихъ романахъ и о современныхъ ему писателяхъ, но еще чаще о живописи и художникахъ. Любопытенъ его отзывъ о В. Гюго: «Большой романъ положенъ подъ сукно — гдѣ тутъ брать примѣромъ В. Гюго! Что же касается 93 года — то я даже и не хотѣлъ бы брать его примѣромъ, ибо сей романъ — бели-

берда трегубая — какъ вся проза Гюго. — Я такихъ алукубрацій читать не могу. — Можете рубить мнѣ голову».

«У каждого человѣка свой тарантуль» — писалъ Тургеневъ А. Э. Онѣгину 8-20 марта 1874 года: «Меня напр. ужалилъ тарантуль живописи — и какъ я нѣкогда говорилъ моимъ друзьямъ: Если Вы услышите, что говорятъ о лучшей въ свѣтѣ собакѣ — знайте, что это говорятъ о «моемъ Пэгазѣ» — (что было совершенно справедливо); такъ я теперь говорю: «Знайте, что лучшій пейзажъ (изъ новыхъ)» написанъ Діазомъ — и находится онъ «*vue de Douai* 48 и составляетъ собственность И. С. Тургенева». — Приѣдете Вы въ Парижъ, посмотрите — сами скажете: Да — это лучшій пейзажъ на свѣтѣ! Я приобрѣлъ нѣсколько другихъ картинъ — но этотъ Діазъ есть перлъ!»

«Тарантуль живописи» сильно и больно ужалилъ Тургенева, который собиралъ картины, ходилъ на выставки, былъ одно время секретаремъ общества русскихъ художниковъ въ Парижѣ и высказывалъ свои сужденія о живописи и художникахъ. Вкусы Тургенева въ живописи были очень своеобразны: онъ ненавидѣлъ «блевотины» Брюллова и восторгался картинами Харламова и П. В. Жуковского.

Въ іюнѣ 1873 года А. Э. Онѣгинъ написалъ Тургеневу письмо съ предложеніемъ купить портретъ Н. В. Гоголя работы *Иванова*. На это письмо Тургеневъ отвѣчаетъ 15 іюня: «Купить портретъ Гоголя я не могу по многимъ причинамъ: во 1-хъ) у меня такой суммы нѣту; во 2-хъ) у меня *физиологическое* отвращеніе ко всѣмъ произведеніямъ Брюлловской кисти — и при всемъ моемъ благоговѣніи къ Гоголю, еслибъ даже портретъ былъ похожъ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь — я бъ не могъ глядѣть на него иначе какъ на гадину... Но вотъ что я могу сдѣлать. — Могу поговорить здѣсь (Тургеневъ въ это время находился въ Карлсбадѣ) съ нѣкоторыми любителями — жаль что Вашего письма я не получилъ вчера — здѣсь былъ Третьяковъ, братъ Московскаго Третьякова, извѣстнаго покровителя Россійской живописи и собирателя брюлловскихъ блевотинъ; здѣсь также находится С. П. Боткинъ, извѣстный докторъ, братъ Московскаго любителя». Узнавъ, что

рѣчь идетъ о картинѣ Иванова, а не Брюллова, Тургеневъ пишетъ: «Ивановъ все таки интереснѣе Брюллова — правдивѣе — хотя тоже не живописецъ».

Сурово отозвался Тургеневъ и о Рѣпинѣ въ письмѣ къ П. В. Жуковскому (22 мая 1875): «... Харламова Вы еще застанете — онъ будетъ очень радъ увидѣться съ Вами. Портреты его на выставкѣ получили успѣхъ огромный; онъ кончаетъ теперь мой портретъ, который, кажется, выйдетъ тоже чудесный. Картину Рѣпина, разумѣется, никто не замѣтилъ: онъ, рѣшительно, какъ почти всѣ протежэ Стасова, принадлежитъ къ породѣ *полу-бездарностей*. Ему бы въ Москву — въ Москву! — Тамъ его настоящая среда». Въ томъ же письмѣ мы находимъ не менѣе суровый приговоръ и Антокольскому: «Поклонитесь Антокольскому — но не говорите ему, что я нахожу его проектъ памятника Пушкину — «le sublime du tchépoukha». — Что Стасовъ хвалитъ — навѣрное плохо. — Это какъ Богъ святъ. — Это даже вѣрнѣй его святости». За то Харламовъ — «крупный талантъ» — неоднократно приводитъ въ восторгъ Тургенева, который «просто влюбленъ въ свою Харламовскую головку».

Благосклонно относится Тургеневъ и къ П. В. Жуковскому, внимательно слѣдитъ за его работами и поощряетъ его, несмотря на трезвую характеристику его, сдѣланную въ письмѣ къ А. Ф. Онѣгину (8 января 1870): «Это натура полу-художественная, мягкая, сочувствующая — и однако уже скептическая: онъ весь свой вѣкъ будетъ биться и трепетать въ заколдованномъ кругу — но замѣтите, въ сущности это бѣненіе, это трепетаніе не представляетъ особенныхъ непріятностей. Даже грусть о томъ, что «вотъ-де производительности, творчества во мнѣ нѣтъ» — *горькой* горечи не возбуждаетъ — а напротивъ придаетъ особый переливчатый колоритъ эстетическимъ наслажденіямъ... За него я не боюсь — и ничего отъ него не ожидаю. Пусть онъ наслаждается. И такъ какъ онъ въ сущности прекрасный человѣкъ, такъ ему и слѣдуетъ наслаждаться — и хандрить изрѣдка позволительно. Вы — работникъ; Вы можете сердиться — а не хандрить». Въ такихъ характеристикахъ людей

Тургеневъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ своихъ сужденіяхъ о картинахъ.

Кромѣ писемъ къ Ральстону, къ Онѣгину и къ Жуковскому, въ Онѣгинскомъ музеѣ хранятся письма къ Катутлу Мендесу, Д. В. Григоровичу, Н. А. Щепкину и копія (снятая А. Э. Онѣгинымъ, часто исполнявшимъ секретарскія обязанности) очень интереснаго письма Тургенева къ начинающей писательницѣ — г-жѣ Л...вской. Въ этомъ письмѣ (отъ 20 января 1883 г.) Тургеневъ въ откровенно-рѣзкой формѣ обрушивается на «гончаровщину» и даетъ совѣты писать просто: «Пишите просто, искренно то, что Васъ занимаетъ — я бы даже сказалъ: что Васъ забавляетъ — и если у Васъ есть живой талантъ, природный даръ, то будетъ хорошо. — А то, право — слушая Ваши тонкія соображенія о эстетичности, поневолѣ подумаешь, что именно въ своемъ талантѣ Вы сами сомнѣваетесь и собираетесь замѣнить его всѣми этими прелестными, искусно выточенными подставочками, про которыя существуетъ французская поговорка: «*jamais trente six petits lapins blancs ne feront un cheval blanc*».

Я послѣднихъ Вашихъ рассказовъ не читалъ и потому ничего не могу сказать о нихъ (и гдѣ они помѣщены?) — но мнѣ странно, что можно вынимать — или вставлять описанія природы — точно изюминки кулича. — Мнѣ (давно тому назадъ) одна старушка сказала, что всѣ мои бѣды происходятъ отъ того, что я не живу «съ простотою»; — такъ и я Вамъ говорю: пишите съ *простотою* — и не забывайте, что всѣ лучшія произведенія великихъ художниковъ писаны — именно «ради куска хлѣба» — просто потому, что они писаны въ молодости и съ *простотою*. А потому идите себѣ спокойно впередъ, не обращая вниманія ни на сплетни, ни на дружескія похвалы (тоже сплетни въ своемъ родѣ) — ни на собственныя измышленія. — А критики принимайте къ свѣдѣнію, какъ Вы, надѣюсь, примите къ свѣдѣнію и это письмо. Что же касается до сомнѣнія въ самомъ себѣ, то Вы можете быть спокойны: кто серьезно можетъ думать, что «никто еще не сказалъ того, что онъ можетъ сказать» — у того такая прочная

доза самолюбія, что никакое сомнѣніе его не расшатаетъ — тѣмъ болѣе, что эти два чувства отлично уживаются другъ съ другомъ (стоитъ вспомнить Гоголя, Достоевскаго e tutti quanti)».

Очень интересна бредовая телеграмма больного Тургенева (рѣчь идетъ очевидно о Mme Viardot): «Pais à Bougival. Ici catin vipere viperine esperons le que la bas assi attends avec anxiété nouvelles Ivan Tourgueneff».

О томъ, какъ мучился умирающій писатель, можно судить по безграмотному письму его garde-malade, который не можетъ дожидаться смерти Тургенева и восклицаетъ въ письмѣ къ своимъ роднымъ: «Je suis bien ennuex de cette vieux carquasse».

* * *

Мы далеко не исчерпали всего богатаго содержания Пушкинскаго музея А. Э. Онѣгина даже въ трехъ его крупнѣйшихъ именахъ — Пушкина, Жуковскаго и Тургенева — и стремились только къ тому, чтобы дать общее представление о характерѣ собранія А. Э. Онѣгина и отмѣтить главнѣйшіе рукописные матеріалы. Исслѣдователь русской литературы, обратившійся къ подлиннымъ рукописямъ музея, найдетъ въ нихъ несомнѣнно много новаго и интереснаго, о чемъ едва упомянуто или даже и вовсе не упомянуто въ нашемъ краткомъ обзорѣ. Найдеть для себя богатый матеріалъ историкъ литературы, не работающій ни надъ Пушкинымъ, ни надъ Жуковскимъ, ни надъ Тургеновымъ: въ музеѣ хранятся интересные матеріалы по Гоголю (его предсмертныя слова, его разсужденія, заимствованныя изъ книги твореній святыхъ отцовъ, его письма и проч.), по Лермонтову (автографъ стихотворенія, копія съ интересными вариантами), по Козлову (неизданный разсказъ и неизданныя письма), по Кирѣевскому (неизданныя письма и переписка по поводу запрещенія «Европейца»), по Бакунину, Вяземскому, Дельвигу, Дмитріеву, Ростопчиной и проч. и проч. (см. ниже — краткое описаніе рукописей, хранящихся въ Пушкинскомъ музеѣ А. Э. Онѣгина).

II

Краткое описание рукописей, хранящихся в Пушкинском Музее.

ПУШКИНЪ.

Автографы Пушкина.

1-23. Автографы стихотворений Пушкина 1817-1836 г.г.: «Царское Село» («Хранитель милыхъ чувствъ и прошлыхъ наслаждений»), «Тамъ у лѣска за ближнею долиною», «И я слыхалъ, что Божій свѣтъ», «Краса надежда нашей сцены», «Житье тому, мой милый другъ», «Гречанка вѣрная! не плачь, онъ палъ героемъ», «Къ кастрату разъ пришелъ скрыпачъ», «Близъ мѣстъ гдѣ царствуетъ Венеція золотая», «Зачѣмъ я ею очарованъ», «Цвѣтокъ любви! Тому мгновенье», «О нѣтъ мнѣ жизнь не надоѣла», окончаніе «Гусара» («Вотъ кочерга, садись верхомъ»), «Czaty» («Воевода» — «Въ ночь нечаянно съ похода»), «Кто изъ боговъ намъ возвратилъ», «Царей потомокъ Меценатъ», «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдной», «Воротился къ женкѣ мельникъ», «О бѣдность! Затвердилъ я наконецъ», «Одни стихи ему читала», продолженіе «Юдифи» («Сатрапъ смутился изумленный»), «Чу пушки грянули! крылатыхъ кораблей», «Тебѣ пѣвцу, тебѣ Герою!», «Пора мой другъ пора! покоя сердце просить».

24. Автографъ стихотворенія Пушкина въ альбомѣ А. О Смирновой. На первой страницѣ альбома Пушкинъ записалъ: «Историческія Записки А. О. С*** и ниже свое стихотвореніе: «Въ тревогѣ пестрой и безплодной».

25. Первоначальная редакція «Графа Нулина» подъ заглавіемъ «Новый Тарквиній».

26-36. Отрывки изъ «Братьевъ Разбойниковъ», «Бориса Годунова», «Евгеня Онѣгина», неоконченной поэмы (первоначально называвшейся «Езерскій»), «Анджело», «Египетскихъ Ночей», начало стихотворнаго переложенія «Плана» (такъ назыв. «Сценъ изъ рыцарскихъ временъ»).

37. Печатный экземпляръ перваго изданія «Руслана и Людмилы» (1820) съ карандашными исправленіями автора.

38-42. Отрывки изъ «Арапа Петра Великаго» (VII глава), «Повѣстей Бѣлкина» (предисловіе), неоконченной повѣсти («Въ Коломнѣ на углу маленькой площади»), «Капитанской Дочки» (предисловіе).

43-46. Программа и наброски неосуществленныхъ произведеній.

47. Отрывокъ изъ V-ой главы «Путешествія въ Арзрумъ»

48. Отрывокъ перевода изъ «Гяура» Байрона со стихотворнымъ переложеніемъ.

49. Переводъ изъ «Марсіан Колонна» Бари Корнуоля.

50-56. Замѣтки: о Дельвигѣ, «Въ зрѣлой словесности приходитъ время», о Торвальдсенѣ, «Критикою у насъ большею частію занимаются журналисты», о Мильтонѣ и Шатобриановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая» (съ приложеніемъ отрывковъ изъ Шатобрианова «Опыта объ англійской литературѣ» въ переводѣ Пушкина), примѣчаніе къ статьѣ «Современника».

57-64. Отрывки изъ Записки о народномъ воспитаніи, изъ «Писемъ, мыслей и замѣчаній», изъ «Мыслей на дорогѣ».

56-66. Планъ статьи о русской литературѣ, съ очеркомъ французской, и библиографическія замѣтки.

67. Историческая справка о стрѣльцахъ.

68. Записки П. В. Нащокина съ карандашными исправленіями Пушкина.

69. Отрывокъ изъ Кишиневскаго дневника 1821 года.

70-72. Черновики писемъ къ князю Н. Г. Репнину и къ неизвѣстному лицу.

73. Записочка Пушкина и неизвѣстнаго лица.

74. Надпись Пушкина на картѣ Екатеринославской губерніи, принадлежавшей имп. Александрѣ I.

75. Надпись Пушкина на оборотѣ литографированнаго портрета Байрона.

Копіи и переводы произведеній Пушкина.

76. Копіи, снятыя для перваго посмертнаго изданія (1838): «Сказали разъ Царю, что наконецъ», «Недаромъ вы приснились мнѣ», «Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снѣдаетъ», «На смерть Наполеона» («Чудесный жребій совершился»), «Слышу божественный звукъ воскреснувшей рѣчи Еллиновъ», «Второе посланіе къ Цензору» («На скользкомъ поприщѣ Т. — наслѣдникъ!»), «Делибашъ» («Перестрѣлка за холмами»), отрывокъ изъ «Анджело» («Вамъ объяснять правленія начала»), «Нѣтъ, я не льстець, когда Царю», набросокъ программы «Русскаго Пелима».

77. Копіи стихотвореній Пушкина и приписываемыхъ Пушкину стихотвореній въ тетради графини Е. П. Ростопчиной «Запрещенныя стихотворенія 19 вѣка»: «Нѣтъ! я не льстець, когда Царю», Эпиграммы на князя А. Н. Голицына («Вотъ Хвостовой покровитель»), на графа М. С. Воронцова («Полу-милордъ, полу-купецъ»), на Ѳ. В. Булгарина («Не то бѣда, что ты Полякъ»), на Е. С. Огареву («Митрополить, хвастунъ безстыдный»), «Аріонъ» («Насъ было много на челнѣ»), «Заутра съ свѣчкой грошевою», «Эпиграммы на Карамзина» («Поклявшись Хамомъ быть предъ самовластья урной» и «Послушайте, я расскажу вамъ старину»), «На математика К...» («Могу тебя измѣрить разомъ»), «На Аракчеева» («Въ столицѣ онъ капраль, въ Чугуевѣ Неронъ» и «Холопъ вѣнчаннаго солдата»).

78-79. Копіи стихотвореній «На Испанію родную» и «Гречанкѣ» («Ты рождена воспламенять»).

80. Копія «Скупого рыцаря».

81. Автографъ Пр. Мерима его перевода на французскій языкъ «Пиковой Дамы».

82. Автографъ И. Бинштока перевода его на французскій языкъ «Скупого Рыцаря».

83-84. Переводы на французскій языкъ стихотвореній Пушкина «Гречанкѣ» и «Къ потрету Жуковского» («Его стиховъ плѣнительная сладость»).

85. Разорванная копія стихотворенія, приписываемаго Пушкину, «Десятая Заповѣдь» («Добра чужого не желать»).

86. Стихотвореніе, невѣрно приписанное Пушкину («Внемли мой другъ обѣтъ священный») съ переводомъ его на французскій языкъ.

Матеріалы и документы, касающіеся Пушкина.

87-89. Письмо С. Л. Пушкина (1820) къ Жуковскому, росписка его (1820) въ полученіи 1.000 рублей за «Руслана и Людмилу» и записка съ біографическими свѣдѣніями о сынѣ.

90-94. 5 конспективныхъ замѣтокъ Жуковского, касающихся исторіи дуэли Пушкина.

95-99. 5 записокъ Жуковского къ Пушкину по поводу предполагавшейся дуэли его съ Дантесомъ.

100. Черновое письмо отъ имени Пушкина (не автографъ) къ Дантесу-Геккерену.

101. Письмо А. С. Magenіs съ отказомъ быть секундантомъ Пушкина.

102. Копія (Жуковского) письма барона Л. Геккерена къ Е. И. Загряжской.

103. Записка Жуковского о первой ножи, проведенной Пушкинымъ послѣ дуэли.

104. Планъ квартиры Пушкина во время его агоніи, начерченный Жуковскимъ и съ его объясненіями.

105. Письмо Е. И. Загряжской къ Жуковскому о сватовствѣ Геккереновъ.

106-107. Двѣ копіи письма Жуковского къ С. Л. Пушкину о дуэли поэта (первая — съ исправленіями Жуковского).

108-110. 3 записки В. И. Даля о болѣзни и вскрытіи тѣла Пушкина.

111. Копія записки доктора Шольца о ранѣ Пушкина.
- 112-115. Записка И. Спасскаго о послѣднихъ дняхъ Пушкина и три современныя копіи записки.
116. Записка княгини В. О. Вяземской къ Жуковскому о безнадежномъ положеніи Пушкина.
- 117-118. Записка имп. Николая I съ распоряженіями послѣ смерти Пушкина и копія ея, сдѣланная Жуковскимъ.
- 119-120. 2 черновыхъ письма Жуковскаго къ имп. Николаю I, написанныя послѣ смерти Пушкина.
- 121-122. 2 черновыхъ прошенія (на русскомъ и французскомъ языкахъ) имп. Николаю I, написанныя Жуковскимъ отъ имени Н. Н. Пушкиной.
- 123-125. Записка Жуковскаго къ имп. Николаю I объ изданіи сочиненій Пушкина съ резолюціей императора и 2 черновика докладной записки Жуковскаго по тому же поводу.
- 126-127. Двѣ черновыхъ записки Жуковскаго къ имп. Николаю I о цензурѣ сочиненій Пушкина.
128. Черновики писемъ Жуковскаго къ С. С. Уварову, къ графу М. С. Воронцову и къ имп. Николаю I (послѣднее — о долгахъ Пушкина).
129. Копія доклада Жуковскаго имп. Николаю I о долгахъ Пушкина.
130. Черновики записки Жуковскаго имп. Николаю I о выкупѣ села Михайловскаго.
131. Докладная записка Жуковскаго о «Запискахъ Моро де Бразе» съ резолюціей имп. Николая I.
132. Письмо Жуковскаго къ графу А. Х. Бенкендорфу отъ 5 февраля 1837 года.
- 133-138. 6 черновыхъ писемъ и докладовъ Жуковскаго графу А. Х. Бенкендорфу о дуэли и объ изданіи сочиненій Пушкина.
- 139-143. Черновики писемъ Жуковскаго къ графу Г. А. Строганову, къ князю М. А. Дондукову-Корсакову (2), къ С. С. Уварову и къ графу А. О. Орлову.
144. Тетрадь, принадлежавшая Пушкину и подаренная Жуковскимъ графинѣ Е. П. Ростопчиной.
- 145-163. Письма А. П. Башуцкаго, Л. В. Дуббельта, графа А. Х. Бенкендорфа (3), М. И. Лекса, Н. Н. Пушки-

ной, князя М. А. Дондукова-Корсакова (2), В. Ф. Одоевскаго, П. А. Плетнева (2), графа Г. А. Строганова (6) и Е. Шишкиной.

164-167. 4 записки в. к. Елены Павловны къ Жуковскому.

168. 5 конвертовъ, въ которыхъ находились письма Пушкина къ женѣ.

169. Пригласительный билетъ Жуковскому на отиѣваніе Пушкина.

170. Краткій отчетъ о дѣйствіяхъ опекунства надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина съ февраля 1837 по 1 января 1841 года.

171. Журналъ разбора бумагъ Пушкина.

172-176. Подлинныя и черновыя описи бумагъ Пушкина.

177. Копія журнала засѣданія опекунства 1 мая 1838 г.

178. Краткая вѣдомость о суммахъ по опекѣ къ 5 мая 1839 года.

179. Копія съ указа о назначеніи опеки.

180-181. Черновикъ Жуковскаго препроводительной записки къ рукописямъ Пушкина, представляемымъ въ опеку, и копія съ подписью Н. Отрѣшкова.

182-183. Счетъ писаря Герасимова и журналъ засѣданія опеки отъ 22 ноября 1839 года.

184. Записка о распоряженіяхъ Жуковскаго, сдѣланныхъ при отѣздѣ за границу.

185-186. Письмо Н. Отрѣшкова къ Жуковскому и расписка его въ принятіи картона съ сочиненіями Пушкина.

187. Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ графу Г. А. Строганову.

188. Расписка П. А. Плетнева въ принятіи билета сохранной казны на 4.600 рублей.

189. Записка объ экземплярахъ перваго посмертнаго изданія сочиненій Пушкина.

190. Записки Жуковскаго къ книгопродавцамъ съ распиской послѣднихъ въ чтеніи этихъ записокъ.

191. Предложеніе А. Ф. Смирдина, касающееся изданія сочиненій Пушкина.

192-197. Бумаги, касающіяся изданія «Современника».

198. Письмо Н. И. Павлицева къ Пушкину, пришедшее послѣ смерти поэта.

199. Отношеніе Штаба Отд. Гвард. Корпуса къ Жуковскому.

200. Конвертъ письма барона Г. Дантеса-Геккерена.

201. Письмо F. G. Vagon de Lynden Hemmen къ т. с. Потемкину.

202. «Le centenaire de Pouchkine». Переводъ на французскій языкъ греческихъ и турецкихъ газетныхъ статей о Пушкинѣ.

203-215. Документы, касающіеся владѣнія Л. А. Пушкинымъ селомъ Болдино.

Кромѣ того, имя Пушкина часто упоминается въ перепискѣ Жуковского (см., напримѣръ, письма къ нему князя П. А. Вяземскаго, А. Ѳ. Воейкова, А. de Circourt, И. Ѳ. Крузенштерна, П. В. Нащокина, И. И. Козлова, барона Е. Ѳ. Розена, В. Г. Теплякова, И. Щепкина и другихъ).

ЖУКОВСКІЙ.

Автографы Жуковского.

216. «Книга Александры Воейковой». Тетрадь содержитъ черновики произведеній Жуковского 1815-1819 г.г. (заполнено 60 листовъ). Въ тетради имѣются черновики «Вадима» (изъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ»), «Славянки», «Овсянаго киселя», «Сказки о красномъ карбункулѣ», «Тлѣнности», «Лѣснаго царя», «Графа Габсбургскаго» и свыше 30 изданныхъ и неизданныхъ еще стихотвореній Жуковского.

217. Тетрадочка каллиграфически переписанныхъ (для великой княгини Александры Ѳеодоровны) неизданныхъ басенъ: «Лисица и Обезьяна», «Конь и Быкъ», «Журавль и Лисица», «Алкидъ», «Дубъ», «Соловей и Павлинь», «Пастухъ и Соловей», «Меропсъ», «Даръ волшебницъ».

218-231. Автографы разныхъ стихотвореній Жуковского на отдѣльныхъ листахъ; среди нихъ: «Будь горе —

правда или шутка», «Вкругъ лѣсочка того все пустынно и тихо; не видно», «Слышишь, какъ дышетъ кругомъ», «Прими, Россіи вѣрный сынъ», «Свѣти, сказалъ Всевышній», «Вотъ къ философу явился», «Вотъ Пушкинъ, добрый нашъ поэтъ», «Stabat Mater», «Перводержавную Русь православную» (гимнъ), «Надъ бѣдной хижиною сей», «Тебя Бога хвалимъ», «Пришла на землю ты во дни моей весны», Отвѣтъ Дашкову — «Réponse» («Par votre quatrain enchanteur»).

232-235. Черновики отрывковъ изъ «Кубка», «Одиссеи», «Рустема и Зораба», «Вѣчнаго Жида», «Наля и Дамаанти» (съ переводомъ на французскій языкъ).

236-239. Автографъ, двѣ копии и корректура «Египетской тмы».

240. Тетрабочка черновики («Бѣлокурый Экбертъ»).

241. Записная книжка Жуковского 1840 года съ его рисунками, записями и черновиками стиховъ.

242. Копія «Замка Смаггольма» съ исправленіями Жуковского.

243. Taschenbuch für das Jahr 1807: «Der Liebe und Freundschaft» со стихами «На новый годъ въ воспоминанье». Въ карманчикъ альбома вложено: а) карточка съ извѣщеніемъ о помолвкѣ В. И. Кирѣвскаго съ А. П. Зонтагъ, б) автографъ стихотворенія Жуковского «Храни Ее, святое Провидѣнье», в) маленькій конвертикъ съ письмомъ Жуковского и графини Толстой къ А. А. Воейковой, г) письмо А. Н. Арбеновой къ Жуковскому и д) маленькій конвертикъ съ 10 рисунками-иллюстраціями къ произведеніямъ Жуковского.

244. «Glaube, Liebe, Hoffnung. Ein Handbuch für junge Freunde und Freundinnen... von J. H. B. Dräseke. Lüneburg 1814». Въ книгѣ находится четверостишіе Жуковского «Магъ», переводъ Жуковского изъ Dräseke и выписки М. А. Протасовой.

245. Альбомчикъ Е. А. Воейковой 1815 года съ различными записями, въ томъ числѣ и Жуковского, и копіями (рукою А. А. Воейковой) писемъ Жуковского: отъ 27 ноября 1820 («Хорошо, что я получилъ твое письмо уже гораздо послѣ»), отъ 25 ноября 1820 («Ich glaube du liebst

das Grad»), отъ 6/19 февраля и отъ 8/21 февраля 1821 года. Въ карманъ альбомчика вложены: а) автографы стихотвореній «Лалла Рукъ» и «Поэзія въ видѣ Лалла Рукъ»; б) подлинныя письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, М. А. Протасовой и А. А. Воейковой: отъ 6/19 февраля 1821 года («Вотъ тебѣ мои стихи»), отъ 8/21 февраля 1821 («Вчера былъ день для меня незабвенный»), безъ даты (1821 — «Я получилъ твое письмо и въ немъ Сашино изъ Дерпта»), безъ даты («Милый Братъ, твое письмо оживило меня»), отъ 20 апрѣля 1815 («Милый другъ мнѣ оставаться въ Дерптѣ нельзя и не должно»), безъ даты (1815 — «Ты должна мнѣ непременно описать то что случилось»), съ датой «Нынче» (1815 — «Когда дѣлаешь дурно, не отъ испорченности»), в) копія А. А. Воейковой письма къ ней Жуковскаго («Мой доброй Ангелъ Сашка»).

246. Дерптскій дневникъ Жуковскаго 1815 года (съ приписками въ 1816 и 1817 г.г.).

247-249. Литературныя упражненія у Плещеевыхъ (въ селѣ Черни) и три сеанса «Académie des curieux impertinans», въ которыхъ Жуковскій принималъ участіе.

250. Записная книжка Жуковскаго съ набросками его статей.

251-252. Газетная вырѣзка «Къ русскому великану» съ исправленіями Жуковскаго.

253. Копія статьи о меланхоліи съ исправленіями Жуковскаго.

254-255. Статьи на отдѣльныхъ листахъ: объ энтузіастахъ («Когда являются энтузіасты») и/o книгѣ И. Головина («Je suis tombé par hazard sur un livre»).

256. Корректурa статьи о бракосочетаніи Наслѣдника Престола (17 апрѣля 1841).

257. Тетрадь съ рисунками Жуковскаго 1847 года.

258-263. «Мое духовное завѣщаніе». Пакетъ, содержащій черновики, бѣловыя и копіи духовныхъ завѣщаній Жуковскаго (1831, 1837 и 1840 г.г.); подлинное завѣщаніе 1837 года разорвано; тутъ же разорванная записка Жуковскаго 26 февраля 1840 года.

264. Докладъ Жуковскаго о воспитаніи в. к. Констан-

тина Николаевича съ резолюціей имп. Николая I: «совершенно согласенъ».

265-266. Двѣ тетради съ подробной программой и съ наброскомъ программы воспитанія и обученія Наслѣдника Престола.

267. Тетрадь 1834 года съ записями Жуковскаго о поведеніи и ходѣ ученія Наслѣдника.

268. Адресная книга съ помѣтками Жуковскаго.

269. «Комиссіи». Тетрадь съ памятными записями Жуковскаго.

270-283. Разныя записи Жуковскаго (программы преподаванія, конспекты, реестры, сюжеты для элегій, маршруты, распоряженія о раздачѣ экземпляровъ, планы путешествій, наставленія для А. Н. Батюшковой и проч.)

284. Стихотвореніе (в. к. Константина Николаевича?) «Маруся» съ исправленіями Жуковскаго.

285-286. Письма Жуковскаго къ имп. Николаю I (1827 и 1847 г.г.).

287. Письмо Жуковскаго къ И. Θ. Воейкову (1847).

288-290. 3 письма Жуковскаго къ матери.

291. Письмо Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу (1846).

292. » » къ Липману.

293. » » къ Е. Θ. Петерсену.

294. » » къ Л. Н. Цисаревой (1839).

295. Письмо къ Е. А. Протасовой (1833).

296. Письмо къ Е. А. Свербеевой.

297. Письмо къ А. О. Смирновой (1845).

298. Письмо къ П. Я. Убри (1846).

299-300. 2 письма къ Фридриху-Вильгельму Прусскому (1840).

301. Письмо къ И. А. Викулину.

302-303. Двѣ записки къ разнымъ лицамъ.

304-309. Переписка по поводу запрещенія журнала И. В. Кирѣвскаго «Европеецъ».

310-311. Записки Жуковскаго объ А. М. Тургеневѣ.

312. «Переписка» 1847. Тетрадь, содержащая черновики писемъ и записокъ Жуковскаго къ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, А. И. Блоку, И. Θ. Воейкову,

князю П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу, Р. Р. Родионову, барону Ротшильду и др.

313-333. «Черныя письма». Пакетъ черновыхъ писемъ Жуковского къ имп. Николаю I, имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ и къ Наслѣднику.

334-335. Черновики писемъ Жуковского къ князю А. Н. Голицыну.

336-337. Черновики писемъ Жуковского къ имп. Николаю I (1839).

338-339. Черновики писемъ Жуковского къ Наслѣднику (1833).

340-341. Черновики писемъ Жуковского къ М. Т. Каченовскому.

342. Черновикъ письма Жуковского къ Ветцелю.

343. Черновикъ письма Жуковского къ Гете (1822).

344. Черновикъ письма Жуковского къ И. И. Дмитриеву.

345. Черновикъ письма Жуковского къ L. Privat (1829).

346. Черновикъ письма Жуковского къ Шлетцеру (1844).

347-348. Черновики писемъ Жуковского къ разнымъ лицамъ.

349. Черновикъ письма отъ имени императрицы Александры Ѳеодоровны.

350-356. «Условіе и расчетъ съ Фишеромъ по изданію «Наля и Дамаянты». Пачка содержитъ въ себѣ «Поправки текста» Жуковского, черновики писемъ его къ Е. Ѳ. Фишеру и Р. Р. Родионову, условіе Жуковского съ Фишеромъ и проч.; тутъ же имѣются письма Е. Ѳ. Фишера и графа Віельгорскаго къ Жуковскому, 3 письма А. П. Зонтагъ и письмо Л. фонъ Майделя къ Р. Р. Родионову и проч.

Кромѣ того, автографы Жуковского см. выше №№ 24 (стихотвореніе «Вѣдая прошлое, видя грядущее, скальдъ вдохновенный» — въ альбомѣ А. О. Смирновой), 90-94, 95-99, 102, 103, 104, 106, 118, 119-120, 121-122, 123-125, 126-127, 128, 130, 131, 132, 133-138, 139-143, 144 (въ тетради графини Е. П. Ростопчиной находятся автографы стихотвореній Жуковского: «Бывали дни восторженныхъ видѣній»,

«Роза», «Лавръ», «Надгробіе юношѣ», «Голосъ младенца изъ гроба», «О веселая младость! О печальная старость», «Фидій иль самъ Громовержець къ тебѣ нисходилъ отъ Олимпа», «Судьба», «Завистникъ», «Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжелой работѣ» и посвяtitельная записъ графинѣ Е. П. Ростопчиной, удостовѣряющая принадлежность этой тетради Пушкину), 180, 190.

Копіи произведеній и писемъ Жуковскаго.

357. Тетрадь со стихотвореніями Жуковскаго, переписанными М. А. Протасовой: «Къ Плещееву» («Ты, Плещепупъ»), «Плещепупу» («Естли же толкъ?»), «Къ Сашѣ» («Дразни меня, другъ милой Саша!»), «Къ Машѣ» («Пришли Воейкова посланье»), «Къ Воейкову» («Хвала, Воейковъ! кротъ, сады»), «Къ нему же» («Воейковъ — братъ!»), «Отвѣты на заданные вопросы», «Къ А. И. П. 3 августа 1812» («Въ часъ веселый всякъ пророкъ!»), «Коловратно-куріозная сцена между господиномъ Леандромъ, Палліасомъ и важнымъ Господиномъ Докторомъ».

358. Тетрадь съ романсами А. И. Плещеева на слова Жуковскаго: «Богъ въ міръ ее послалъ себѣ на прославление», «Откуда ты Эфира житель», «Элизіумъ» («Роша, гдѣ податель мира»), «Усладь» («Надъ прозрачными водами»), «Цвѣтокъ» («Минутная краса полей»), «Дубрава» («Дубрава шумитъ»), «Мальвина» («Съ тѣхъ поръ, какъ ты плѣненъ другою»), «Romance» («Когда я былъ любимъ въ восторгѣ, въ восхищеньи»), «Кассандра» («Все въ обители Пріама»), «Пѣснь Араба надъ могилою коня» («Сей другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ»), «Romance» («Щастливъ тотъ кому забавы»), «Желаніе» («Озарися долъ туманный»), «Пловець» («Вихремъ бѣдствія гонимый»), «Дней моихъ еще весною», «Пѣснь воиновъ» («Вотъ вамъ совѣтъ мои друзья»).

359. «Баллада въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ самдругъ и кто былъ другой».

360. «Мысли при гробницѣ».

361. Тетрадочка съ копіями пяти писемъ Жуковскаго къ матери (1795).

362-363. Копіи двухъ писемъ Жуковскаго къ А. А. Воейковой и А. И. Тургеневу.

Письма къ Жуковскому.

- 364-368. 5 писемъ Н. О. Аделунга (1838-1847 г.г.).
 369-381. Пакетъ съ письмами графовъ Адлерберговъ (1823-1850).
 382-383. 2 письма Алопеуса (1826 и 1827).
 384-386. 3 письма Н. О. Арендта (1826, 1827 и 1842).
 387-388. 2 письма М. Асмуса (1821 и 1841).
 389-391. 3 письма свящ. І. І. Базарова (1845-1849).
 392-399. 7 писемъ М. А. Бакунина (1847-1849).
 400-401. 2 письма графини Ю. О. Барановой (1827 и 1844).
 402-403. 2 письма Г. С. Батенкова.
 404-408. 5 писемъ А. Н. Батюшковой (1824-1829).
 409-410. 2 письма графа А. Х. Бенкендорфа (1834 и 1839).
 411-416. 6 писемъ А. Бехтѣева (1832-1833).
 417-425. 9 писемъ А. Н. Блудовой.
 426-442. 17 писемъ Д. Н. Блудова (1819-1823).
 443-445. 3 письма графини С. А. Бобринской (1831).
 446-448. 3 письма де Бонштетена (1828-1831).
 449-453. 5 писемъ Брунова (1825-1839).
 454-462. 9 писемъ барона Будберга (1845-1850).
 463-581. 119 писемъ А. Я. Булгакова (1830-1851).
 582-584. 3 письма А. П. Бутенева (1845-1847).
 585-586. 2 письма Т. Вейдемейеръ (1843 и 1844).
 587-588. 2 письма Авг. Вейраухъ (1820 и 1823).
 589-592. 4 письма Анны Вейраухъ (1848-1850).
 593-598. 6 писемъ Софіи Вейраухъ (1828-1847).
 599-620. 22 письма С. А. Викулина (1832-1844).
 621-635. 15 писемъ А. О. Воейкова (1814-1831).
 636-640. 5 писемъ А. А. Воейковой.
 641-643. 3 письма М. Волконской.

- 644-685. Пакетъ съ 42 письмами графовъ Вьельгорскихъ (1829-1851).
- 686-734. 49- писемъ князя П. А. Вяземскаго (1821-1844).
- 735-741. 7 писемъ княгини В. О. Вяземской (1839-1840).
- 742-743. 2 письма Ф. de la Harpe (1833).
- 744-753. 10 писемъ А. И. Германа (1821-1825).
- 754-757. 4 письма Авд. С. Глинки.
- 758-762. 5 писемъ Д. Г. Глинки (1839-1851).
- 763-764. 2 письма М. И. Глинки (1846 и 1849).
- 765-769. 5 писемъ С. Н. Глинки (1819-1844).
- 770-771. 2 письма Уст. Глинки (1829 и 1846).
- 772-775. 4 письма О. Н. Глинки (1829-1839).
- 776-777. 2 письма Н. И. Гнѣдича (1826).
- 778-790. 13 писемъ князей Голицыныхъ (1829-1851).
- 791-800. 10 писемъ князя Горчакова (1833-1851).
- 801-802. 2 письма В. И. Григоровича (1834).
- 803-804. 2 письма В. Губарева (1829 и 1835).
- 805-807. 3 письма Д. Гуфеланда (1821-1830).
- 808-816. 9 писемъ Д. В. Дашкова.
- 817-822. 6 писемъ А. Дитриха (1829-1835).
- 823-865. 43 письма И. И. Дмитріева (1805-1837).
- 866-870. 5 писемъ М. А. Дороховой (1838-1848).
- 871-881. 11 писемъ Л. В. Дуббельта.
- 882-891. 10 писемъ А. П. Елагиной.
- 892-893. 2 письма Ек. Елагиной-Кирѣвской (1849 и 1850).
- 894-897. 4 письма de Gerando (1827).
- 898-927. 30 писемъ М. Gilles (1826-1845).
- 928-972. 45 писемъ С. П. Жихарева (1825-1829).
- 973-976. 4 письма Г. Жомини (1830).
- 977-980. 4 письма П. Жуковскаго (1829-1830).
- 981-1013. 33 письма К. К. Зейдлитца (1822-1851).
- 1014-1023. 10 писемъ А. П. Зонтагъ (1823-1842).
- 1024-1027. 4 письма Е. И. Зонтагъ (1825-1829).
- 1028-1029. 2 письма А. Е. Измайлова (1819).
- 1030-1033. 4 письма А. Д. Кавелина (1826-1840).
- 1034-1038. 5 писемъ Д. А. Кавелина (1816-1820).
- 1039-1040. 2 письма В. Н. Каразина (1841).
- 1041-1051. 11 писемъ Н. М. Карамзина (1804-1818).

- 1052-1053. 2 письма Е. А. Карамзиной (1830 и 1845).
 1054-1056. 3 письма М. Сагус (1827 и 1844).
 1057-1107. 51 письмо М. Т. Каченовского (1808-1838).
 1108-1112. 5 писемъ И. В. Кирѣевского (1830-1843).
 1113-1122. 10 писемъ А. Клара (1822-1830).
 1123-1124. 2 письма Маріи Клейстъ (1829).
 1125-1126. 2 письма графа Козловскаго.
 1127-1129. 3 письма А. И. Козловой (1842-1850).
 1130-1131. 2 письма А. И. Козлова (1845).
 1132-1162. 31 письмо И. И. Козлова (1823-1839).
 1163-1165. 3 письма П. Корнеліуса (1835 и 1837).
 1166-1167. 2 письма А. И. Кошелева (1851 и 1852).
 1168-1169. 2 письма В. Красинскаго (1824 и 1829).
 1170-1171. 2 письма Крейтона (1826).
 1172-1176. 5 писемъ П. И. Кривцова (1839-1842).
 1177-1178. 2 письма И. Θ. Крузенштерна (1831).
 1179-1180. 2 письма барона А. Крюднера (1851).
 1181-1191. 11 писемъ Б. Лагрена (1834-1835).
 1192-1197. 6 писемъ княгини Д. Х. Ливень (1825-1839).
 1198-1200. 3 письма Р. Липмана (1832-1841).
 1201-1210. 10 писемъ Θ. П. Литке (1838-1848).
 1211-1212. 2 письма Н. М. Лонгинова (1819 и 1827).
 1213-1214. 2 письма А. Θ. Львова (1845 и 1851).
 1215-1219. 5 писемъ Л. ф. Майделя (1836-1841).
 1220-1221. 2 письма А. Θ. Малиновскаго (1820 и 1821).
 1222-1262. 41 письмо барона Ф. Мальтица (1822-1851).
 1263-1264. 2 письма П. М. Мейера (1846).
 1265-1269. 5 писемъ Н. А. Мельгунова (1845-1846).
 1270-1292. 23 письма К. К. Мердера (1826-1833).
 1293-1294. 2 письма графа М. А. Милорадовича (1823).
 1295-1296. 2 письма В. Молостова (1822 и 1823).
 1297-1299. 3 письма К. Моргенштерна (1829 и 1841).
 1300-1313. 14 писемъ Moreau de la Meltière (1821-1841).
 1314-1315. 2 письма Софіи Мюллеръ (рожденной Вей-
 раухъ) (1850).
 1316-1319. 4 письма веймарскаго канцлера Мюллера
 (1838-1849).
 1320-1321. 2 письма И. П. Мятлева (1838).
 1322-1323. 2 письма П. В. Нащокина (1849 и 1850).

- 1324-1326. 3 письма Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго (1828).
- 1327-1331. 5 писемъ Auldine Odescalchi (1838-1840).
- 1332-1336. 5 писемъ д'Ольберга (1840-1845).
- 1337-1340. 4 письма Old Mary (1839).
- 1341-1343. 3 письма А. Н. Оленина.
- 1344-1348. 5 писемъ прот. Г. П. Павскаго (1827-1841).
- 1349-1353. 5 писемъ Паррота (1824-1834).
- 1354-1355. 2 письма А. Паткуля (1832).
- 1356-1359. 4 письма графа В. А. Перовскаго.
- 1360-1375. 16 писемъ Г. Петерсена (1820-1837).
- 1376-1379. 4 письма П. А. Плетнева (1820-1851).
- 1380-1417. 38 писемъ Александра А. Плещеева (1809-1841).
- 1418-1419. 2 письма Алексѣя И. Плещеева.
- 1420-1422. 3 письма М. Потоцкой (рожд. Солтыковой).
- 1423-1425. 3 письма графа Потоцкаго.
- 1426-1428. 3 письма L. Privat (1829-1833).
- 1429-1436. 8 писемъ А. А. Прокоповича-Антонскаго (1822-1835).
- 1437-1442. 6 писемъ Е. А. Протасовой (1815-1837).
- 1443-1445. 3 письма М. А. Протасовой (1816).
- 1446-1456. 11 писемъ В. Проташинскаго (Фитюлькина) (1827-1838).
- 1457-1479. 23 письма Е. Г. Пушкиной (1824-1829).
- 1480-1481. 2 письма графини Разумовской.
- 1482-1488. 7 писемъ П. де Роберти (1820-1840).
- 1489-1515. 27 писемъ С. А. Родзянки (1800-1803).
- 1516-1517. 2 письма В. Родзянкиной (1838).
- 1518-1532. 15 писемъ Р. Р. Родіонова (1827-1852).
- 1533-1537. 5 писемъ барона Е. Θ. Розена (1834-1844).
- 1538-1539. 2 письма Я. И. Ростовцева (1844 и 1848).
- 1540-1541. 2 письма Е. А. Свербѣевой (1846).
- 1542-1544. 3 письма de Seva (1839-1840).
- 1545-1551. 7 писемъ Ад. де Сиркура (1844-1851).
- 1552-1556. 10 писемъ Ан. де Сиркуръ (рожд. Хлюстиной) (1836-1848).
- 1557-1559. 3 письма А. Склабовскаго (1819-1820).
- 1560-1565. 6 писемъ М. С. Скуридина (1846-1847).

1566-1568. 3 письма В. Соллогуба.

1569-1570. 2 письма графини С. М. Соллогубъ-Віельгорской.

1571-1573. 3 письма Е. М. Сперанской-Багреевой (1839-1841).

1574-1575. 2 письма графа С. Г. Строганова (1831 и 1832).

1576-1578. 3 письма А. Стурдзы (1831-1849).

1579-1584. 6 писемъ А. О. Сухотина (1818-1831).

1585-1642. 58 писемъ Д. П. Сѣверина (1829-1851).

1643-1646. 4 письма барона фонъ Сюдова (1838-1851).

1647-1648. 2 письма И. М. Толстого (1844 и 1849).

1649-1651. 3 письма Полины Толстой (1839-1843).

1652-1657. 6 писемъ Ал. И. Тургенева.

1658-1659. 2 письма А. М. Тургенева (1839 и 1846).

1660-1670. 11 писемъ Андр. И. Тургенева.

1671-1675. 5 писемъ Н. И. Тургенева (1845-1847).

1676-1679. 4 письма Н. И. Тютчева (1820-1823).

1680-1687. 8 писемъ П. Я. Убри (1838-1847).

1688-1692. 5 писемъ ф. Унгернъ-Штернберга (1834-1849).

1693-1695. 3 письма Н. И. Уткина (1822).

1697-1698. 2 письма Ек. Ушаковой (1849).

1699-1700. 2 письма Д. Фикельмонтъ (1845).

1701-1704. 4 письма К. Фридриха (1830-1835).

1705-1707. 3 письма П. Р. Фурмана (1822-1828).

1708-1709. 2 письма К. В. Чевкина (1841).

1710-1711. 2 письма Kitty Чевкиной (1841 и 1842).

1712-1713. 2 письма баронессы П. Черкасовой (1839).

1714-1721. 8 писемъ В. фонъ Шадова (1838-1846).

1722-1726. 5 писемъ Шамбо (1827-1844).

1727-1729. 3 письма князя А. А. Шаховскаго (1829-1836),

1730-1732. 3 письма князя А. Ширинскаго-Шихматова (1848 и 1851).

1733-1740. 8 писемъ Э. Шмидтъ фонъ деръ Лауницъ (1838-1851).

1741-1745. 5 писемъ К. фонъ Эглофштейнъ (1826-1841).

1746-1747. 2 письма И. фонъ Эглофштейнъ (1840).

1748-1752. 5 писемъ графини Эдлингъ (рожд. Стурдза) (1832-1841).

1753-1755. 3 письма А. Эленшлегера (1838-1839).

1756-1758. 3 письма В. Юшкова (1819-1822).

1759-1760. 2 письма Д. И. Языкова (1846 и 1847).

1761-1765. 5 писемъ в. к. Александра Николаевича (имп. Александра II) (1826-1847).

1766-1786. 21 письмо имп. Александры Ѳеодоровны (1818-1842).

1787-1788. 2 письма в. к. Анны Павловны (1839).

1789-1790. 2 письма в. к. Елены Павловны (1826 и 1852).

1791-1801. 11 писемъ в. к. Константина Николаевича (1837-1841).

1802-1806. 5 писемъ в. к. Маріи Павловны (1828-1829).

1807-1809. 3 письма имп. Маріи Ѳеодоровны (1826-1827).

1810-1811. 2 письма в. к. Михаила Николаевича (1841 и 1842).

1812-1813. 2 письма в. к. Николая Николаевича (1841 и 1842).

1814-2045. Письма И. Антипина, Т. В. Аполлонскаго, В. Аратовскаго, А. Н. Арбеневоу, А. Ф. фонъ деръ Бриггена, Брэй, Буассере, Букильона, Бунзена, А. Бунина, Е. Васильчиковой, А. Ватемарра, А. Вельсъ, А. А. Веневи-тиновой, Г. И. Вилламова, М. Винтеръ, О. Винтеръ, В. Владиславлева, А. А. Воейкова, И. Ѳ. Воейкова, княжны А. П. Волконской, княгини З. А. Волконской, А. Вульфѳертъ, арх. Гавріила, Газанъ, Ганнемана, Гельмерзена, Ѳ. И. Германа, Н. Гнейзенау, Е. А. Головина, А. В. Головкиной, графини Ю. Гребенъ, А. Гримма. Е. Гриневоу, Гудовичъ, Д. В. Давыдова, В. И. Даля, И. Двигубскаго, баронессы Л. И. Дельвигъ, князя Д. И. Долгорукаго, К. Дюгамель, П. Н. Ермолова, Ф. Зарембы, М. Звѳрева, В. Золотова, Г. Иванова, В. В. Измайлова, А. О. Ишимовой, П. С. Кайсарова, Капо д'Истриа, С. Н. Карамзиной, А. Н. и С. Н. Карамзинныхъ, М. Карѳевоу, В. Кашкадамова, А. Кестнеръ, Ш. Кестнеръ, Кия, Н. Кирѳевской, М. Клаузевитцъ, Л. де Кленце, Е. Коллинсъ, Л. Кологривовой, А. Колосовой, О. Ѳ. Кошелевоу, Е. Кривцовой, Н. И. Кривцова, графини С. Г. Кругликовоу, П. И. Крузенштерна, Крюммеръ, графа П. Кутайсова, Е. Кутузовоу, графа Лавалия, барона Ф. де ла Моттъ

Фукэ, В. И. Ланской, Л. Ланской-Вилламовой, Линднеръ, А. Н. Луцкаго, А. Н. Майкова, М. А. Максимовича, графини Ю. Мантейфель, Н. А. Маркевича, И. П. Маргоса, Матвѣева, Д. С. Меньшенина, Л. Мерзляковой, князя Е. П. Мещерскаго, П. П. Милорадовича, К. Мойера, Th. Moreau de la Meltière, А. Н. Муравьева, Муравьева-Апостола, Е. Нарышкиной, М. Нарышкиной, М. И. Невзорова, графа Нессельроде, Ю. Ю. Нѣмцевича, П. Обухова, Н. П. Огарева, князя Одоевскаго, И. П. Озерова, В. Олина, Олсуфьева, А. Ольдекопа, Ольферса, графини А. А. Орловой-Чесменской, графа Орлова, Н. Отрѣшкова, Ф. Палацкаго, В. И. Панаева, графа И. Э. Паскевича-Эриванскаго, К. Пассерина, В. Петерсона, Ю. Петерсена, Е. Пиниць, М. Плещеевой, П. Полетика, Е. Поповой, И. Попова, А. П. Протасова, Е. И. Протасовой, Д. Прянишникова, Н. В. Путяты, С. Е. Раича, Х. Рауха, Рафна, Ф. Рейффа, Я. Рейхеля, А. Ренненкампа, М. Римской-Корсаковой, графини Е. П. Ростопчиной, графа С. Румянцева, графини Е. Салтыковой, А. Сапожникова, М. Н. Свѣчиной, И. Сеславина, И. Смирдина, М. А. Сонцова, Стенбока, графини Н. В. Строгановой, А. де Струве, князя А. А. Суворова, В. Г. Теплякова, князя С. П. Трубецкаго, И. П. Тургенева, М. Тучковой, И. Н. Тютчева, графини Уваровой, графа А. С. Уварова, А. Философова, И. Фовицкаго, П. Фонтонна, Фредро, П. Хавскаго, В. Ханькова, князя П. И. Шаликова, графа Д. Н. Шереметева, графини Н. Н. Шереметевой, А. С. Шишкова, графини Шлифъ (рожд. Шуваловой), Евд. фонъ Шмитъ, барона Шрекенштейна, барона Штейнагеля, Штофрегена, графа А. Шувалова, Эверса, М. фонъ Энгельгардтъ, А. Юшковой, М. Якоби и другихъ.

Переводы произведений Жуковскаго на иностранные языки, посвященія ему и другіе матеріалы, относящіеся къ Жуковскому.

2046. Переводъ на французскій языкъ стихотворенія «Опять ты здѣсь, мой благодатный геній».

2047. Стихотвореніе Жуковскаго «Stabat Mater» на итальянскомъ языкѣ.

2048. Переводы А. Дитриха на нѣмецкій языкъ стихотвореній Жуковскаго: «Сказка о спящей царевнѣ», «Добрая мать» и двѣ «Пѣсни» («Минувшихъ дней очарованье» и «О милый другъ! теперь съ тобою радость»).

2049. Переводъ на нѣмецкій языкъ сказки Жуковскаго «Котъ въ сапогахъ».

2050. «Confession du Giaour de Lord Byron, traduit de l'anglais par I. de K.» — переводъ И. И. Козлова «Гяура» съ посвященіемъ Жуковскому.

2051. Разсказъ И. И. Козлова (нач.: «Ночь была зимняя»), посвященный «Милому другу Жуковскому».

2052-2054. 3 стихотворенія И. И. Козлова, посвященные Жуковскому: «Отрывокъ о Лордѣ Байронѣ изъ будущаго посланія къ Жуковскому» («Божественный пѣвецъ страстей»), «Къ Другу» («Опять ты здѣсь, опять судьбою») и «Милому другу Жуковскому» («Прости мнѣ Боже прегрѣшенья»).

2055. Стихотвореніе в. к. Константина Николаевича «Слава Россіи» («Мы вспомнили прекрасно старину»), посвященное «Безцѣнному моему Василію Андреевичу Жуковскому».

2056. Стихотвореніе И. Мартынова, посвященное Жуковскому: «Ты съ Геніемъ въ Олимпъ летая».

2057. Стихотвореніе Н. Нольде: «Въ память поэта В. А. Жуковскаго» («Нашъ Бѣлевецъ поэтъ, воспитатель Царя»).

2058. Стихотвореніе Д. П. Сѣверина: «Жуковскому» («Въ вѣнокъ души прекрасной, лучезарной»).

2059. Стихотвореніе Фурмана: «Стихи въ которыхъ кто-то опровергаетъ мнѣніе, будто бы онъ скачетъ вслѣдъ балладной старушкѣ».

2060. Стихотвореніе неизвѣстнаго автора: «Ты ѣдешь! нашъ пѣвецъ Ундины».

2061. «Стихи написанные по прочтеніи сочиненія Василія Андреевича Жуковскаго, на кончину Ея Императорскаго Величества Государыни Маріи Ѳеодоровны» неизвѣстнаго автора.

2062. «Undine und ihr Troubadour» — стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ La Motte Fouqué.

2063. Стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ датскаго поэта А. Oehlenschläger: «An Schukowsky».

2064. Стихотвореніе на нѣмецкомъ языкѣ, за подписью «Sara T.», посвященное Жуковскому.

2065-2066. 2 стихотворенія на нѣмецкомъ языкѣ, посвященные Жуковскому.

2067-2069. Альбомы съ рисунками и стихами, принадлежавшіе Жуковскому.

2070-2071. Вексель, выданный Н. В. Гоголемъ Жуковскому, и расписка Гоголя въ полученіи отъ Жуковскаго 3.000 рублей.

2072. Расписка Жуковскаго въ принятіи отъ А. И. Тургенева 15:167 фр. 10 с.

2073-2075. Планъ Бѣлева, «La Haue au 13e siècle» (чертежъ съ объясненіями Жуковскаго) и карта Палестины, рисов. Жуковскимъ.

2076. Копія договора Жуковскаго съ И. Ф. Смирдинымъ.

2077. «Объ изданіи Полнаго Собранія Сочиненій В. А. Жуковскаго» — проектъ Р. Р. Родіонова съ отзовами князя П. А. Вяземскаго и П. А. Плетнева.

2078-2088. Пакетъ, заключающій бумаги по подпискѣ на изданіе сочиненій Козлова.

2089. Отпускная отъ имени Жуковскаго его крѣпостному человѣку Василью Максимовичу.

2090. Подписка на надгробный памятникъ Жуковскому.

2091. «Мои воспоминанія о незабвенномъ В. А. Жуковскомъ» В. Кальянова (человѣкъ Жуковскаго).

2092. «Жуковскій» — замѣтка объ иконографіи Жуковскаго.

2093-2094. «Scena dell' Olimpiade» и роли, переписанныя изъ L'aveugle clairvoyant», «Le naufrage», «La guerre ouverte» и «L'avocat Patelin» на бумагѣ 1807 года.

2095. Патентъ на польскомъ языкѣ Жуковскому: «Patent na Czlonka honorowego Królewskiego Warszawskiego Przejaciół Towarzystwa»...

2096. Формулярный списокъ в. к. Александра Николаевича (имп. Александра II), подаренный Жуковскому.

2097. Указъ 1771 года о свободномъ прожитіи тур-

чанки Елизаветы Дементьевой (матери Жуковского).

2098. Анонимное пасквильное письмо къ М. А. Мойеръ-Протасовой.

2099. Предсмертный дневникъ М. А. Мойеръ-Протасовой.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

2100-2141. 42 письма И. С. Тургенева къ Ральстону (отъ 19 октября 1866, 13 и 27 марта, 7 апрѣля, 26 іюля, 1 августа, 8 октября и 8 декабря 1868, 3 и 14 февраля, 14 апрѣля, 2 августа, 5 октября, 25 ноября 1869, 31 января, 28 марта, 9 октября 1870, 26 января, 26 іюля, 15 октября, 7 и 16 ноября, 12 декабря 1872, 6 и 22 февраля, 2 апрѣля, 13 августа 1874, 13, 22 и 24 января, 18 февраля, 19 апрѣля, 17 мая 1877, 7 октября 1878, 21 и 28 декабря 1881, 12 января, 2 мая, 6 августа, 23 сентября и 27 декабря 1882).

2142-2173. 32 письма И. С. Тургенева къ А. Θ. Онѣгину (отъ 8 января, 13 марта, 18 мая 1870, 19 и 21 сентября, 6 и 21 октября 1872, 4, 15 и 16 іюня, 24 іюля, 11 и 28 сентября, 6 октября, 7 ноября, 15 и 26 декабря 1873, 20 марта и 24 сентября 1874, 25 февраля и 14 марта 1875, 20 января и 14 марта 1876, 18 января, 24 февраля и 18 мая 1878, 1 и 27 января, 23 мая 1879, 23 сентября 1882 года; два письма безъ датъ (1878 и 1880 г.г. ; къ письму отъ 18 января 1878 года приложенъ печатный экземпляръ стихотворенія Тургенева «Крѣкеть въ Виндзорѣ» съ исправленіями автора, а къ письму отъ 25 мая 1879 — «Программа сегодняшняго вечера»).

2174. Отрывокъ письма И. С. Тургенева къ А. Θ. Онѣгину: «Я понимаю, что Вамъ не совсѣмъ должно быть весело»...

2175. Письмо Тургенева (написанное подъ его диктовку) къ А. Θ. Онѣгину.

2176-2179. 4 записки Тургенева къ А. Θ. Онѣгину на визитныхъ карточкахъ.

2180-2181. 2 телеграммы Тургенева къ А. Θ. Онѣгину.

2182-2208. 27 писемъ Тургенева къ П. В. Жуковскому (отъ 14 августа 1869 года, 6 августа 1873, 27 августа 1874,

1 и 10 января, 22 мая, 23 июня и 1 декабря 1875; остальные письма не имѣютъ датъ).

2209. Письмо Тургенева къ Катулли Мендесу (безъ даты; нач.: «Mon cher collègue, Veuillez excuser mon manque de mémoire...»).

2210. Бредовая телеграмма Тургенева («Pais à Bougival»).

2211. Записка Тургенева, написанная Арнольтомъ, но имъ подписанная (2 апрѣля 1883).

2212. Черновикъ протокола засѣданія Комитета Общества русскихъ художниковъ въ Парижѣ, секретаремъ котораго состоялъ Тургеневъ.

2213-2215. Копіи писемъ Тургенева къ г-жѣ Лаговской (отъ 20 января 1883), къ Д. В. Григоровичу (1 февраля 1883) и Н. А. Щепкину (отъ 25 апрѣля 1883).

2216-2222. 9 писемъ разныхъ лицъ къ Тургеневу.

2223. Телеграмма Mlle Viardot къ Тургеневу.

2224. Письмо garde-malade Тургенева къ своимъ роднымъ.

2225. Наброски воспоминаній А. Θ. Онѣгина о Тургеневѣ.

2226-2246. Письма и телеграммы разныхъ лицъ (П. В. Анненкова, Арнольта, Бертенсона, князя Мещерскаго, L. Viardot) къ А. Θ. Онѣгину по поводу Тургенева.

И. С. Аксаковъ.

2247-2248. Автографы стихотворенія «Очеркъ» (1845) и «мистерія въ трехъ періодахъ» — «Жизнь чиновника» (1843).

И. С. Аксаковъ.

2249. «Зимняя дорога» (1845) — копія съ исправленіями автора.

А. Н. Апухтинъ.

2250. Стихотвореніе (автографъ?) «Старость».

М. А. Бакунинъ.

2251-2258. 8 писемъ М. А. Бакунина къ разнымъ лицамъ (1845-1862).

См. также №№ 392-399.

В. Г. Бенедиктовъ.

2259. Автографъ стихотворенія «Человѣкъ».

Д. Н. Блудовъ.

2260. Автографъ записокъ Д. Н. Блудова.

См. также №№ 426-442.

А. Ѳ. Воейковъ.

2261. «Обстоятельный и безпристрастный журналъ Псковской поѣздки Маминькѣ Екатеринѣ Аванасіевнѣ. Подлецъ кто солжетъ. Дерптъ. Сентября 16 дня 1817 года».

См. также №№ 357, 621-635.

Князь П. А. Вяземскій.

2262-2263. Письма князя П. А. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу и къ друзьямъ.

2264. Проектъ записки князя П. А. Вяземскаго къ имп. Николаю I.

См. также №№ 312, 686-734, 2077.

Ѳ. Н. Глинка.

2265. Автографъ стихотворенія: «Плачь плѣнныхъ Иудеевъ».

2266-2267. 2 письма Ѳ. Н. Глинки къ П. М. де Роберти (1829 и 1830).

2268. Отношеніе Олонецкаго Гражданскаго Губернатора фонъ деръ Флита къ Ѳ. Н. Глинкѣ (1827).

См. также №№ 772-775.

Н. В. Гоголь.

2269-2271. Деревянный бюваръ съ инкрустаціями, подаренный Н. В. Гоголемъ А. О. Смирновой; въ бюваръ вложено: а) конвертъ съ надписью «Послѣдніе слова

Ник. Василь. Гоголя, написанные имъ во время болѣзни (3 листика), б) псалмы, переписанные рукою Н. В. Гоголя (9 листовъ) и в) записи Гоголя, заимствованныя изъ книги творенія святыхъ отцовъ.

2272. Письмо Н. В. Гоголя къ А. О. Смирновой.

2273. Письмо Н. В. Гоголя къ П. Я. Убри.

2274-2275. Записки Н. В. Гоголя — наставленія А. О. Смирновой для осмотра Рима.

2276. Копія письма М. П. Погодина къ А. О. Смирновой о смерти Н. В. Гоголя.

См. также № 2070-2071.

Баронъ А. А. Дельвигъ.

2277. Письмо барона А. А. Дельвига къ А. П. Елагиной (1830).

И. И. Дмитриевъ.

2278-2281. Автографы басенъ «Слѣпецъ и разслабленный», «Котъ, ласточка и кроликъ», баллады «Старинная любовь» и отрывки изъ «Les femmes savantes» Мольера — «Трисотинъ и Вадіусъ».

См. также №№ 344, 823-865.

Н. М. Карамзинъ.

2282-2283. Копіи статей Н. М. Карамзина: «Мнѣніе Русскаго Гражданина» и «Для потомства».

См. также №№ 77, 1041-1051.

М. Ю. Лермонтовъ.

2284. Копія стихотворенія Лермонтова «Межъ тѣмъ какъ Франція, среди рукоплесканій».

См. также № 24 (автографъ М. Ю. Лермонтова въ альбомѣ А. О. Смирновой: «Въ простосердечіи невѣжды»).

Я. П. Полонскій.

2285-2286. Автографы: «Ночь въ лѣтнемъ саду» и ^{малень} ~~стихо~~

Копія твореніе «Отвѣтъ Некрасову».

Цехръ

Графиня Е. П. Ростопчина.

2287. «Мелкія Стихотворенія Графини Евдокіи Ростопчиной рожденной Сушковой. Тетрадь 4-ая; съ 1842-го года по 1857-ой». Эта «Черновая книга Александра Пушкина», начатая Жуковскимъ (см. выше) и подаренная имъ графинѣ Е. П. Ростопчиной, содержитъ въ себѣ 152 стихотворенія послѣдней.

2288-2292. Черновики писемъ графини Е. П. Ростопчиной къ имп. Николаю I, имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, вел. кн. Маріи Николаевнѣ и вел. кн. Михаилу Павловичу (1841-1846).

2293. Копія «Насильственного брака».

2294. Двѣ тетради запрещенныхъ стихотвореній 19 в.

С. А. Соболевскій.

2295. «Оригинальное стихотвореніе Сергѣя Александровича Соболевскаго Аннѣ Васильевнѣ Путята о баронѣ герцоѣ Кавказа Александрѣ Егоровичѣ Врангелѣ».

В. С. Соловьевъ.

2296-2298. 3 письма В. С. Соловьева къ П. В. Жуковскому.

2299. Письмо В. С. Соловьева къ А. Ѳ. Онѣгину.

2300. Копія стихотворенія В. С. Соловьева: «Родина русской поэзіи».

Д. П. Сѣверинъ.

2301-2311. Автографы стихотвореній Д. П. Сѣверина.

2312-2314. 3 письма Г. И. Вилламова къ Д. П. Сѣверину.

2315-2324. 10 писемъ князя А. М. Горчакова къ Д. П. Сѣверину.

2325-2356. Письма Высочайшихъ особъ къ Д. П. Сѣверину (Александра Виртембергскаго, в. к. Анны Ѳеодоровны, принца Вильгельма Насаускаго, в. к. Елены Павловны и принцессы Терезы).

2357. Стихотвореніе Н. О., посвященное Д. П. Сѣверину.

См. также №№ 1585-1642, 2058.

В. Г. Тепляковъ.

2358. Автографъ статьи «La nouvelle...».

Графъ А. К. Толстой.

2359. Автографъ пьесы «Князь Михаилъ Репнинъ».

Графъ Л. Н. Толстой.

2360. Письмо къ П. В. Жуковскому.

А. И. Тургеневъ.

2361. Свидѣтельство о смерти А. И. Тургенева.

2362-2363. 2 письма графини В. Разумовской къ А. И. Тургеневу.

2364-2365. 2 письма А. А. Прокоповича-Антонскаго къ А. И. Тургеневу (1822 и 1823).

См. также №№ 245, 362-363, 1652-1657, 2072.

Н. И. Тургеневъ.

2366. Всеподданнѣйшее письмо Н. И. Тургенева къ имп. Николаю I.

Ө. И. Тютчевъ.

2367-2369. Копіи стихотвореній Ө. И. Тютчева: «Судь людской», «На смерть Жуковскаго», «Къ Россіи» («Эти бѣдныя селенья»), «Умомъ Россію не понять» и «Во главѣ сочиненій Жуковскаго» («Прекрасный день его на Западѣ исчезъ»).

А. С. Хомяковъ.

2370. Автографъ (?) стихотворенія «Орлу».

2371. Копія стихотворенія «Кіевъ».

Б. М. Оедоровъ.

2372. Автографъ были «Очищеніе».

Смѣсь.

2373. Письмо имп. Александра I къ князю Шварцбургъ-Рудольстатскому (1816).

2374. «Рѣчь императора Александра I, произнесенная имъ при учрежденіи и открытіи Государственнаго Совѣта» (1810).

2375-2376. Копіи двухъ писемъ имп. Елизаветы къ имп. Маріи и письма князя Волконскаго о болѣзни и смерти имп. Александра I (1825).

2377. Стихотвореніе И. Антипина: «Друзьямъ на пріѣздъ Государя Наслѣдника».

2378-2379. 2 стихотворенія (на нѣмецкомъ языкѣ) М. Asmuß'a.

2380. Стихотвореніе Ант. Блудовой: «Воскресный колоколь».

2381. Стихотвореніе (на нѣмецк. яз.) Боденштедта.

2382. Стихотвореніе (на нѣмецк. яз.) Авг. Вейрауха.

2383. Письмо проф. de Veley къ имп. Николаю I.

2384-2385. 2 письма И. Ѳ. Воейкова къ Е. А. Протасовой и М. А. Воейковой (1845 и 1846).

2386. Письмо М. А. Воейковой къ К. К. Зейдлицу.

2387. П. Высоцкаго «Свѣдѣнія о тайномъ обществѣ, составленномъ въ цѣли ниспроверженія Правительства и установленія конституціонныхъ вольностей, — а вмѣстѣ и военныя дѣйствія школы подпрапорщиковъ пѣхотныхъ полковъ въ ночи съ 29 на 30 ноября 1830 года».

2388. Записка Г. Гейне къ Т. Готье.

2389. Копія стихотворенія Гете (?) «Zu Werthers Leiden» (1824).

2390-2391. 2 стихотворенія, приписываемыя Гете: «In die Arabeske» (1831) и «Allgemeines Volkslied am 18 october» (1814); на оборотѣ послѣдняго — черновикъ письма Жуковскаго къ Наслѣднику.

2392-2393. 2 записки князя А. М. Горчакова къ Мме Новиковой.

2394. Письмо Д. В. Давыдова къ Шныкелю.

2395. Докладная записка барона Врангеля о преподаваніи гражданскихъ законовъ.

2396. Статья, подписанная М. В.т.: «На что несчастіе и какія его выгоды?»

2397. Письмо Θ . Иордана къ Θ . А. Бруни.

2398. Статья Д. В. Дашкова: «О новомъ устройствѣ гильдій».

2399-2400. 2 письма в. к. Елены Павловны къ графу Нессельроде и къ неизвѣстному лицу.

2401-2402. Копія письма А. П. Ермолова къ Н. Г. Устрялову (1827) и копія прошенія Ермолова объ условной отставкѣ (1827).

2403-2404. Письмо А. А. Иванова къ Н. Л. Рожалину (1834) и росписка Иванова (1847).

2405. Письмо А. О Смирновой къ Свербѣевой (объ А. А. Ивановѣ).

2406-2407. 2 стихотворенія А. Кайсарова: «Къ мечтателю» и «Къ мечтательницѣ».

2408-2409. 2 письма Сапо d'Istria къ Heydeken и Eynard.

2410. Стихотвореніе (на нѣмецкомъ языкѣ) Кестнера.

2411. Стихотвореніе Кокоскина «Государю Наслѣднику, Цесаревичу и Великому Князю, Александру Николаевичу, на отбытіе Его Императорскаго Высочества изъ Москвы, для путешествія по Россіи».

2412. Статья Лелевеля «Депутаты въ Вѣржно 2 декабря 1830» съ исправленіями Жуковскаго.

2413-2414. 2 стихотворенія Ф. Лимоновскаго: «Полицейское приключеніе» и «Крестьянскій духъ».

2415. Письмо И. Мальцова къ П. И. Игнатьеву (1845).

2416. «Стихи Мальцова къ собственному портрету».

2417. Письмо доктора Мюльгаузена къ графу В. А. Перовскому (1822).

2418. Письмо графа Нессельроде къ графу Татищеву (1838).

2419-2421. 3 стихотворенія Николая Нольде, поднесенныя Высочайшимъ особамъ.

2422. Разныя бумаги графа Паскевича-Эриванскаго.

2423. Письмо графа В. А. Перовскаго къ А. Толстой.

2424. Копія статьи графа В. А. Перовскаго «Освобожденіе Русскихъ изъ неволи» съ исправленіями автора.

2425. Прошеніе Александра Плещеева Наслѣднику (1827).

2426-2427. Письма А. и Н. Плещеевыхъ къ А. А. Воейковой.

2428-2429. Письма Е. А. Протасовой къ К. К. Зейдлицу и А. А. Воейковой.

2430. Запись М. А. Протасовой.

2431. Тетрадь, заключающая въ себѣ воспоминанія кн. В. Н. Репниной.

2432-2438. Бумаги М. М. Сперанскаго.

2439. Письмо М. М. Сперанскаго къ С. В. Руссову.

2440-2442. 3 стихотворенія (на нѣмецк. яз.) Шамбо.

2443. Письмо С. П. Шевырева къ А. И. Булгакову.

2444-2446. Статьи разныхъ авторовъ: «Отвѣтъ на письмо друга въ Саратовской губерніи живущаго», «Совѣты хозяйственныя пустытника села Дмитріевскаго поданные съ усердіемъ Милостивой Государынѣ Авдотѣ Петровнѣ Киреевской для чтенія на досугѣ» и «Мнѣніе какой порядокъ ввести когда воспитанниковъ въ Академіи Художествъ не будетъ».

2447. Тетрадошка французскихъ стихотвореній (4) Nathalie de Bode (1835).

2448. Тетрадошка очень слабыхъ русскихъ стихотвореній.

2449. Альбомъ со стихотвореніями на нѣмецкомъ яз.

2450-2455. Стихотворенія разныхъ авторовъ на русскомъ языкѣ.

2456-2473. Стихотворенія разныхъ авторовъ на нѣмецкомъ языкѣ.

2474. Стихотвореніе на французскомъ языкѣ: «Dans le jour natal de S. M. l'Empereur de toutes les Russies Nicolas I».

2475. Копія пѣсни Беранже: «Te souviens-tu, disait un capitaine».

2476. Копія стихотворенія Делиля: «La rose et l'étourneau».

Кромѣ того, въ музеѣ хранится личный архивъ П. В. Жуковскаго и А. Θ. Онѣгина.

III

Приложеніе.

Неизданныя произведенія и письма В. А. Жуковскаго.

Къ Плещееву.

Ты, Плещепуць,
Весьма неглуць,
Увѣренъ я,
Да, власть твоя!
Не на умѣ
Такъ на письмѣ
Ты коротокъ!
Никакъ насморкъ
Тому виной!
И ангель мой,
Хоть носъ распухъ
Да крѣпокъ духъ!

Хвала судьбѣ!
Скажу тебѣ:
Гроза прошла
И разцвѣла
Душа у насъ!
Въ счастливый часъ
Нашъ Боегавъ
Здѣсь прописавъ
Тово, сево,

Какъ ничево
Все смастерилъ
И прожурилъ
Созданье тьмы,
Сестру чумы,
Врагушу въ адъ!
Не лѣкаръ — кладъ!
Да вотъ что грѣхъ!
Ему на смѣхъ
Надежду бьетъ,
Несетъ и рветъ!
Да захворалъ
Нашъ Генералъ! (1)
Тотъ человѣкъ,
Какихъ въ нашъ вѣкъ
Не много есть:
Онъ любить честь,
Душею прямъ,
И дорогъ намъ!
Какъ Филемонъ
Съ Бавкидой, онъ
Съ женой живетъ...
Онъ хину пьетъ
Теперь какъ чай!

Мой другъ, прощай!
И жди меня,
Какъ свѣтла дня
Попъ пьяный ждетъ,
И ложки ротъ,
И мухъ паукъ,
И Павловъ — крюкъ,
Вдовецъ кривой,
Жены другой!

1812.

(1) Генералъ Бонами (участникъ литературныхъ упражне-
ній въ с. Черни).

Плещепупу.

Естли же толкъ?
 Что ты примолкъ?
 Скучно писать!
 Лучше зѣвать,
 Глядя на носъ
 Будешь, другъ косъ!
 Скинь, Плещепупъ,
 Лѣни тулупъ;
 Сотней стиховъ
 (Смертныхъ грѣховъ)
 Миѣ удружи;
 То есть скажи,
 Скоро ли къ намъ,
 Добрымъ друзьямъ,
 Врать, пить и ѣсть?
 Лошади есть!

Мой же Пегасъ
 Съ часу на часъ
 Прытче летитъ
 Такъ и горитъ
 Листъ подъ перомъ!
 Стихъ за стихомъ!
 Сонъ позабылъ!
 Мало чернилъ!
 Перья изгрызъ
 Лучше всѣхъ крысъ.
 Вотъ приѣжай,
 Самъ позѣвай,
 Слушая вздоръ.
 Но до тѣхъ поръ,
 Другъ Плещепупъ,
 Если не скупъ,
 Будь миѣ отецъ...
 Самъ ты писецъ
 Не изъ простыхъ;
 Въ книгахъ твоихъ
 Есть Буало.

Я сквозь стекло
 Видѣль, какъ онъ,
 (Переплетень
 Въ красный сафьянъ,
 Громъ — капитанъ
 Роты пѣвцовъ)
 Противъ глушцовъ
 Перья острить,
 Штыкъ наводить
 Страшныхъ сатиръ.
 Онъ не Омиръ —
 Вкуса пророкъ!
 Мнѣ на часокъ
 Нуженъ тотъ томъ ⁽¹⁾,
 Гдѣ онъ, умою
 Яснымъ водимъ,
 Братьямъ своимъ
 Стихоткачамъ,
 Какъ по херамъ
 Все рассказалъ:
 Способы даль
 Риемы ловить,
 Съ музами пить
 Нектаръ, не квасъ,
 А на Парнасъ
 Шею и честь
 Здраво принесть,
 Лавровъ нарвать
 И обуздать
 Злова коня.
 Есть у меня
 Свой Буало,
 Да какъ на зло
 Стереотипъ.

Я не Эдипъ!
 Многимъ стихамъ

(1) Т. е. Буало, Art poétique, для желудка (В. Ж.).

Толку не дамъ,
 Нотъ не прочтя.
 Дай, нешутя,
 Книжицы сей;
 Да поскорѣй:
 Нужно, ей, ей!
 Да одолжи,
 Къ ней приложи
 Тотъ лексиконъ,
 Что сочиненъ
 Обществомъ музъ (1).
 Я не французъ
 (Право не лгу)
 Знать не могу
 Силы всѣхъ словъ.
 Будь же готовъ
 (Для ради музъ)
 Этотъ мнѣ грузъ
 Съ первымъ гонцомъ,
 Въ сельской нашъ домъ
 Перешвырнуть.
 Да не забудь
 Связки ключей.
 Бѣсъ Асмодей
 Влѣзъ въ мой карманъ.
 Я какъ болванъ
 Ихъ потерялъ
 (Какъ проѣзжалъ)
 Въ домъ твоёмъ.
 Честенъ твой домъ:
 Вѣрно они
 Цѣлы въ Черни.
 А вѣдь безъ нихъ
 Шкаповъ моихъ
 Мнѣ, умереть!
 Не отпереть!

(1) Dictionnaire de l'Académie française (В. Ж.).

Будь надъ тобой
 Сильный, святой
 Богъ, Аполлонъ.
 Низкій поклонъ
 Аннѣ твоей,
 Музѣ моей.

Баста стихамъ!
 Буду я къ вамъ —
 Вотъ тебѣ честь! —
 Лишь *двадцать шесть*
 Канетъ на дворъ
 Милый пѣвецъ
 Будь мнѣ отецъ,
 Книги пришли!
 Люли! люли!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ УПРАЖНЕНІЯ ВЪ С. ЧЕРНИ (1).

Première séance de l'Académie des curieux impertinants.

Réponse 15.

Devise : *Voyez ma curiosité.*

Lanterne magique! Lanterne magique! la pièce curieuse!

C'est ainsi qu'un Savoyard crioit sous ma fenêtre.

J'étois seul et triste, ma tête étoit pesante, mon âme engourdie et ne pouvant occuper mon âme je me trouvois très heureux de pouvoir occuper mes yeux. Je dis donc au Savoyard d'entrer. C'étoit un petit jeune homme très vif, au regard

(1) Въ литературныхъ упражненіяхъ въ с. Черни у Плещеевыхъ (Académie des curieux impertinants) принимали участие, кромѣ Плещеевыхъ и Жуковского, Протасовы (Александра, Екатерина, Марія, Елена), г. Goethals, Бонами, Е. П. Кирѣевская, Ек. и А. П. Юшковы, Вуссуиллон, Faure, Чайковская, Морлинкуръ.

spirituel, à la figure charmante. Il entra lentement, posa sa lanterne sur ma table, on ferma les volets et la pièce commença.

« Je vous dirai d'abord, mon cher Monsieur — ainsi
 « parla le petit Savoyard — que ma lanterne magique n'est
 « pas du nombre de ces lanternes ignorées et ignobles, qui ne
 « parlent que d'animaux, de diables cornus et d'opérateurs
 « qui trouvent leurs délices dans les boyaux. C'est une lan-
 « terne philosophe. Ce soir, Monsieur, elle aura l'honneur de
 « vous montrer *la personne capable de faire votre bonheur dans*
 « *ce bas monde.*

« Ayez la bonté d'être attentif et surtout ne baillez
 « pas. Cela pourroit interrompre le cours de mes idées.
 « Ma lanterne ne me fournit que le texte, et moi je ne suis
 « que son très humble commentateur : *Et nota bene!* Il
 « faut que vous sachiez que les personnes qui vont paroitre
 « devant vous, sont toutes d'un caractère irréprochable.
 « Que faut-il de plus pour le bonheur, me demanderez-vous ?
 « Nous allons voir :

Et combidra vanandra manir!

Et je vis paroitre une ombre, d'une beauté éblouissante, elle avoit le port majestueux ; le regard serein, mais grave ; une démarche assurée et tous ses mouvements avoient quelque chose d'imposant. Elle m'étonna, mais ne me toucha pas.

Le Savoyard me dit :

« Voila une belle personne ; n'est-ce pas ? Si vous étiez
 « peintre, vous la choisiriez pour faire le portrait de Minerve.
 « Eh bien, mon cher Monsieur, adorez la comme une divinité,
 « mais ne lui confiez pas votre bonheur. Elle a toutes les
 « qualités d'une personne vertueuse, mais son esprit est trop
 « supérieur au vôtre ; vous vous mettrez toujours à la torture
 « pour vous élever à sa hauteur et votre existence ne sera
 « qu'un ennui sublime. Point de bonheur sans égalité. »
 « *Disparé* (1).

(1) C'est-à-dire: «Disparais!»

« *Et combidra vanandra manir!* »

« Voyez-vous, mon cher Monsieur, cette jeune beauté si
 « négligée. Elle se mouche dans son bonnet, elle crache dans
 « son sac à ouvrage, elle a le nez barbouillé d'encre — en un
 « mot cette personne est charmante ! Elle a tout pour être
 « aimable et aimée ! Mais, cher Monsieur, tâchez de ne pas
 « en devenir amoureux, vous risqueriez de dire adieu pour
 « jamais à la tranquillité de votre vie ! Cette jeune beauté est
 « *savante* — c'est tout dire ! Elle négligera le berceau de son
 « enfant pour rester auprès de son télescope et votre simple
 « bon sens sera toujours terrassé par sa dialectique. Enfin
 « vous serez obligé ou de fuir votre maison, ou de vous sou-
 « mettre, en prononçant la formule des disciples d'Aristote :
 « *le maître l'a dit!* ce qui est très bon pour un docteur en phi-
 « losophie est très indécent pour un mari... gare la savante !
 « *Disparé!* »

« *Et combidra vanandra manir!* »

« Celle-ci que vous voyez si jolie et si mélancolique, c'est
 « une personne douée de beaucoup de sensibilité. Ceux qui
 « la voient de loin la trouvent charmante, mais vous, qui
 « seriez destiné en qualité de mari de rester toujours près
 « d'elle, vous ne seriez pas de l'avis de ces autres. Elle a tout
 « ce qui est nécessaire pour vous donner le bonheur et fera
 « tout pour vous l'ôter et devenir malheureuse elle-même.

« C'est une tête exaltée, elle a le caractère susceptible, elle
 « est méfiante. Elle s'est créé un monde hors des limites de la
 « nature et voudra par force vous y entraîner avec elle, si
 « vous ne la suivez pas, elle vous laissera seul soupirant sur
 « les ruines des biens réels qu'elle-même a détruits sans pitié.
 « Elle vous persécutera sans cesse pour votre sensibilité
 « simple et naturelle, pour votre paisible bon sens, pour votre
 « attachement sans affectation, enfin les vertus qui seules
 « constituent le bonheur solide ne vous serviront qu'à le
 « détruire ! *Disparé! vite! vite!* »

Mais pour ne pas vous ennuyer, mes bons amis, je vous
 dirai en deux mots que mon Savoyard me montra au moins
 une douzaine de *femmes parfaites*. Il les faisoit défiler devant

moi l'une après l'autre, en chantant leur panégyrique, mais toujours son refrain étoit : *Gare à vous ! ne vous y fiez pas ! Celle-ci* lui paroissoit avoir une vertu trop rigide : elle se croit de devoirs inutiles et s'entouroit de scrupules qui chassoient loin d'elle les plus innocents plaisirs. *L'autre*, spirituelle et bonne, n'aimoit pas assez le travail et ouvroit trop souvent la plus jolie petite bouche du monde pour bailler au milieu des occupations paisibles du ménage. *Celle-là* oublioit trop la terre pour le Ciel et sacrifioit l'activité utile à la contemplation oisive, qui dessèche l'âme en isolant... Enfin, mon petit Savoyard étoit sans pitié, sa langue frappoit à droite et à gauche, et son fatal *disparé*, comme un arrêt irrévocable du sort, faisoit évanouir le fantôme, tout honteux de son apparition inutile.

Déjà je commençois à m'ennuyer. Tout-à-coup apparut une ombre, qui s'empara de toute mon attention, et je vous avoue que mon cœur fut entraîné vers elle par un attrait irrésistible. Mon Savoyard me lança un regard malin et débuta comme à l'ordinaire par un :

Et combidra vanandra manir !

« Voyez-vous, mon cher Monsieur, cette figure si douce et
 « si agréable ? Elle n'a pas l'éclat éblouissant de ces beautés
 « que j'ai eu l'honneur d'offrir à vos regards, mais avouez
 « que ses attraits paisibles vous touchent plus profondé-
 « ment. Vous n'êtes pas ébloui, mais vous vous sentez douce-
 « ment attiré vers elle ; vous êtes calme, mais vous êtes heu-
 « reux en sa présence. Sa beauté n'est pas du nombre de celles
 « qui produisent *tout* leur effet dès le premier moment ;
 « mais plus on la voit, plus on découvre en elle de ces charmes
 « touchants, de ces charmes qui n'ont pas de nom et qui ne
 « peuvent qu'être sentis, — c'est l'invisible beauté de l'âme qui
 « remplit tout, qu'on ne peut [que sentir et qui n'ont pas
 « de nom] saisir nulle part, qui vous attendrit et qui
 « fait couler dans votre cœur un doux contentement. Peut-
 « être vous ne la remarquerez pas au milieu d'un brillant cercle
 « de beautés, mais, l'ayant une fois remarqué, vous empor-
 « terez son souvenir dans la solitude, elle deviendra votre
 « compagnon chéri et son image sera pour vous l'image du

« bonheur. Son âme, simple et douce, est remplie de cette
« sensibilité paisible, qui ne la tourmente jamais, qui se
« répand sur la moindre de ses actions : elle brille dans son
« regard modeste, elle charme dans sa douce voix; c'est
« comme le parfum de la violette qui embaume la prairie
« et reste invisible... Son cœur ne l'abandonnera jamais à
« l'orage passager d'une passion violente, mais il sera toujours
« tendre, toujours aimant et jamais ne variera dans son
« attachement. Douceur inaltérable — voilà son caractère,
« mais cette douceur n'est pas foiblesse. Elle cédera sans
« effort et trouvera du plaisir dans sa résignation ; mais elle
« saura être ferme quand son devoir, quand l'intérêt de ce
« qu'elle aime l'exigera : en refusant elle aura l'air d'obéir
« et vous vous soumettrez sans effort à son regard suppliant
« et tendre. Son esprit est droit, il auroit pu être brillant si la
« modestie n'adoucissoit son éclat. Aimant à s'occuper, elle
« se suffira toujours et jamais ne pensera à sortir de son
« petit cercle où règnent autour d'elle la tranquille activité,
« la paix, le contentement. Oh ! qu'il est facile de la rendre
« heureuse, — elle vient elle-même au devant du bonheur !
« Son âme innocente le devine. Heureux celui qui *de bonne*
« *foi* le cherchera pour elle ! Il n'aura qu'à ne pas la lui re-
« fuser... »

J'écoutois avec saisissement mon orateur ; l'image char-
mante que je voyois devant moi me parut animée, et l'illusion
étoit si forte, qu'involontairement je m'élançois vers elle...
Tout disparut — et le fantôme, et le Savoyard et sa lan-
terne. Je vis devant moi un joli enfant, qui me regardoit sans
cesse, les bras croisés, avec un air malin, mêlé de compassion.

— Qui es-tu, être inconcevable ? m'écriai-je saisi d'éton-
nement.

« Je suis l'Amour !

— Que viens-tu faire ici ? Pourquoi ce costume et cette
lanterne ?

« Je m'amuse !

— Joli amusement ! Abuser un pauvre mortel par des
rêves ! Réponds-moi ! peux-tu réaliser cette illusion char-

mante, qui s'est attachée à mon âme, bien malgré moi et qui — je le crains — ne la quittera jamais.

« Hélas ! je le voudrois, mais je ne puis !

— Pourquoi donc, méchant que tu es, venir troubler ma tranquillité ?

« Ecoute-moi, mon ami, et ne te fâche point. Je ne suis
 « pas si coupable que tu le crois; je suis un enfant, et j'aime
 « à m'amuser. Voilà tout. Le Ciel est triste et les Dieux sont
 « trop graves pour mon humeur folâtre; j'aime mieux la
 « terre, où il y a tant de fous, sans te compter. Vous autres
 « aveugles, vous me croyez méchant — et vous vous trompez
 « lourdement, — je ne suis qu'enfant. C'est ce vieux Destin,
 « grognon et capricieux comme tout vieillard doit l'être, qui se
 « mêle sans pitié à mes jeux enfantins et me prescrit mes amu-
 « sements comme un docteur ses pilules. S'il ne dépendoit
 « que de moi, je te donnerois en réalité ce qui t'a charmé si
 « fort en illusion — mais, que veux-tu ? Le Destin a écrit ce
 « matin sur son journal : *L'Amour pour se désennuyer ira*
 « *aujourd'hui sur la terre et y montrera la lanterne magique à*
 « *celui qui sera désigné par le sort* — et le sort tomba sur toi,
 « pauvre malheureux. Je te plains, mais tire-toi de là comme
 « tu peux ! mon pouvoir ici est nul ! Moi-même je ne suis
 « qu'une marionnette. Bonsoir. »

Et il disparut.

Mes amis, je vous ai conté fidèlement ce qui m'est arrivé ! D'après cela jugez vous-même, si je suis en état de répondre à cette question : *De quel caractère désireriez-vous que fût la personne à qui vous confieriez le bonheur de votre vie ? Je n'ai rien à désirer et ne veux rien choisir.*

Mr. JOUKOFFSKY.

Seconde séance de l'Académie des curieux impertinants.

Réponse 17.

Devise : *Honny soit qui mal y pense.*

Je ne sais si la question proposée peut regarder l'homme en général ; je doute qu'elle soit déduite de l'expérience et fondée sur la nature humaine.

On veut savoir pourquoi l'homme vit-il plus dans l'avenir que des souvenirs du passé ? Et moi, je demande pourquoi l'homme vivroit-il plutôt dans l'avenir ou dans le passé que dans le présent ? Le seul présent devrait l'occuper. S'il en est quelques fois autrement, c'est l'affaire des circonstances, donc c'est un cas *particulier* — et la question proposée regarde l'humanité en général.

La nature ne nous a pas fait une loi *de toujours vivre dans l'avenir, de ne jamais nous contenter du présent, et de négliger les Souvenirs du passé.* Mais en nous ordonnant de jouir elle a marqué dans notre vie les époques où nous devons être plus portés à nous occuper ou du présent, ou de l'avenir, ou du passé.

Voyez l'enfant ! il est heureux, sans souvenir et sans espérance. — Oubli pour le passé, insouciance pour l'avenir, bonheur pour le présent, on pourroit dire en le voyant si calme, si gai, si serein sur le seuil terrible de la vie, que l'enfance et la sagesse sont synonymes, la prévoyante nature a, pour ainsi dire, ébauché toute notre vie dans ces moments rapides que nous passons près de notre berceau. Elle nous dit, en nous proposant pour modèle le bonheur tranquille de nos premières années : prenez pour guide l'expérience et la réflexion et revenez par le chemin de la vertu à cet état de l'âme et de sérénité qui a commencé votre vie et qui a été mon ouvrage. — La *jeunesse* est toute pour l'*avenir*, une attente vague, inquiète et souvent délicieuse s'attache alors à toutes nos jouissances, et le moment présent embrasse pour nous un grand espace. Avec le sentiment qui le remplit se réveillent dans notre âme une foule d'autres, qui ajoutent à notre

plaisir en l'attendant, qui affaiblissent notre tristesse en entourant la réalité d'illusions charmantes. Et c'est grâce à notre inexpérience! Nous nous fions à la vie et nous n'avons pas encore appris à nos dépens combien elle peut être trompeuse. Nous jouissons de l'avenir précisément parce qu'il nous est inconnu et qu'il n'existe que dans notre imagination enchantée. Mais dans l'*âge mûr*, quand notre sort est accompli, quand nos forces sont développées, quand nous avons fixé la vraie valeur de la vie, nous nous retirons dans le cercle étroit du *présent*, nous agissons — et s'il nous arrive de porter nos regards sur l'avenir, c'est uniquement par prudence, pour être toujours en garde. — Arrive la vieillesse; avec elle arrive le triste et inutile regret du passé; mais c'est alors aussi que se découvre pour moi de plus près un nouvel avenir : idée consolante ! Sans nous détacher de la vie, elle en adoucit l'amertume et rend pour nous moins affligeant le souvenir de sa fin prochaine.

J'ai indiqué la marche de la nature — mais la destinée en choisit souvent une autre ! Et il est prouvé par expérience que nos sentiments, nos opinions sont toujours déterminés par notre destinée.

Voyez celui qui — sans éprouver de grands malheurs, a été privé dès le berceau de toutes ces joies qui rendent la vie si chère — l'avenir aura-t-il pour lui beaucoup d'attraits ? Hélas ! notre imagination ne le compose que de souvenirs ! Et ses compositions ne sont gaies ou tristes, variées ou monotones que selon la matière dont elles se servent. Et l'homme qui n'a jamais connu le bonheur par expérience ne saura jamais le placer dans sa perspective — il restera seul, cloué au présent, détaché du passé, sans projets pour l'avenir.

Celui, au contraire, qui connoit le bonheur, mais qui a souvent et douloureusement éprouvé combien il est variable, pourra-t-il s'en détacher pour fixer les regards sur l'avenir? — Hélas ! l'avenir est un abîme ! et celui qui l'a vu engloutir si souvent ce qui lui étoit si cher ne s'en approchera qu'avec répugnance. Je crois même qu'il préférera l'idée du présent avec tous ses maux réels à l'espérance de l'avenir avec tous ses biens illusions. — Le premier au moins l'assure du présent, et la dernière l'en fera douter malgré ses promesses, parce que

l'idée importune de l'incertitude s'attache naturellement à elle.

Vous me direz que c'est au malheureux battu par l'orage de la vie à s'attacher à l'avenir. Mais si c'est un avenir terrestre, peut-il être pour lui d'une grande consolation? Il ne sera qu'un foible palliatif qui trompera pour un moment sa maladie, mais ne le guérira point. Un pauvre marinier, entouré des horreurs de la tempête, pleure en pensant qu'il existe quelque part une terre qui auroit pu lui servir de refuge. En attendant la tempête gronde, et Dieu sait où elle le conduira. De même, un malheureux éprouve une impatience douloureuse en rêvant à ce *peut-être* si incertain. Il n'existe dans l'avenir que comme un banni dans son exil. Son espérance est comme cette plante avec laquelle un pauvre naufragé est balloté par les vagues : remplacera-t-elle pour lui les trésors qui ont péri dans l'abîme?

Je crois donc que celui-là seul peut en quelque manière exister dans l'avenir, qui, n'étant pas accoutumé par des revers fréquents à craindre la vie, jouit paisiblement de son présent et l'a sù fonder sur les bases solides du passé. — Ce n'est que cette réunion si rare qui peut donner à nos espérances le charme entraînant qui les transforme en réalité. Dans tout autre cas le mot *exister dans l'avenir* est vide de sens, et je n'y comprends rien.

Mr. JOUKOFFSKY.

Troisième séance de l'Académie des curieux impertinants.

Réponse 15.

Devise : *Persévérance.*

Pour bien répondre à la question proposée, il faut d'abord déterminer ce qu'on entend par le mot *préjugé*. Alors il sera plus facile de répondre si un *préjugé peut être mis en balance avec notre amour ou l'objet chéri*.

Le mot *préjugé* en est aussi la définition : opinion qui précède le jugement, une opinion *fausse*, mais ayant tout

le caractère de la *vérité* parce qu'elle est accrédité par le consentement général, affermie par l'habitude et par là devenue inviolable.

On s'y soumet parce qu'on est membre de la société qui la protège ; mais ce devoir ne regarde pas le citoyen — il est nul pour l'homme qui n'a d'autre règle de conduite, que sa conscience et la volonté de l'Être Suprême, toujours claire et jamais douteuse.

Les préjugés sont produits ou par la nécessité ou par un concours fortuit de circonstances — tous ils sont nés dans le berceau de la Société, mais tous ont survécu à cette nécessité et à ces circonstances, qui leur ont donné l'être : l'habitude prolonge leur existence ; devenus inutiles, ils deviennent pour la plupart nuisibles ou ridicules, mais on les tolère, on n'ose y toucher, crainte de prophaner leur antiquité sacrée. Il est réservé au seul tems de les anéantir dans sa marche insensible : les arracher avec force, quand leurs racines sont encore profondes, seroit bouleverser le sol auquel ils tiennent. Mais plus la société se perfectionne, plus ils deviennent rares : ils sont comme les herbes sauvages, qui disparaissent à mesure que le sol du laboureur cultive la terre.

On peut distinguer deux sortes de préjugés. Les uns peuvent être appelés *nécessaires* parce que sans être une loi pour chacun en particulier — ils maintiennent l'ordre général : tel est par exemple le préjugé des duels, sorte de police conventionnelle, qui auroit été bienfaisante si elle étoit bien réglée. Les autres n'existent que dans la seule opinion, ne se conservent que par leur ancienneté et ne sont protégés que par l'habitude. On peut les comparer à un vieux chêne, dont les racines sont pourries, qui ne se soutient que par son seul poids et qui tomberoit au moindre choc, malgré une apparence de force et de vigueur. On ne peut se soustraire aux uns sans rompre entièrement avec la Société, il est louable de ne pas être assujéti aux derniers, qui ne sont que des erreurs, avilissantes pour la noble raison de l'homme. Les premiers me paraissent toujours plus ou moins fondés sur la nature et par cette raison ils doivent subsister aussi longtemps que la Société, les derniers — épouvantables, imaginés pour dominer la Société dans son enfance, mais devenus sa risée du

moment qu'elle a commencé à mûrir — étant toujours contraires à la nature comme à la raison, n'existoient que pour les fanatiques et ne sont bons qu'à nous barrer le chemin du bonheur. Plus la Société s'éclaire, plus ces fantômes, qui l'effrayoient dans ses ténèbres, s'évanouissent. Parcourez les siècles mitoyens — vous les verrez inondés de maux, dont nous n'avons aucune idée, et la plupart de ces maux ont été produits par les préjugés.

A présent venons à notre question : *faut-il par amour pour l'objet aimé, c'est-à-dire pour son bonheur, sacrifier ses préjugés ?*

D'abord nous poserons un principe qui ne souffre aucune exception : *on sacrifie tout au bonheur de ce qu'on aime, excepté la vertu.*

A présent, mettons dans la balance : ici le préjugé, là le bonheur de l'objet aimé. — De quel côté notre devoir penche-t-il la balance ?

De ce côté : blâme de la Société ; de l'autre : malheur de ce qu'on aime. Choisissez.

Mais pouvez-vous rester un moment indécis ? Comment ? Le blâme de la Société peut-il vous toucher, s'il est injuste ? Et il l'est puisque vous ne sacrifiez qu'une erreur. Aurez-vous jamais le courage de préférer le malheur accablant *d'être justement accusé par votre cœur* au malheur méprisable de *l'être injustement* par les indifférents, qui sont ou prévenus ou aveugles ou trop loin de vous pour pouvoir vous comprendre et prononcer un arrêt infallible ?

Ces sacrifices — toujours approuvés par la vertu puisqu'ils demandent de la force et de la grandeur dans l'âme — auroient été beaucoup plus fréquents et surtout beaucoup plus faciles si on avoit toujours le courage de se fier à son cœur et de consulter sans prévention la simple raison. Mais on craint de s'aventurer dans les ténèbres qui entourent certaines idées — on les respecte ces ténèbres sacrées : on croit y trouver une divinité et on n'y trouve qu'un monstre. Cette faiblesse pusillanime produit une sorte de fermeté. Ce n'est qu'après avoir été effrayé par l'erreur que nous acquérons le courage nécessaire pour détruire tout ce qui nous est le plus cher, et

notre âme doit être pour ainsi dire *paralysée* pour avoir l'immutabilité de la force.

J'ai dit que pour vaincre un préjugé il faut avoir de la grandeur et de la fermeté. Eh bien ! cette grandeur et cette fermeté résident toujours dans l'âme sensible, qui aime, et elles se découvriront dans toute leur puissance, quand elle sera réduite à se décider entre la perte d'une erreur et la perte de l'objet chéri. Quelle lumière plus pure et quelle force plus grande que cette sensibilité, qui nous illumine et nous saisit tout d'un coup et nous transporte dans un clin d'œil vers notre but, vers lequel la raison nous traîne à pas lents : la vérité qu'elle nous dévoile dans tout son beau. La sensibilité est une inspiration, ses jugements sont des prophéties qui ne nous trompent jamais. Comment ? Le *qu'en dira-t-on* defectueux [?] pourroit-il influencer sur les décisions d'une âme grande et pure ? Il existe pour elle un tribunal plus sacré et toujours infallible : c'est le tribunal de la conscience — et Dieu seul y prés'de, non ce Dieu, que nous rendons si cruel en le faisant complice de nos jugements absurdes, mais celui qui nous a donné un cœur et qui nous a dit : Soyez heureux, car être heureux c'est être bon et celui qui est bon est digne de moi. Eh bien ! auprès de ce tribunal sublime peut-on penser aux hommes, juges aveugles et cruels ? En entendant cette voix paternelle et consolante peut-on être intimidé par les imprécations méprisables de ces êtres indifférents, qui nous blâment par oisiveté et qui sans savoir ce qu'ils font renversent en passant l'édifice de notre bonheur ?

Plus la Société où nous vivons est éclairée, plus le sacrifice de nos préjugés nous devient facile, car le nombre de nos approbateurs s'y multiplie à mesure. Si au contraire vous êtes entouré de fanatiques qui ne voient rien au delà de leurs étroites habitudes — vous êtes accablé par leur force. et il vous est plus difficile de secouer ce joug avilissant. Mais dans tous les cas, pour une âme élevée, il n'y a de juges que ceux qui peuvent la comprendre. Les autres doivent rester dans la foule. Elle se détache sans effort de cette foule bruyante, elle se choisit son cercle et n'y existe que pour ce qu'elle aime. C'est par le bonheur qu'elle goûte, c'est par le bonheur qu'elle donne, qu'elle sanctifie ses actions. Le bruit des jugements du

monde ne trouble jamais cette enceinte sacrée, où l'on n'entend que la douce voix du cœur, où l'on jouit en présence de l'Être Suprême, où l'on est bien avec soi parce qu'on est bien avec la vertu.

Plus le sacrifice nous coûte, plus il est grand de le consommer quand on aime... oui ! quand on aime ! Il ne s'agit ici que de cela. Point d'amour — point de sacrifice. Le cœur reste froid, l'on prononce avec calme le jugement fatal et l'on passe sans jeter un regard de pitié sur sa victime ; qu'elle périsse — n'importe ! on est tranquille. Hélas ! on est content, persuadé d'avoir rempli un devoir sacré — et l'on n'a été que cruel et aveugle. Au moins l'insensibilité peut ici servir d'excuse. Mais qui pourra jamais excuser une âme sensible, une âme élevée et tendre, qui cherche elle-même à étouffer la voix protectrice qui lui crie en faveur de ce qu'elle aime ? Comment expliquer son aveuglement ? Quel nom donner à son indifférence?... Oh ! qu'ils sont haïssables ces préjugés destructeurs, qui peuvent dénaturer même une belle âme ! qui lui donnent une cruauté factice, qui anéantissent en elle la pitié, qui la forcent même à se glorifier des malheurs qu'elle fait ! Hélas ! sans réfléchir, sans balancer un instant, armé d'une erreur cruelle, on détruit d'un seul mot le bonheur de toute une vie. Le préjugé fatal rend même incapable de réflexion — l'arrêt est prononcé sans examen et d'avance on est sûr qu'il est juste. On ouvre l'abîme du malheur à ce qu'on aime et l'on croit honorer la vertu ! On se console d'avance des tourments dont on est cause ! On reste spectateur paisible en présence de sa malheureuse victime, qui est là abattue, redoutant son avenir, dégoûtée de son existence, privée de toutes les forces de son âme, incapable ni de chercher, ni même de désirer le bonheur... Et si l'on a le malheur de se réveiller de son assoupissement et de se réveiller trop tard — quand tout est fini, quand on n'a plus la puissance d'accorder ce bonheur, qu'on a refusé... quand il n'y aura plus à qui le donner !.. Quel réveil !

Mr. JOUKOFFSKY.

ДЕРПТСКИЙ ДНЕВНИКЪ ЖУКОВСКАГО.

*Дерптъ и Петербургъ.**Дерптъ 1815.*

Апрѣля 10. Я хотѣлъ написать для себя *все*; но мысли не ясны. Основаніе ихъ тоже; но я ихъ не вижу передъ собою и писать съ принужденіемъ то, что вылиться должно изъ сердца; съ холоднымъ умомъ то, что должно говорить чувству, быть не только правиломъ но и ободреніемъ на жизнь, не должно. Подождемъ лучшаго времени и воспользуемся лучшею минутою. Теперь скажемъ только: *все въ жизни къ прекрасному средство*. Эта книга должна быть моимъ лучшимъ товарищемъ, вѣрнымъ повѣреннымъ, подпорю на будущее, судією и свидѣтелемъ поступковъ.

Апрѣля 12. Милый другъ, моя Маша ⁽¹⁾ на всю жизнь — твое письмо меня рѣшило и всѣ мои сомнѣнія исчезли. Я отъ сюда уѣду и счастливъ мыслию, что уѣду. Въ этотъ мѣсяцъ кажется мнѣ что я прожилъ цѣлой вѣкъ — сколько разныхъ перемѣнъ. Сначала бѣдное старое одиночество. Потомъ то, чего бы я никогда не могъ себѣ представить: свободное пожертвованіе привязанностію моею къ тебѣ и твоею ко мнѣ, пожертвованіе соединенное со сладкимъ чувствомъ; — нѣсколько дней или лучше сказать лѣтъ, проведенныхъ съ тяжелымъ чувствомъ, что ты болѣе для меня не существуешь; наконецъ снова Маша моя, вся моя старая привязанность со всѣми своими чувствами; со всею своею жизнію въ моемъ сердцѣ и самая разлука, какъ счастье! все это въ нѣсколько дней! Но теперь уже перемѣнъ не будетъ! Одно чувство на всю жизнь! все будущее основанное на одномъ чувствѣ — дай мнѣ руку, мой ангель хранитель! Возвращая свои къ тебѣ чувства, все что до сихъ поръ было настоящею моею жизнію, я ничего не теряю! разлуки для насъ нѣтъ! Разстояніе раздѣлитъ ли наши сердца, полныя другъ другомъ! То чувство, которое

(1) М. А. Протасова.

насъ связываетъ сдѣсь, черезъ короткое время свяжетъ тѣснѣе тамъ, гдѣ нѣтъ разлуки! Все въ жизни къ великому средство! На эту минуту *средство къ великому* заключено для насъ въ разлукѣ! Воспользуемся этимъ средствомъ какъ угодно Провиденію! безъ ропота, съ полною надеждою, что все доброе будетъ имѣть свою награду! Боже мой, какъ намъ вообразить, что мы несчастны, когда мы другъ друга любимъ, когда мы живемъ съ одинаковою цѣлію, когда мы вспомнимъ, что вся будущая жизнь наша, что счастье въ душѣ, что туда принесемъ чистую, вѣрную другъ другу душу на вѣрное истинное счастье! Пускай эта мысль будетъ намъ ободреніемъ, надеждою, наградою, всемъ. Кто эту мысль у насъ похитить? Нѣтъ, мой другъ, намъ разстаться должно! Безъ разлуки нѣтъ для насъ никакого счастья! Разставшись, по крайней мѣрѣ сбережемъ то что намъ принадлежитъ, что мы пріобрѣли терпѣніемъ, пожертвованіями и годами горя, нашу взаимную любовь! Она наша! Она очищена передъ Богомъ! Онъ насъ соединилъ сдѣсь и тамъ подтвердитъ союзъ нашъ!

Теперь буду отвѣчать на твое письмо. (Вообрази при мысли, что я отъ васъ уѣду, я не могъ не сказать внутренно: *какое счастье!* Пойми изъ этаго, какъ много мнѣ даетъ разлука, и какъ бы я много потерялъ сдѣсь оставшись. Теперь увѣренъ, что я сожалѣть не буду *о томъ что есть!* То что могло бы быть прелестно — но не въ нашей волѣ его создать! На это нужно имѣть всемогущество Божіе). Но я опять отдалился отъ того что говорить началъ. Милой другъ, поняла ли ты то чувство, которое рѣшило меня тебѣ написать: *позволишь ли мнѣ отъ тебя отказаться и самому найти человѣка, который бы тебя стоилъ.* Это самое лучшее чувство въ жизни моей и въ эту минуту былъ я счастливъ! Маша, въ эту минуту я точно тебѣ доказалъ, что тебя люблю. Что произвело это чувство? Мысль что ты зависишь отъ Воейкова — онъ не понимаетъ ни твоего положенія, ни твоего характера; онъ грубъ въ душѣ своей; онъ способенъ минутной выгодѣ пожертвовать твоимъ счастіемъ; онъ получилъ Сашу обманомъ — рѣшившись обманывать съ такимъ постоянствомъ тогда, онъ способенъ подобное сдѣлать и опять!

Откройся выгода и онъ неподорожить ни чемъ! Нѣтъ выгоды, онъ можетъ еще поступать, какъ должно! Онъ не имѣетъ никакой деликатности; не имѣетъ характера; не имѣетъ того чувства, которое угадываетъ чужое горе, заставляетъ падить, успокаивать и облегчать. Все это мнѣ представилось живо и я видѣлъ, что должно было не только разстаться съ тобою, но еще оставить тебя въ такой ужасной зависимости. Мнѣ мысль *пожертвовать всемъ своимъ для тебя* представилась, какъ вдохновеніе Божіе. Съ этою мыслию новая жизнь для меня открылась: моя семья, семейныя связи и то что мнѣ всего дорожѣ, ты подь моимъ надзоромъ, въ полной отъ меня зависимости! Какъ за такое счастье не отдать съ наслажденіемъ всего собственнаго. Ахъ! милой другъ, какъ въ эту ночь я радовался своею жизнью! И много собственнаго счастья слѣдовало за этимъ пожертвованіемъ, сдѣланнымъ единственно для тебя! Я вдругъ очутился въ семьѣ родныхъ, съ полною свободою ихъ любить и чувствовать себя любимымъ. Всѣ прежде неизвѣстныя, связи вдругъ сдѣлались моими. Все это пустое. Этою минутою не воспользовались и нашли способъ ее охолодить. Какъ опытъ ни научилъ меня, что все мнѣ возможное не будетъ никогда возможно съ ними, но я опять написалъ, мое письмо принято было холодно, но послѣ нѣскольکو времени было лучше — но что же это *лучшее*; что мнѣ дали за то счастье, за всѣ тѣ драгоценности, которые я уничтожилъ? Одну наружность! Лице ласковое — а обстоятельства всѣ тѣ же! И при всемъ что у меня самага нѣтъ ничего. Изъ того чистаго, позволеннаго счастья, которое я думалъ купить своею жертвою вышла одна тяжелая обязанность. Все что прежде соединяло съ тобою разорвано, а на мѣсто этаго ничего; въ душѣ ужасная пустота, на которую я даже и жаловаться не смѣлъ, считая и сожаленіе не позволеннымъ; все что ее наполняло, естли не исчезло, то сдѣлалось запрещеннымъ. — Я видѣлъ, что ты грустила, но пособить было нечемъ; я не былъ доволенъ тѣмъ что есть, но думалъ что современемъ будетъ перемѣна. Нѣтъ, милая, какой ждать перемѣны? Никто не подумаетъ, чего я себя лишилъ, чего бы мнѣ стоило поддержать свое намѣреніе и его испол-

нить! Теперешнее обращеніе со мною войдетъ въ привычку; все будущее останется похожимъ на настоящее! Мы будемъ розно — и сверхъ этаго наша обязанность будетъ разлучиться и въ сердцѣ, потому что мы дали слово. Мы будемъ не только по прежнему, не только подъ тѣмъ же принужденіемъ, но въ самой своей привязанности другъ къ другу не найдемъ никакого утѣшенія, ибо сохранить эту привязанность такую какова она была запретить намъ наша должность. Моею любовію къ тебѣ я могъ пожертвовать только для твоего счастья — она была моею жизнію; я могъ промѣнять ее только на другую жизнь на любовь къ тебѣ безъ примѣси собственнаго, на любовь свободную друга, брата, товарища? Дано ли мнѣ это счастье! Нѣтъ! И никогда оно дано не будетъ! Есть ли теперь не могли обрадоваться брату, то уже этому никогда небывать! И живучи вмѣстѣ мы будемъ несчастнѣе нежели когда нибудь! Я беру свое назадъ — по крайней мѣрѣ лучшаго, драгоцѣннѣйшаго своего чувства мнѣ уничтожать теперь нѣтъ нужды! Но съ нимъ уже я не могу сдѣсь остаться! Сдѣсь я могу быть только братомъ, могу быть только съ чувствомъ брата. — Розно съ тобою я никому, кромѣ Бога, не даю отчета въ своихъ чувствахъ; и я ихъ сберегу; что буду я безъ нихъ!

Милой другъ, ты не поняла меня — это естественно! на твоемъ мѣстѣ можетъ быть и я бы такъ же тебя не понималъ! Но въ то время когда ты думала, что я пожертвовала всемъ *au plaisir de je ne sais quoi*, всемъ даже и возможностью показывать тебѣ дружбу, когда *уходила*, чтобы давать мнѣ *приятныя* минуты съ маменькою, когда воображала что я все простилъ Воейкову и радовался своею съ нимъ дружбою, когда онъ тебя такъ нѣжно утѣшалъ говоря что я не хочу тебя любить и хочу поскорѣе тебя выдать замужъ и ты даже сама въ угожденіе мнѣ думала броситься къ первому встрѣчному на шею, когда была *одна* совершенно и даже съ собою не находила отрады — мнѣ было не легче! Безпрестанное мучительное сраженіе съ самимъ собою. Это имя брата, которое я взялъ на себя и которое мнѣ ничего не давало, обязывало меня перемѣнить всѣ мои къ тебѣ чувства. При воспоминаніи о Красовскомъ

сердце хотѣло вспыхнуть, я его удерживалъ и твердилъ себѣ, что такого роду чувство мнѣ не должно быть свойственно. Часто смотря на тебя забывался, но на минуту и старался не давать воли прежнему чувству. Часто былъ долженъ уходить къ себѣ, но и у себя не находилъ покоя. Что было мнѣ прежде прибѣжищемъ, то для меня не существовало — мысль о твоей любви! Я долженъ былъ этой мысли бояться; и свою любовь къ тебѣ долженъ былъ уничтожить — свое лучшее, драгоценнѣйшее чувство! Но его я запрещалъ себѣ, потому что назвался братомъ твоей матери, потому что хотѣлъ стоять ея довѣренности, а не по одной наружности имѣть ее! Вообрази же мое положеніе! Съ тобою — я былъ отъ тебя далеко, не только тѣмъ принужденіемъ которое насъ раздѣляло, но даже и своею обязанностію, которая не только запрещала мнѣ смотрѣть на тебя прежними глазами, но такъ же и въ тебѣ искать прежняго къ себѣ чувства! Одинъ — я былъ лишень всѣхъ своихъ воспоминаній, утѣшеній, которыя прежде давали мнѣ всю бодрость; думать объ тебѣ такъ какъ я думалъ прежде, казалось мнѣ не позволеннымъ; однимъ словомъ для меня не было той Маши, которая прежде совсемъ была соединена въ душѣ моей, а той которая должна была заступитъ ея мѣсто я не имѣлъ еще и слабо надѣялся что имѣть буду. Словомъ я былъ въ уныніи, и только поддерживала меня мысль что я исполняю свою должность, но эта мысль часто теряла свою силу. Однако я ни разу не колебался въ своемъ пожертвованіи. Я рѣшился твердо исполнять всѣ должности, наложенныя на меня именемъ брата; и чтобы не потерять своей рѣшимости вотъ что для себя написалъ.

Прежде я имѣлъ цѣлію быть счастливымъ вмѣстѣ съ Машею. Это было *средствомъ къ прекрасному* и прекрасное состояло бы не въ одномъ наслажденіи собственно своего жизнию, но въ исполненіи съ лучшимъ товарищемъ всего что дѣлаетъ жизнь прямо жизнию, въ исполненіи всѣхъ обязанностей, въ добрѣ, въ собственномъ усовершенствованіи, въ пользѣ другимъ — Отъ этаго должно отказаться. Совсемъ другое должно быть теперь для меня *средствомъ къ прекрасному*. Оно состоитъ въ пожертвованіи самимъ

собою, въ совершенномъ забвеніи собственнаго и все *для нее*. Для этаго рѣшительно отказаться отъ невозможнаго, все употребить для сбереженія семейнаго покоя, твердо покориться судьбѣ и не слабѣть въ исполненіи труднаго — я назвался братомъ не для того, чтобы имѣть одно это имя, и подъ этимъ именемъ имѣть непопозволенные чувства и желанія. Нѣтъ! для того чтобы она была *мною* счастлива, чтобы она принадлежала мнѣ, какъ дочь моей сестры, чтобы судьба ея отъ меня зависѣла. Спокойствіе на счетъ ея судьбы будетъ моею наградою. Съ именемъ брата должна разрушиться вся прежняя связь между нами; надобно сказать себѣ и пріучить себя думать, что она не должна любить меня какъ прежде, но любить какъ роднаго и заботиться о собственномъ, отдѣльномъ счастіи, не сливая его съ моимъ; не только надобно это сказать себѣ, но даже и исполнять на дѣлѣ, *ее* самое пріучить къ этой мысли, изъ ея счастья вырвать все собственное, довольствоваться ея однимъ счастіемъ, все что было прежде общаго уничтожить, не желать чтобы она имѣла одинакое съ моимъ чувство, заставить ее перемѣниться ко мнѣ и утѣшать себя однимъ только одобреніемъ сердца, что все сдѣлано, все принесено въ жертву тому что всего ему дороже. Однимъ словомъ мнѣ должно быть истиннымъ братомъ ея матери, и поступать такъ, какъ бы долженъ поступать истинный братъ. Въ чемъ счастье Маши? Въ спокойствіи и свободѣ сердца, въ согласіи съ матерью, въ мнѣніи что я счастливъ; наконецъ въ томъ чтобы имѣть съ другимъ то что имѣла бы со мною! Мое счастье теперь должно состоять въ томъ что бы все это ей дать! Въ стремленіи къ этому есть то что для меня осталось *прекраснаго* въ жизни! Нѣтъ нужды, что вопреки себѣ — самое страданіе есть средство къ прекрасному! — Та минута, въ которую я рѣшился, для этой прекрасной цѣли, пожертвовать собою, была восхитительна. Но это чувство восхищенія часто пропадаетъ и я прихожу въ уныніе! Нѣтъ нужды! Не должно терять бодрости. Пусть нѣтъ ни энтузіасма, ни удовольствія! Что чувство родитъ въ одну минуту, то твердость должна исполнять въ теченіи жизни. Гдѣжъ было достоинство добродѣтели, когда бы она была и легка

и пріятна. Надобно смотрѣть не на удовольствіе, а на достоинство внутреннее. Всякое исполненіе должности отдѣльно есть дорога по утесамъ, но кончи ее — небо надъ головою, а Кашемиръ передъ глазами. Мое небо *ея счастье* — и такъ унывать не должно! Что прежде наполняло душу, то разрушено — свои надежды замѣнить ея надеждами; все то чего желалъ для себя передать ей, а самому жить настоящею минутою, настоящимъ добромъ! Своей же любви къ ней уничтожить нѣтъ нужды — но сохранить ее какъ тайну; не дѣлиться ею и не желать чтобы ее она дѣлила! Быть вѣрнымъ но уже не той Машѣ которая передо мною, а той которая была прежде, которая знала всю мою любовь — настоящей же любви не должна ни знать, ни угадывать. Жить для себя въ воспоминаніи а для нее въ будущемъ. Пусть будетъ она знать, что я всею пожертвовалъ и *для нее*, что я только ею счастливъ, но она не должна никогда знать, что я сберегъ свое прежнее чувство. Это чувство должно перемѣнить характеръ — быть безъ взаимности, безъ ревности, но какъ и прежде источникомъ и причиною всего добраго.

Вотъ что я думалъ, милой другъ, въ то время когда тебя мучили мыслию, что *я не хочу тебя любить и желаю поскорѣе выдать замужъ*; и ты даже была готова исполнить мое желаніе и броситься первому на шею. Единственное что меня ободряло и утѣшало за мое пожертвованіе была мысль: теперь ужъ ею не жертвуютъ! Я такое же имѣю право надъ ея судьбою, какъ и другіе и она будетъ счастлива, потому что для меня захочетъ своего счастья. А ты? Какія имѣла мысли! и какъ мало меня угадывала? Помнишь ли что ты написала въ своемъ послѣднемъ письмѣ — *mariée ou non mariée, je conserverai toujours mes sentimens*. Это выраженіе сжало мое сердце. Первая мысль грустная. Итакъ она уже предполагаетъ возможнымъ замужество. Прежде это бы разтерзало мою душу. Но тутъ я не далъ ей воли и сказалъ себѣ: такъ и должно! Естьли жертвовать, такъ ужъ всею! даже и ея привязанностію! Свою къ ней сохранить можно на всю жизнь! Но пускай она объ ней незнаетъ и живетъ для себя; надобно самому помочь ей, чего бы это ни стоило, перемѣниться..

Такъ, мой другъ, я готовъ былъ даже за тебя желать этаго замужества и въ тайнѣ сберечь для себя одною свою вѣрность, на которую никто не имѣетъ права. Ты можешь быть не угадывала бы меня, судила бы меня иначе, наконецъ увѣрилась бы, что я перемѣнился — я былъ готовъ и на это! я хотѣлъ оставить для себя одни воспоминанія; а въ настоящемъ пользоваться только тѣмъ добромъ, которое предлагаетъ настоящая минута, будущее же все отдать одной тебѣ. Самое тяжелое для меня въ этомъ положеніи была мысль, что ты не понимая меня, должна огорчаться; а какъ объяснить! Можно ли? Открыть свою тайну? Самому все разрушить? И я не обманулся — ты пишешь: *j'ai cru t'être à charge à toi, et je te fuyais, car c'était le seul moyen de te procurer la bienveillance de maman!*

Нѣтъ Маша! это выше моихъ силъ! Что сдѣлалъ я своимъ пожертвованіемъ! Себя съ тобою не сблизилъ, а у тебя отнялъ послѣднее утѣшеніе! И средства сдѣлать тебя счастливою такъ же отъ меня далеки, какъ и прежде! Неужели они воображаютъ, что я для одного только блага быть у нихъ въ семьѣ рѣшился сдѣлать надъ собою такое усиліе! Нѣтъ! это семья Маши — а ее то для меня и нѣтъ въ этой семьѣ. И что они даютъ мнѣ за эту жертву! Одни ласковые взгляды и слова, которые ничего не значатъ, и при своей незначительности, такъ перемѣнчивы! А я за это разрываю свое и твое сердце. Неужели я этаго семейнаго счастья и покоя желалъ для одного себя — нѣтъ! я его желалъ для насъ! Но его не будетъ — и такъ лучше разстаться и сохранить по крайней мѣрѣ то, что всего дороже. Здѣсь ни я ни ты ни чего не имѣемъ — я всякую минуту буду приходить въ уныніе, всякую минуту буду подверженъ опасности нарушить свою должность — а теперь нарушить ее даже мыслію *было бы ужасно*. Ты говоришь *имѣть вѣру въ твое сердце*. Нѣтъ, другъ, оставшись сдѣсь, съ именемъ брата, я долженъ отказаться и отъ этой вѣры! Что значило для меня прежде имѣть вѣру въ твое сердце? Знать во всѣхъ обстоятельствахъ что ты меня любишь, что ты дѣлишь мои чувства, меня понимаешь, хотя и молчишь! Такого рода вѣру въ твое сердце могу

ли и долженъ ли имѣть теперь! Живучи у васъ въ домѣ, я братъ твоей матери, и могу вѣрить, что ты имѣешь одинакое чувство со мною — но какое, совсемъ не то какое было прежде, а намъ приличное и дозволенное. Я прежде никогда не называлъ маменьки сестрою и теперь языкъ неповоротится назвать ее этимъ именемъ, естли сердце не будетъ съ языкомъ согласно. Но я безумецъ! Я принесъ свою жертву передъ кумиромъ, который не могъ ее принять. Я требовалъ правъ на твое счастье, на твою дружбу, на совершенную непринужденность съ тобою — а она? осматривается. Когда мы идемъ рядомъ, толкуетъ мои и твои взгляды, сама все разрушаетъ своею недовѣрчивостію. Какъ выдержать при этомъ все то, что съ такою искренностію взялъ на себя? Естли въ моей душѣ могъ сдѣлаться такой рѣшительной переворотъ, почему же въ ея душѣ ему сдѣлаться невозможно! Почему не можетъ она вдругъ перейти отъ унижительной недовѣрчивости къ полной и счастливой довѣренности, такъ какъ я отъ любви къ чувству друга и брата! И такъ не долженъ ли я еще благодарить ее за то, что она своею перемѣною заставила меня во время одуматься! Я точно осуждалъ себя на гибель, осуждалъ и себя и тебя! Мы все бы свое разрушили и можетъ быть этимъ принужденіемъ довели бы насъ до того что мы бы невольно сами себѣ измѣнили! А послѣ такого рѣшительнаго обѣщанія измѣнить себѣ не есть ли ужасное несчастье, которое отравило бы всякую минуту жизни! Что бы тогда осталось, когда бы сами себѣ принуждены были говорить, что мы предатели передъ собою и Богомъ. Нѣтъ, милая, лучше разстаться! Они насъ не понимаютъ — У одного на языкѣ низкія раздирающія душу шутки а въ сердце грубость; другая — не входитъ въ наше положеніе, ничего съ нами не дѣлится, и только требуетъ пожертвованія, но и принимая ихъ имъ не вѣрить! Вмѣстѣ намъ нельзя быть счастливыми — скажу болѣе нельзя быть и добродѣтельными. У насъ будутъ въ душѣ однѣ чистыя намѣренія, а вокругъ насъ все будетъ только такое, что эти намѣренія будетъ ослаблять! Какъ въ такомъ случаѣ за себя ручаться! Одинъ дурной шагъ — и прощай спокойствіе!

И такъ надобно *разтаться*. Ты теперь увѣрена что за счастливое *вмѣстѣ* я отдавалъ все до невозможнаго. Не помогло ничто. Жить вмѣстѣ съ тою цѣлью какую я себѣ предполагалъ, было бы труднѣе, но лучше — мы вели бы другъ друга прямо къ добродѣтели, путемъ пожертвованія, обязанности, и были бы счастливы взаимнымъ другъ къ другу уваженіемъ. Я исполнялъ бы à la lettre то что себѣ предписалъ; а ты, что бы мнѣ помочь, была бы со мною согласна во всемъ и моя цѣль была бы твоею. И ты бы должна была сказать себѣ тоже что я: мнѣ надобно смотрѣть на него другими глазами. Чего онъ хочетъ? Моего счастія! И я хочу его! Въ чемъ полагаетъ онъ это счастіе? Въ спокойствіи и свободѣ сердца; въ согласіи съ моею матерью; въ довѣренности къ нему, которая есть не иное что какъ мысль что онъ мое счастіе всему предпочитаетъ, меня уважаетъ и хочетъ стоить моего уваженія; наконецъ естьли велить провидѣніе, и въ томъ, что бы найтти съ другимъ то, что я обѣщала себѣ съ нимъ. Чтобы имѣть *спокойствіе и свободу сердца*, ты бы должна была пріучить себя къ мысли что я твой братъ, и смотрѣть на меня глазами сестры, дать совсемъ другой характеръ своимъ ко мнѣ чувствамъ (безъ этого намъ *живучи вмѣстѣ* нельзя имѣть права на довѣренность маменьки, а главное въ томъ чтобы имѣть еще на нее право и потомъ уже ею пользоваться); послѣ этаго между *тобою и мною* легко быть *полному согласію*; тогда на сердцѣ ничего не будетъ скрытаго; для *доверенности ко мнѣ* нужно, что бы ты всегда помнила, что я единственно для твоего счастія согласился всемъ пожертвовать, что все главной предмѣтъ мой въ жизни ты, какого бы рода ни была моя къ тебѣ привязанность, что слово *être à charge à moi* есть ужасное, убійственное для тебя и для меня слово; что я не могу не хотѣть любить тебя; что желаніе выдать тебя замужъ въ моемъ сердцѣ есть высочайшая степень самой безкорыстной къ тебѣ привязанности, полное забвеніе о самомъ себѣ; что это слово выдать за мужъ только на языкѣ Воейкова можетъ быть для тебя оскорбительно; но что съ этимъ желаніемъ соединена въ душѣ моей мысль о томъ счастіи, которое я могъ бы или желалъ тебѣ дать и которое все

уступаю другому. Имѣть такое желаніе въ душѣ значитъ любить тебя болѣе себя, а не доказывать къ тебѣ свою холодность — тогда изъ благодарности, еслии уже не изъ любви ко мнѣ и на минуту не пришло бы тебѣ въ голову *навязаться первому на шею*. Милой другъ, отказавшись отъ тебя, я говорилъ себѣ съ нѣкоторою бодростію: теперь ничего не могу за нее бояться! По крайней мѣрѣ знаю то, что любовь ея ко мнѣ будетъ хранителемъ ея сердца и что она будетъ замужемъ только за тѣмъ, кто ей способенъ дать счастье какъ я, кому она повѣритъ какъ мнѣ. Это давало полное спокойствіе сердцу моему на счетъ твоей будущей судьбы, и къ этому то счастію желалъ я быть твоимъ проводникомъ — я бы шелъ къ нему вмѣстѣ съ тобою какъ къ своему; однимъ словомъ мы бы помогали другъ другу на пути добродѣтели, трудномъ, но право болѣе удовлетворительномъ всѣхъ прочихъ.

Изъ всего этого не слѣдуетъ, что я считаю твое замужество необходимымъ, и что у меня, какъ увѣряетъ Воейковъ, только и вертится въ головѣ какъ бы поскорѣе тебя выдать замужъ. Неужели ты позволишь ему переводить мои къ тебѣ чувства. Переводчикъ долженъ понимать языкъ съ котораго переводить. А онъ моего не понимаетъ. Надобно имѣть низкую душу, что бы прійти къ тебѣ и сказать со смѣхомъ, въ ту минуту, когда ты грустна, то что онъ сказалъ; это значитъ всемъ ругаться! Я въ своей довѣренности на счетъ Красовскаго не раскаивался! Она меня не унижаетъ. Я сказалъ бы и маменькѣ тоже что ему; я показалъ же маменькѣ послѣднее письмо Плещеева, въ которомъ онъ говоритъ и о тебѣ и говоритъ *моимъ* языкомъ. Это значитъ, что я ничего не хотѣлъ имѣть отъ нее скрытнаго. А онъ, *своимъ* образомъ изъясняетъ мои чувства — хочетъ показать тебѣ холодность и забвеніе тамъ, гдѣ совершенная къ тебѣ привязанность. Тебя не виню что ты огорчилась, я бы еще болѣе на твоемъ мѣстѣ огорчился. По крайней мѣрѣ теперь пойми мое чувство и отдай ему справедливость. Единственная вѣра какой отъ тебя требую къ моему сердцу есть та, что бы знать, что во всякую минуту жизни я дорожу тобою болѣе нежели собою.

Наше вмѣстѣ, съ тою прекрасною цѣлію, какую себѣ я предполагалъ, и какую ты непременно должна бы предположить себѣ согласно со мною, не можетъ существовать безъ довѣренности. Ее къ намъ не имѣютъ — и такъ *разстаться*. Разлука все мое мнѣ возвращаетъ. Я все отдавалъ что мнѣ дорого, отдавалъ искренно, и ты бы сдѣлала тоже. Письмо мое у маменьки. Она знаетъ что могла бы изъ меня и для меня сдѣлать. Въ этомъ же письмѣ я говорю что могу быть братомъ только вмѣстѣ съ нею, что розно она не имѣетъ ни какого права на мое сердце и на тѣ чувства какія въ немъ; что я жертвую ей ими не по тому, чтобы считалъ ихъ незаконными, а потому что пожертвованіе считаю необходимымъ для общаго счастія. И такъ я передъ нею правъ — правъ не одними поступками но и самыми скрытыми чувствами.

Разлука даетъ намъ многое — она возвращаетъ намъ свободу любить другъ друга, вѣрить другъ другу, быть въ мысляхъ другъ съ другомъ, какъ были прежде. Все прежнее заглажено нашимъ искреннимъ намереніемъ, которое мы исполнили бы, если бы намъ дали и помогли его исполнить. Разлука, возвращая насъ другъ другу, избавляетъ насъ отъ опасности нарушить свою обязанность. Все будущее — другъ для друга и для добра. Теперь ты въ своей горницѣ не будешь одинокою — твой вѣрный товарищъ будетъ съ тобою; а мой никогда меня не покинетъ. Теперь я не буду бояться своего чувства и сберегу его. Опять по прежнему оно будетъ источникомъ всего во мнѣ лучшаго. Обо мнѣ не безпокойся. У меня есть одно правило, котораго теперь не отдамъ за миллионъ. *Все въ жизни къ великому средство*. Это правило можно примѣнить не только ко всей жизни, но и ко всякой минутѣ, ко всякому обстоятельству жизни. Я уже обязанъ ему многими хорошими минутами и съ нимъ ни гдѣ и ни когда пропасть не можно. Нужды терпѣть не буду — я одинъ! Вспомни объ Эверсѣ и подумай что нужды для хорошаго человѣка на свѣтѣ нѣтъ; что всякой доброй богатъ и лучше живетъ всякаго Креза. Не воображай меня несчастливимъ. — Я увѣренъ, что уѣду отъ сюда безъ большой грусти! Я своимъ отъѣздомъ спасаю то что такъ

трудно было мнѣ потерять! Я вѣрю твоему сердцу, я имѣю друзей, у меня есть воспоминанія, прекрасная цѣль — я буду жить для тебя. Ты же будь болѣе съ собою — съ своимъ Фенелономъ; я желалъ бы что бы ты писала для себя свои мысли и опыта и чувства; знаешь ли какъ это утѣшительно! И именно тогда утѣшительно, когда надобно излить кому нибудь сердце и нельзя. Пусть этотъ *кто нибудь* будетъ бумага — думать и выражать мысли есть счастье.

Но я не желалъ бы, что бы ты имѣла какія нибудь тайны съ другими — что бы не было третьяго между тобою и Маменькою. Ты должна теперь сберечь себя отъ всѣхъ упрековъ. Главное намъ и всѣмъ извѣстно. Никто посторонній ничего къ этому не прибавить и не убавить. Естьли А. Ив. здѣсь будетъ, то чтобы между ею и тобою не было ничего особеннаго; ничего такого чему бы Маменька не могла быть свидѣтельницею. Тоже и съ другими. Словомъ сбереги себя во всей чистотѣ — что бы никто не имѣлъ права и по наружности обвинить тебя. Все съ собою и съ своею бумагою. Я то же буду дѣлать. Я буду къ нимъ писать — но изъясненія между нами не будетъ. Къ чему оно послужить? Естьли останусь въ Петербургѣ, то это сдѣлается само собою и они просто узнають, что я остался. Когда обживусь тамъ, то напишу весь свой порядокъ, что бы ты знала, какъ и что я дѣлаю.

14 Апрѣля. Черта Воейкова. Послѣ того, что я написалъ ему въ его альбомѣ — онъ пишетъ въ моемъ: *по шерсти гладить лъстець, другъ гладить противъ шерсти.* Что это значить? Хочетъ ли онъ сказать черезъ это, что онъ мнѣ часто правду говорилъ, меня останавливалъ, остерегалъ и что я сердился! А послѣ того что я написалъ ему въ альбомѣ, не должно ли это значить, что я наконецъ, убѣжденный жестокою правдою, имъ мнѣ сказанною, одумался, рѣшился итти прямымъ путемъ и теперь долженъ знать, что онъ мнѣ другъ. Простое самое истолкованіе этому есть то что стихи его написаны для другихъ, что бы другихъ заставить думать, не говоря этаго имъ ясно, что я

перемѣнилъ образъ мыслей благодаря ему, что онъ всему причиною. Черта прекрасная. Но отъ этой чести надобно себя избавить. Надобно безъ всякихъ излишнихъ объясненій, сказать ему при другихъ, что я отъ него никогда черствой правды не слыхалъ и что онъ никогда меня *противъ шерсти* не гладилъ. Этотъ человѣкъ не имѣетъ ни одной *истинной* добродѣтели, а все хочетъ *казаться*; вездѣ играть видное лицо. Боюсь быть несправедливымъ; но мнѣ такъ *кажется*. Здѣсь всѣ документы въ его пользу. То что я написалъ ему въ альбомѣ есть нѣкоторымъ образомъ признаніе, что я готовъ былъ пасть, что благодаря ему не упалъ, и что надеюсь не упасть есть ли онъ подастъ мнѣ руку — все же это надписано: *хорошій плодъ добраго разговора*. А я написалъ это тогда когда въ самомъ дѣлѣ сердце тронута было искренностію — по крайней мѣрѣ моею искренностію. Потому то и надписалъ я *плодъ добраго разговора*. Содержаніе же написаннаго есть точно моя мысль и совершенно моя, совсемъ не отъ этаго разговора родившаяся — нѣкоторыя вещи, о которыхъ Воейковъ говорилъ мнѣ представились живо, и поразили меня и мнѣ понравилась рѣшимость, съ какою онъ объ нихъ говорилъ; но они поразили меня живо именно потому, что онъ говорилъ объ нихъ въ первый разъ и уже поздно, то есть тогда, когда уже съ моей стороны все и безъ него было сдѣлано. А тогда, когда бы нужно было говорить, тогда было говорено совсемъ не то и дружба не гладила меня противъ шерсти. Въ моемъ же характерѣ нѣтъ чтобы я оскорблялся правдою — я противъ нее безсловесенъ! Въ первую минуту можетъ она и огорчить и показаться досадною, но во вторую я бываю ей всегда радъ и покоренъ.

19-20 Апрѣля. Мнѣ не должно оставаться въ Дертѣ — это будетъ и моею и Машиною погибелью. Подаль отъ нихъ — въ этомъ словѣ и свобода и добродѣтель. Милая Маша, рѣшившись всемъ пожертвовать, я думалъ, что сдѣлаюсь точно твоимъ братомъ — счастливить тебя, быть съ тобою искреннимъ, дѣлиться съ тобой мыслями и чувствами было бы для меня большимъ вознагражденіемъ! Я привыкъ

бы къ этому новому положенію, разумѣется, не вдругъ, а мало по малу. Я чувствую что для меня современемъ было бы возможно всё свои надежды передать тебѣ и для себя оставить одну только радостную мысль, что я способствовалъ къ твоему счастью. Дѣлая свое пожертвованіе, я думалъ что поступаю, согласно съ тобою, что и тебѣ такъ же какъ и мнѣ, легко будетъ на него рѣшиться; въ этомъ увѣрилъ меня и первый твой отвѣтъ на мое письмо, и то что ты написала на мое письмо къ маменькѣ. Думая, что ты согласна на все, что ты желаешь и прежде этаго желала, мнѣ легче было забыть о себѣ совершенно — теперь вижу что тебѣ это такъ же трудно, какъ и мнѣ! Это удваиваетъ для меня собственную мою тягость. Если бы могли жить непринужденно другъ съ другомъ — я могъ бы надѣяться и на себя и на тебя. Возвратить спокойствіе твоему сердцу было бы дѣломъ дружбы: мы бы сдѣлали другъ друга счастливыми. Мы бы согласили свои мысли и чувства съ тою должностію, которую взяли на себя — словомъ мы бы были добродѣтельны *вмѣстѣ*. Но порознь это невозможно. Что ни дѣлай надъ собою, ничто не устоитъ противъ подозрѣнія. Меня угощаютъ пріятною наружностію — а въ сердцѣ, изъ котораго, какъ изъ бездны, ничто не выходитъ наружу, все старое. Это *старое* невольно обнаруживается въ нѣкоторыхъ словахъ, къ которымъ привязаться нельзя, но которыя показываютъ ясно все то что служитъ имъ основаніемъ. Хотятъ стъ меня братскихъ чувствъ, а ихъ ко мнѣ не имѣютъ — какъ же я могу имѣть, принужденъ будучи еще побѣдить такое чувство, которое такъ долго было имъ противно, которое мнѣ дорого, котораго не считаю и никогда не сочту преступнымъ. Мнѣ говорятъ что хотятъ и считаютъ нужнымъ дѣлать мнѣ напоминаніе, то есть держать надъ моею головою розгу, что бы я какъ нибудь не забылся — самое вѣрное средство заставить меня не забыться а все свободно нарушить. Противъ любви и довѣренности я не сдѣлаю шагу — Унизительное подозрѣніе я самъ готовъ буду растоптать. Между тѣмъ Воейковъ изъ сообщника сдѣлался шпиономъ — онъ за нами присматриваетъ; что услышитъ отъ меня искренняго, то пересказываетъ, чтобъ тамъ пока-

зять, что онъ хранитель семейнаго спокойствія! Но пересказываетъ не при мнѣ, а на единѣ и это видно только по тому дѣйствию которое имѣеть оно на обращеніе со мною. Два дня я братъ, а десять дней я врагъ. Когда Воейкову угодно шутить со мною своимъ дурацкимъ образомъ то сердятся что я отвѣчаю ему въ его тонѣ, ему говорятъ при мнѣ за чѣмъ онъ подвергаетъ себя моимъ отвѣтамъ. Когда же скажу ему просто чтобы онъ пересталъ говорить глупости, которыя скучны и не пріятны, то меня же обвиняютъ въ капризѣ, потому что все это пересказано наединѣ и своимъ образомъ. Однимъ словомъ тѣма мѣлочей, которымъ нѣтъ имени, которыя для нихъ незамѣтны, но всѣ вмѣстѣ или одна за другою дѣйствуютъ сильно и разрушаютъ всякую силу и бодрость. Нечувствительно дойдетъ до того, что наша рѣшимость пропадетъ, что мы сами себѣ измѣнимъ — причины будутъ существовать, но кто ихъ замѣтитъ! Вина будетъ явная, основанная на документахъ: слово дано а по словамъ Воейкова Е. А. все со своей стороны сдѣлала, что она довела до вины, того не будетъ видно. Опять насъ во всемъ осудятъ, опять мнѣ Воейковъ, съ своимъ обыкновеннымъ безстыдствомъ скажетъ что я *обманулъ* — чтожь буду отвѣчать! Эти люди такъ же строги и такъ же слѣпы и такъ же не чувствительны какъ законъ уголовной, который осуждаетъ по документамъ, и не входитъ въ разборъ тайныхъ и самыхъ сильныхъ причинъ. Они же судьи въ своемъ дѣлѣ — чтобы оправдать, надобно обвинить себя. Для этаго не имѣютъ они нужныхъ качествъ. При такомъ унижительномъ принужденіи, можно ли отвѣчать за себя! А естели еще принужденъ будешь самъ себя признать виноватымъ, что останется въ утѣшеніе! Изъ вѣн тяжелья обстоятельства; а въ самомъ себѣ мрачное чувство! Однимъ словомъ погибель всего, что есть теперь наше счастье! Нѣтъ милая Маша, наконецъ воспользуемся многократнымъ опытомъ и будемъ недовѣрчивы къ оболъщенію минуты! Скажемъ себѣ рѣшительно что отъ нихъ ожидать ничего невозможно и предупредимъ обвиненіе собственнаго сердца. Ты говоришь мнѣ: называй чаще ее сестрою! Милая ты написала это неподумавши. Ты даешь мнѣ роль Воейкова. Я могу

сказать святое слово сестра не иначе какъ съ тѣмъ только чувствомъ, которое съ нимъ неразлучно. Употреблять это имя, какъ одно только средство, такъ какъ нѣкогда Воейковъ употреблялъ Религія, какъ средство получить то что мнѣ нужно — я не могу, естъли бы и хотѣлъ. Сказать твоей матери сестра, есть для меня чувствовать, что я имѣю все счастье брата, что она мнѣ вѣрить, что она мнѣ ввѣряетъ и тебя, что я имѣю съ тобою все счастье друга и брата. — Естъли здѣсь что нибудь на это похожее? все напротивъ! Какъ же называть ее сестрою? Это было бы святотатство! Естъли же ей нужны одни слова, то мнѣ ими довольствоваться невозможно. На одной изъ страницъ Делилевыхъ садовъ, исписанныхъ замѣчаніями Воейкова стоитъ: *16 Марта. Пріѣздъ Жуковскаго въ Дерптъ*; на другой: *отъ 10 десятаго февраля до двадцатаго марта былъ совершенно счастливъ Воейковъ* за этимъ слѣдуютъ подписи Маменькина и я Сашина и *Саша* и твоя и *Марія*. Я выставилъ карандашемъ свое *NB*. Эти двѣ надписи служатъ новымъ доказательствомъ, что здѣсь все одни слова, все одна наружность. Будь только *видъ* до дѣла нужды нѣтъ. Сердце у меня стѣснилось, когда я все это прочиталъ. Воейковъ подписалъ свое имя съ искреннимъ чувствомъ. Надобно только понять это истинное счастье, что бы повѣрить, что онъ не лгалъ и что бы ему не позавидовать. Для своихъ физическихъ нуждъ онъ все имѣетъ; а сердце его нужды не знаетъ — слѣдов. у него есть все. На лекціяхъ были Генералы; ихъ же никто не понимаетъ и всѣ вѣрятъ, что онѣ хороши; и прочее и прочее. Маменька увидя подпись ей повѣрила и какъ же не повѣрить, когда стоитъ на бумагѣ *совершенно счастливъ*. Это трогаетъ душу; *Саша* вѣрно подумала о тебѣ, вѣрно въ душѣ у ней было такое чувство которое не совсемъ согласно было съ тѣмъ, что пишетъ рука, но какъ же было не написать, своимъ же собственнымъ положеніемъ она довольна! У ней есть душа прекрасная, которою она все украшаетъ. Но я увѣренъ, что ей было нѣсколько и грустно. Но ты Маша, съ какимъ чувствомъ это написала! У тебя все взято и ты же должна говорить я счастлива совершенно, и тѣ, отъ которыхъ зависитъ твоя судьба, этимъ довольствуются,

этому вѣрютъ и радуются твоимъ счастьемъ, въ которомъ не можетъ и не должно уже быть недостатка, потому что ты написала: я счастлива совершенно! Вотъ семья, составленная изъ четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ каждому все извѣстно (или по крайней мѣрѣ должно быть извѣстно) что происходитъ въ душѣ у другаго, и которыя играютъ другъ передъ другомъ комедію, одни противъ воли, а другіе потому, что инаго и дѣлать не умѣютъ и между тѣмъ еще сами себя хотятъ увѣрить, что это не комедія, а что то всамомъ дѣлѣ. И такимъ это будетъ вѣчно. Что въ такомъ кругу притворчивомъ сдѣлаетъ простодушіе! Оно вѣчно потеряетъ, вѣчно будетъ имѣть наружность несправедливости. Имъ будутъ пользоваться, чтобы надъ нимъ же торжествовать. Всѣ эти записки разметанныя по книгамъ, которыя всякой нечаянно видятъ и прочитать можетъ, имѣютъ чтото весьма подозрительное. Хочется другимъ открыть свое чувство и между тѣмъ остаться въ сторонѣ, чтобы возбудить большую къ нему довѣренность. — Помнишь ли что написано было на Геснерѣ и къ чему я подписалъ карандашемъ: *все притворство!* Тамъ стояло: *несчастіе и опытъ Авдотьи Николаевны* ⁽¹⁾ *будутъ счастьемъ и опытомъ для Саши; послѣ матушки, она ей лучшій менторъ нежели я и Маши.* Тогда это меня поразило не потому чтобы я зналъ уже всю связь его съ Авд. Ник. но потому что я зналъ его образъ мыслей на счетъ Маменьки. Если бы это написано было для себя одного, то онъ не поставилъ бы *послѣ Матушки*, о которой онъ поговаривалъ не съ большимъ уваженіемъ — и такъ это было написано для того, что бы матушка прочитала и для того, что бы и она согласилась что А. Ник. есть обреченный для Саши менторъ. Но что же сказать теперь, когда мы знаемъ что такое Авд. Никол., когда знаемъ ихъ бывшую связь, и когда видѣли, съ какимъ презрѣніемъ этотъ *прежній ангель, этотъ необходимый менторъ* забыть. Что сказать о его сердцѣ, когда онъ такъ равнодушенъ къ той, которую обожалъ до женитьбы. Это незначить, что надобно бы было сохранить связь. Но спрашиваю въ чемъ состояла эта

(1) Е. Н. Арбенева.

связь. Кто былъ ангеломъ въ одно время тотъ будетъ ли чортомъ въ другое. Теперешнее презрѣніе служить ужаснымъ обвиненіемъ прежнему обожанію. Но дѣло не о томъ. Эти записки не иное что какъ обманъ и самой тонкой. Обманъ во всемъ смыслѣ этого слова, то есть *притворство съ цѣлю, для чего нибудь*. Тогда это было написано для того, что онъ имѣлъ намереніе переселить ее къ намъ въ домъ. И сколько мѣлкихъ обстоятельствъ, обнаруживающихъ характеръ, приходятъ мнѣ теперь на память. Помнишь ли, какъ онъ описывалъ ту радость, съ какою приняла А. Н. его извѣстіе о помолвкѣ, и какъ все въ Рязани дивились этой радости, которая есть самое сильное доказательство что слухи ложные. Можно ли говорить такія вещи свободно? съ видомъ искренности? А когда я сказалъ ему, что Мерзляковъ говорилъ мнѣ о его связи съ Ав. Ник., что онъ отвѣчалъ? *Мерзляковъ подлецъ и клеветникъ и пьяница!* Тоже, что теперь писалъ въ письмѣ къ Каченовскому и чѣмъ радовалась такъ маменька! Что бы поддержать свою ложь, онъ клеветалъ на своего самаго короткаго друга, именно въ ту минуту, когда называлъ его *клеветникомъ*. Имѣеть ли надъ сердцемъ его какую нибудь власть голосъ совести! Въ этомъ отвѣтѣ для меня двѣ ужасныя вещи: рѣшительное, холодное притворство и желаніе только *казаться* не заботясь о томъ чтобъ *быть* и другое: готовность пожертвовать всемъ святымъ для достиженія своей цѣли. Тогда я имѣлъ безумство повѣрить. Но теперь когда прочиталъ то же самое въ письмѣ къ Каченовскому, сердце поворотилось. И на это письмо сдѣлать можно много замѣчаній. Но оставимъ грязь и возвратимся къ прекрасному. Милая Маша, скажемъ рѣшительно другъ другу, что наше прекрасное въ разлукѣ — намъ не дадутъ быть добродѣтельными и мы даромъ отдадимъ все свое лучшее. Въ словѣ разлука — и свобода и добродѣтель и все намъ возможное счастье. Что выигрываемъ мы, живучи вмѣстѣ, только то что дѣлаетъ жестокою разлуку. Неужели значить быть *вмѣстѣ* видѣть другъ друга и не имѣть способа сказать другъ другу искренняго слова; значить ли быть *вмѣстѣ* страдать, не облегчая другъ другу страданія? Значить ли быть *вмѣстѣ* затруднять другъ для друга испол-

неніе обязанностей? Значить ли быть вмѣстѣ напоминать только другъ другу своимъ присутствіемъ, что мы во всемъ разлучены и что для насъ ничего общаго никогда не будетъ! Милая не бойся этого слова разлука! Оно благодѣтельное теперь для насъ слово! Оно мнѣ по крайней мѣрѣ все *мое* возвращаетъ! Спрячемся въ глубину своего сердца, тамъ наше *все* — спокойствіе, вѣрная дружба, свобода чувствовать, желаніе прекраснаго, твердость въ достиженіи къ нему, энтузіазмъ, довѣренность другъ къ другу и къ самимъ себѣ. *Вмѣстѣ* мы не воспользуемся никакимъ средствомъ къ прекрасному — у насъ оторвутъ руки, если мы ихъ къ нему протянемъ. *Розно* — мы свободны и жизнь совершенно наша. Надобно только перемѣнить объ ней понятія. Я когда то написалъ: *счастье не состоитъ изъ удовольствій простыхъ, но изъ удовольствій съ воспоминаніями* и эти удовольствія сравнилъ я съ фонарями зажженными ночью на улицѣ; между ими есть промежутки, но эти промежутки освѣщенные и вся улица *свѣтла*, хотя не вся составлена изъ свѣта. Такъ и счастье жизни. Удовольствіе фонарь зажженный на дорогѣ жизни, воспоминаніе свѣтъ, а счастье рядъ этихъ прекрасныхъ воспоминаній, которыя всю жизнь озаряютъ. Вотъ тебѣ изтолкованіе Дуняшиной печати (1). Надежда пустое слово. Оно прекрасно только для неопытности, которой жизнь неизвѣстна. Тогда вся прелесть этого слова заключена въ его непостижимости. Но что же надежда — безпокойное, иногда сладостное ожиданіе чего то въ будущемъ. Такое ожиданіе болѣе вредно, нежели полезно. Оно уничтожаетъ настоящее. Если оно весело, то дѣлаетъ къ нему равнодушнымъ; если ли печально, то отравляетъ его. Позабудемъ о будущемъ, что бы жить такъ какъ должно. Милой другъ пользуйся беззаботно настоящею минутою ибо одна только она есть средство къ прекрасному! Зажигай свой фонарь, не заботясь о тѣхъ которые дасть провиденіе зажечь послѣ; въ свое время ты огмянешься и за тобою будетъ прекрасная, свѣтлая дорога! Между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни помѣстимъ не надежду

(1) А. П. Елагиной-Кирѣевской?

а провиденіе. Переходя отъ одной хорошей минуты къ другой, нечувствительно дойдемъ до этаго предѣла, за которымъ вѣрное, прекрасное будущее! Объ немъ думать можно безъ волненія — оно не мѣшаетъ жизни! Но здѣшнее будущее есть настоящій врагъ всего прекраснаго! Что въ немъ? Приходить ли оно когда нибудь такимъ, какимъ мы себѣ его воображаемъ! На что же ему вѣрить и объ немъ заботиться! А прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ! Il ne faut pas s'avancer dans la vie, en détournant la tête, comme nous écrit Annette (1). Надобно сдѣлать изъ прошедшаго своего товарища. Для сердца прошедшее вѣчно, а наше съ тобою прошедшее есть самый необходимый другъ нашъ! Съ нимъ только будетъ для насъ и настоящее прелестно. Увѣряю тебя, что у меня теперь на душѣ такъ ясно, какъ никогда не бывало. Мнѣ вездѣ будетъ хорошо и въ Петербургѣ и въ Сибири и въ тюрьмѣ, только не здѣсь, гдѣ не дадутъ мнѣ ни чего добраго исполнить, и гдѣ я только разрушу твое спокойствіе. Безумство воображать, что человѣкъ зависитъ отъ мѣста. Петербургъ полонъ людьми которые меня знаютъ, и тамъ есть вѣрно Эверсы; а Тургеневъ по своему сердцу мой вѣрной товарищъ! Нѣтъ другъ милой, я буду работать съ энтузіазмомъ — во всякую минуту жизни можно быть *человѣкомъ*; Здѣсь только эти минуты, которыя можно употребить на добро, будутъ посвѣщены только на то, какъ бы предостеречь себя отъ зла! И что же естли и то не удастся!.. Впрочемъ естли Петербургская жизнь не будетъ мнѣ сносна — есть Долбино и Мишенское! Ты хотѣла мнѣ закричать вслѣдъ: *попзжай въ Долбино!* Можетъ быть и послушаюсь. Гдѣ бы я ни былъ вездѣ у меня будетъ хорошее настоящее и свобода имъ воспользоваться; прошедшаго ни кто у меня не отыметъ — а будущаго не надобно. Одно только условіе! Не дай собою пожертвовать! Что бы твой другъ, твой братъ не могъ ни когда упрекнуть тебя, что ты добровольно изтребила все его счастье! Напротивъ естли будешь счастлива какимъ бы то ни было образомъ, то это будетъ мнѣ же наградою! Насъ не разлучить ничто! Быть счастливою

(1) А. П. Юшкова-Зонтагъ.

для тебя значить пользоваться тѣмъ, чего ты достойна и быть его достойною. Развѣ это можетъ разорвать твой союзъ со мною.

22 Апрелья. Что значить для меня *стараться выдать тебя за мужа*, какъ я это обѣщаль, и обѣщаль искренно? Получить полное право располагать на равнѣ съ твоею Матерью твоею судьбою и дать тебѣ съ другимъ такое же счастье какое желалъ бы дать съ собою! Знаешь ли что эта мысль нѣсколько времени меня радовала! Я думаль, что я найду человѣка, тебя достойнаго; что я помогу тебѣ возвратить покой душевный, что ты и этимъ счастьемъ будешь обязана мнѣ же. Я могъ бы смотрѣть безъ ревности и безъ зависти на человѣка, котораго самъ бы для тебя нашель, и увѣреніе, что все сдѣлано мною для тебя было бы и подпорою моею и наградою! Я же былъ увѣренъ, что ты съ своей стороны готова быть со мною согласна и что стоило бы намъ быть искренними, откровенными другъ съ другомъ что бы все привести въ порядокъ. Помнишь ли одно выраженіе твое: *marîée ou non marîée, je conserverai toujours le même sentiment*. Признаюсь съ начала, когда я это прочиталь, у меня сердце невольнo стѣснилось; какъ! ей самой уже кажется *возможнымъ* замужество! Но послѣ это же дало мнѣ большую твердость! Такъ и должно (подумаль я) легче будетъ все исполнить. Но теперь кажется мнѣ что ничего нельзя исполнить! Ибо что для нихъ значить *обѣщаніе мое помочь выдать тебя за мужа!* Не иное что, какъ обѣщаніе быть нѣмымъ свидѣтелемъ, когда захотятъ тебя бросить въ руки первому, который представится съ какими нибудь выгодами или даже и безъ выгодъ. Совѣтывать и противорѣчить мнѣ будетъ нельзя! Мое противорѣчіе и совѣтъ истолкуютъ иначе и заставляютъ меня молчать напомнивъ мнѣ мое обѣщаніе! Я буду рабомъ и въ тоже время самъ принужденъ буду смотрѣть какъ бездушной Воейковъ, безъ всякаго къ тебѣ участія, будетъ продавать твое счастье! Вѣдь надежда, данная Красовскому, не естли торгъ? И такъ въ этомъ моемъ обѣщаніи, которое имѣетъ для меня такой прекрасной смыслъ, есть не иное что какъ жестокая для

меня неволя; то что я считалъ средствомъ *предохранить тебя* непослужить мнѣ ни къ чему и я буду только запутанъ въ цѣпи. Съ именемъ брата я думалъ получить одинакія права съ Воейковымъ — напротивъ и теперь я въ зависимости отъ него же. И онъ же выставляетъ себя всегда впередъ. Онъ хочетъ увѣрить что я все сдѣлалъ по его совѣтамъ; во все вмѣшивается, но не такъ какъ другъ, а какъ человѣкъ, которому хочется играть первое лицо. Если бы у него была душа и искренность, какъ бы ему теперь было все сдѣлать прекраснымъ, не хвастать этимъ, а дѣйствуя для общаго счастья, изъ одной дружбы. Напротивъ онъ увѣряетъ маменьку что *она все сдѣлала*, что мнѣ остается еще и это заслуживать; что я говорю съ нимъ на единѣ пересказываетъ ей; шпионствуетъ и тому подобное. На его совѣты ѣхать къ Дуняшѣ я отвѣчалъ грубо; признаюсь мнѣ не хотѣлось дать ему права сказать, какъ всегда, что я поступалъ сдѣсь по его совѣтамъ! Начто давать поводъ къ новымъ стихамъ въ альбомъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: *ты сердисься когда я говорю, сердисься когда я шучу, сердисься когда молчу*. Говори, когда нужно, и отъ сердца, тогда я и сердиться небуду. Однимъ словомъ противъ этихъ людей правымъ быть невозможно. Я спрашиваю, Маша, довольна ли ты нашимъ положеніемъ? и можешь ли ожидать въ немъ переменъ! Лучшаго ждать нельзя, а то, что есть, куда годится? Впрочемъ, можетъ быть ты смотришь на это другими глазами!

Не желать ничего страстно? Этого нельзя себѣ сказать заблаговременно — надобно испытать жизнь чтобы наконецъ это подумать, а подумавъ исполнить! Я ничего не желаю страстно — я имѣю довѣренность къ промыслу, соединенную съ терпѣніемъ. Желать страстно значитъ вмѣшиваться въ его правленіе! Стоить — вотъ дѣло чловѣка.

Il faut mettre, à la place de l'espérance qui trompe presque toujours, la providence qui ne trompe jamais — alors tout devient conséquent dans la vie! on sait d'avance le mot de l'énigme! Il n'est autre chose, que: *mériter*.

Нарва, 2 мая.

Около меня шумъ и крикъ. Въ ближней комнатѣ поютъ и врутъ. На небѣ пасмурно; да и въ головѣ и въ сердцѣ не яснѣе. Настоящее огорченіе всегда тяжелѣе прошедшаго, хотя бы само по себѣ оно и было менѣе. Теперь грустно отъ того, что мы розно, отъ того что нельзя уже себя поддерживать надеждою на свиданіе, которая преждѣ и тайно и явно во все вмѣшивалась. За нѣсколько времени грусть разлуки казалась легче, нежели грусть отъ того что мы вмѣстѣ и розно; причиною этому было то что разлука была еще вдали, а то тяжкое чувство было въ сердцѣ. Какъ быть съ собою? Какъ приучить себя находить и чувствомъ хорошее или лучшее въ томъ, въ чемъ находить его разсудокъ. Я знаю что намъ быть розно лучше нежели вмѣстѣ, за нѣсколько времени я это даже и чувствовалъ. Теперь унылость. Надобно быть твердымъ. Помнить, что *быть вмѣстѣ*: значить быть невольникомъ во всѣхъ чувствахъ, быть невольникомъ Воейкова; быть униженнымъ; быть лишеннымъ своей любви; неимѣть способа сдѣлать ничего добраго; быть по наружности виноватымъ и быть подверженнымъ опасности сдѣлаться виноватымъ въ самомъ дѣлѣ; что *быть вмѣстѣ* желать не должно, потому что ихъ характеры никогда не перемѣнятся; что *надежда и будущее* пустыя слова, что я могу пользоваться настоящимъ... запись добраго; всякую минуту особенно дѣлать доброю — естли не поступкомъ, то мыслію; что мнѣ не нужно заботиться о ихъ мнѣніи — у меня есть мнѣніе лучшаго человѣка, то именно которое мнѣ дорожѣ, что я могу быть правъ въ собственныхъ глазахъ; что лучшіе люди на моей сторонѣ...

3-7 Мая. Приѣхалъ въ Петербургъ въ 12 часовъ ночи. Тургенева нѣтъ дома. Сидѣлъ долго до утра передъ озеромъ, смотря на Мих. Замокъ, который какъ черная тѣнь возвышался надъ Фонтанкою, освѣщенной мѣсяцемъ. Съ Тургеневымъ проговорилъ до самага утра. — 4. Рано по утру послалъ за Блудовымъ. Онъ явился съ дружбою такою же какъ и прежде и съ критикою моихъ стиховъ

такую же какъ и прежде. Обѣдалъ у него. Жена его милая женщина; даже и лицомъ пріятная; на этомъ лицѣ написанъ тихой и нѣжный характеръ съ умомъ тонкимъ. Мнѣ нравится ея простота. Она милѣе и даже пріятнѣе своей сестры, которая по своей молодости имѣла бы право на преимущество quant à l'extérieur.

Въ письмѣ отъ Саши къ Кавелину стоитъ: выходя за мужъ я ничего не знала о связи добраго Воейкова съ этой ужасною женщиною, которая не имѣетъ ничего святаго и которая завела его удивительнымъ притворствомъ, фалшивою искренностію и романическою страстію. Добраго, умной и простодушной мой Воейковъ считалъ себя любимымъ выше всего и что всею для него жертвовала.

« Воейковъ признался что связь была разорвана, что « и въ самомъ дѣлѣ такъ было точно, потому что онъ « желалъ мѣста въ Дерптѣ, точно для того, что бы быть « отъ нее далеко. Но думая положить совершенную пре- « граду своею женитьбою и по простодушію своему онъ « надѣялся, что естли бы и съ нею будетъ жить вмѣстѣ, « то она исправится и возвратится на путь добродѣтели».

27 *Іюня*. Чтобы не быть виноватымъ, надобно все объяснить въ собственныхъ своихъ глазахъ. Передъ ними оправдываться не нужно — никому не повѣрятъ, да и не должно чтобъ вѣрили; для Сашина спокойствія я не долженъ что бы она имѣла о мужѣ своемъ то мнѣніе которое я имѣю; Маша и безъ моихъ объясненій его имѣетъ; Е. Аф. не захочетъ оправдать меня на его счетъ. Но это объясненіе нужно мнѣ собственно для меня. Все можетъ выйти изъ памяти и я могу самому себѣ показаться виноватымъ. Вотъ отъ чего надобно себя избавить.

Приѣхавъ въ Дерптъ, я неимѣлъ ни какой надежды на спокойствіе, ожидалъ той же одинокой, печальной жизни, какую велъ въ Муратовѣ. Это ожиданіе меня не обмануло. Трудно себѣ представить положеніе тяжелѣ этаго. Надобно было уѣхать. Мнѣ представилось другое средство, лучшее, благороднѣйшее. Я рѣшился пожертвовать не только одною надеждою и желаніями, но и самымъ чувствомъ моимъ — рѣшился быть точно братомъ Машиной

матери. То что меня наиболѣе къ этому побудило была мысль что ея счастье будетъ столько же зависѣть отъ меня какъ и отъ Воейкова, который доказалъ уже, что можетъ имъ играть. Разстаться съ Машею и оставить ее на произволъ Воейкова было для меня всего жесточѣ. Чтобы себя съ нею совершенно сблизить надлежало всею пожертвовать, не для виду, а искренно. И я это сдѣлалъ. Съ этимъ пожертвованіемъ для меня все перемѣнилось — я увидѣлъ себя въ семьѣ, и даже Воейковъ (человѣкъ отъ котораго ни я ни что мое уже независѣло) сдѣлался въ моихъ глазахъ совсемъ другой, мнѣ было легко быть съ нимъ искреннимъ. —

Послѣ разговора съ нимъ (въ которомъ онъ мнѣ понравился тѣмъ болѣе, что говорилъ мнѣ *жесткія* вещи, повидимому ознаменованныя искренностію и дружбою) я написалъ ему слѣдующее въ альбомѣ:

Хорошій плодъ хорошаго разговора.

« Счастливъ тотъ, кому удастся пройти по землѣ, не споткнувшись на камень, кто, споткнувшись, воздержался отъ паденія! Но еще не совсемъ несчастливъ и тотъ, кто, упавши сохранилъ силу подняться и спѣшить ею воспользоваться, кто *во время* можетъ сказать себѣ: нѣтъ ничего лучше исполненія должности; кому еще осталось, если не столько жизни (ибо какъ полагаться на жизнь) по крайней мѣрѣ столько надежды на жизнь, чтобы это исполнить на дѣлѣ. Исполнить же это на дѣлѣ и если можно вмѣстѣ. Что бы ни сулили страсти, но годами своихъ наслажденій не дадутъ онѣ того, что дастъ одна минута добродѣтели. Какая бы ни была наша судьба — ее дастъ намъ провиденіе! Здѣсь мы ни въ чемъ не властны; но мы властны и должны быть или *достойны* своей судьбы, когда она счастлива, или ея *лучше*, когда она несчастна.

« Все въ жизни къ великому средство. 4 Апрѣля 1815 ».

Все это есть плодъ нашего разговора и въ этомъ разговорѣ Воейковъ твердилъ мнѣ что я обманулъ Е. Ава-

насевну, что я долженъ заслуживать довѣренность ея, что нѣкоторые мои поступки и моя переписка съ М. дѣлають меня виноватымъ въ собственныхъ моихъ глазахъ. Все это, съ одной стороны справедливое, меня поразило и я, уже рѣшившись всею пожертвовать, забылъ въ эту минуту все то, въ чемъ могъ обвинять самаго Воейкова, принялъ эти слова за голосъ дружбы, и только думалъ о томъ, какъ бы все поправить прошедшее, какъ бы все будущее было хорошо. И эти строки въ которыхъ можно найти собственное мое обвиненіе, написалъ отъ всего сердца. Между тѣмъ Е. А. имѣла уже мое письмо, въ которомъ я требовалъ чтобы она была моею сестрою такъ же точно, какъ я хотѣлъ быть ея братомъ. Что же? Черезъ день или два нахожу въ своемъ альбомѣ слѣдующіе Воейкова стихи, которые онъ съ торжествомъ читаетъ мнѣ при Е. Аван.:

У Геніевъ, какъ у Царей
Премножество льстецовъ подъ именемъ друзей
Но я увѣренъ въ томъ по чести,
Что человекъ съ умомъ
Найдетъ различіе межъ другомъ и льстецомъ --
Лъстецъ гладитъ по шерсти — другъ гладитъ противъ
шерсти!

Эти стихи должны были значить, что я все сдѣлалъ единственно съ совѣта Воейкова — что мое совершенное пожертвованіе собою было слѣдствіемъ того что онъ мнѣ говорилъ; что онъ меня усвѣстилъ. Онъ хвасталъ передъ ними то есть передъ Е. Аван. и то что сдѣлано мною должно было оборотиться ему въ достоинство. Воейковъ точно былъ единственною причиною моего пожертвованія, но совершенно въ противномъ смыслѣ. Я хотѣлъ получить имя отца Машина для того единственно что бы во мнѣ имѣла она прибѣжище противъ Воейкова, и была избавлена отъ Красовскихъ и имъ подобныхъ. Воейковъ почувствовалъ что это пожертвованіе давало мнѣ совершенную отъ него независимость, совершенное съ нимъ равенство и это ему было тяжело. Съ этимъ пожертвованіемъ онъ переставалъ быть для меня *подпорою и подателемъ всѣхъ*

благъ и надеждъ а для Е. Аѳ. хранителемъ всѣхъ бѣдъ ибо точно кого она могла бояться самъ готовъ былъ сдѣлаться во всемъ ея товарищемъ. Онъ и выставилъ себя *впередъ* въ такомъ дѣлѣ на которое не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія. Все это надобно разобрать подробнѣй.

Онъ говорилъ что я *обманулъ* Ек. Аѳ. Обманывать можно только съ какою нибудь цѣлію. *Такъ* я ни ее ни кого не обманывалъ. — Получивъ первое ея письмо, я обѣщалъ все кончить, съ тѣмъ чтобы въ семьѣ ея быть ея сыномъ и другомъ Маши. Тогда Маша ничего не знала. Написавъ что я не имѣлъ намѣренія обмануть, говоривъ отъ сердца, я пріѣхалъ — но мнѣ начали показывать большую недовѣрчивость; это усилило только во мнѣ чувство мое, сдѣлало его живымъ, наконецъ необходимымъ, а Машѣ открыло глаза безъ всякаго моего участія. И такъ *обманулъ* ли я — нѣтъ! Моя вина только въ томъ, что я не имѣлъ силъ уѣхать, а остался. Е. А. должна была или рѣшительно не позволить мнѣ остаться, или рѣшительно разрушить всякое со мною принужденіе и... моею полною довѣренностію, которая успокоила бы сердце — ни того, ни другаго не было! Была наружность *обмана* въ моихъ поступкахъ, а причина настоящая въ ея скрытности. Все остальное было естественнымъ слѣдствіемъ этой скрытности. То что Воейковъ называетъ обманомъ, есть не намѣреніе, а произвольное слѣдствіе моего положенія. Я никогда не имѣлъ дурныхъ намѣреній — однажды только сдѣлалъ М. предложеніе противное обязанности, но и къ этому поступку привела меня только мысль, *что она будетъ жертвою Воейкова*, котораго всѣ мерзости тогда сдѣлались мнѣ извѣстными. За то, какой отвѣтъ я получилъ отъ Маши и какъ былъ счастливъ, получивъ его. Въ описанномъ разговорѣ съ Воейковымъ представился мнѣ живо одинъ поступокъ а не причины его — и я обвинилъ одного себя совершенно. Но могу рѣшительно сказать, что *вся* моя вина въ *слабости*; Будь довѣренность, я бы не имѣлъ слабости. Но ее то ко мнѣ и не имѣли! Всего требовали отъ меня и все дѣлали съ своей стороны чтобъ меня обезсилить.

Другъ гладитъ противъ шерсти. Это выраженіе должно

означать, что Воейковъ часто былъ противнаго со мною мнѣнія; а выходить на повѣрку, что онъ всегда и во всемъ со мною соглашался; не былъ ни противъ моего мнѣнія, ни противъ мнѣнія Е. А.; а сказалъ въ слухъ что *гладилъ меня противъ шерсти*, только тогда, когда уже не было этаго нужно и когда увидѣлъ, что я выхожу изъ подъ его опеки. Но все это писать очень скучно. Ломать голову, что бы приводить въ порядокъ гнусныя вещи; замѣтимъ все просто безъ всякаго порядка только для памяти.

1. Пріѣздъ ко мнѣ въ деревню, съ самыми жаркими чувствами; принять какъ мой другъ; все я; стихи ко мнѣ или обо мнѣ. Такая дружба всѣхъ плѣнила и меня тутъ же.

2. Разговоръ со мною о Авд. Никол. Воей., въ которомъ не открывая ничего давалъ чувствовать, что хочетъ на ней жениться и ищетъ для этаго профессорства. Я по этому случаю и написалъ первое письмо къ Тургеневу.

3. Праздникъ въ день возвращенія моего изъ арміи у Плещеевыхъ. За виномъ вывѣдалъ у Плещеева о моихъ обстоятельствахъ. Прожектъ. Послѣ сказано было Е. Афан. что Плещеевъ обо всемъ болтаетъ и ему все высказалъ. Тутъ нехудо вспомнить, что Воейковъ съ большимъ негодованіемъ рассказывалъ обо всемъ Чайковскому. Да и въ Калугѣ во время нашего путешествія въ Москву весьма жестоко декламировалъ противъ меня и Маши, въ присутствіи постороннихъ. — Стихи къ Е. Аѳ.

4. Воейкову начинаютъ показывать желаніе имѣть его въ семьѣ. Я спрашиваю о Авд. Никол. Сказываю мнѣніе Мерзлякова. Получаю въ отвѣтъ что Мерзляковъ пьяница и клеветникъ. N. В. тотъ же отвѣтъ какой имъ сдѣланъ Каченовскому по случаю Дома Сумашедшихъ.

5. Отъѣздъ Воейкова въ Петербургъ. Здѣсь всѣхъ увѣряетъ что единственно для меня ищетъ Дерпта (Кавелина, Тургенева и Сѣверина всѣхъ кто ему нужны). Письмо съ стихами о безсмертіи и мой отвѣтъ на это.

6. Возвращеніе. Со мною жестокіе разговоры на счетъ Е. Афан. а у нее цѣлованіе рукъ и ногъ. Мнѣ даже предложеніе увезти М. — Поѣздка къ Арбеновой — о письмѣ И. Владиміровскаго. — Холодность изнанка прежняго.

7. Написанное на страницѣ Геснера и мое письмо. Мой отъѣздъ. Письма ко мнѣ. Обѣщаніе быть хранителемъ Машина спокойствія. Приѣздъ Митиньки.

8. Наше путешествіе въ Мценскъ и Ав. Николаевна.

9. Мое возвращеніе. Неизъяснимая способность быть добрымъ въ нѣкоторыя минуты и фальшивымъ во всѣ остальные.

10. Поѣздка въ Москву. — Въ Москвѣ совѣты прибѣгнуть къ императрицѣ, о которой было уже рассказано; совѣтъ на счетъ подарка мнѣ трубки. По полученіи отъ меня денегъ обѣщаніе что останутся для моихъ именинъ.

11. Красовскій нужный для блистательнаго начала лекцій. Отвѣтъ Машѣ когда она просила его ее избавить отъ неприятностей. Отвѣтъ мнѣ когда я въ этомъ упрекалъ и пересказъ Е. Афанасьевнѣ при Машѣ.

12. Шпіонство на мѣсто сообщничества.

13. Мнѣніе что я холоденъ и сердитъ только потому, что онъ не исполнилъ даннаго слова. Дружба — торгу.

14. Утѣшительное словцо Машѣ, видя что она грустна.

15. Записка на книгѣ: *совершенно счастливъ*.

16. Жалобы на меня за неотдачу экстрактовъ, похожія на тайное наушничество; а мнѣ въ глаза ласка.

17. Желаніе все своротить на другихъ, а притомъ видъ простоты.

18. Сашинъ отвѣтъ Кавелину, въ которомъ сказано, что профессорства желали для того, что бы себя избавить отъ Ав. Ник. обольстившей невинное сердце. Лицемерство и низость.

19. Разговоръ о родствѣ за столомъ у Полуехтова и пр. и пр. и пр.

20. Непостижимая грубость съ Машею. Машу упрекать въ обманѣ. Предательство и лицемерство.

21. Предложенія ночныя Софѣѣ наканунѣ родинъ жены; это немножко не согласно съ тѣмъ восхищеніемъ, съ какимъ наканунѣ были у всеночной.

22. Удивительное безстыдство въ отрицаніи въ глаза всего, что самъ говорилъ; и такое твердое, что даже мо-

жетъ заставить деликатнаго человѣка усумниться въ томъ, въ чемъ самъ увѣренъ.

23. Родины.

24. Исторія о Мойерѣ.

25. Поѣздка къ Мантейфелямъ.

»Добрый мой несравненно драгоценной мой Жуков-
« ский опять даетъ мнѣ надежду на искреннюю дружбу,
« опять вселяется въ мое сердце спокойство и увѣрен-
« ность на ангельскія связи на землѣ. Я всякой день
« молюсь Богу чтобъ онъ ему открылъ глаза и избавилъ
« бы его и возвратилъ бы ему спокойствіе въ которомъ все
« и мое заключается. Съ его умомъ съ его добрымъ серд-
« цемъ не мудрено себя побѣдить, есть ли захочетъ!»⁽¹⁾
— Еще нѣсколько усилій и найдешь способъ дѣлать изъ
своей судьбы лучшее употребленіе. *Не дѣлать ничего*
противнаго долгу и совести — это возможно. *Дѣлать то*
добро, къ которому способенъ. Занятія. Три предмета,
которыя обдумать. Для перваго вѣрное правило *внутрен-*
нее чувство есть ли только оно не ослѣплено страстію:
въ этомъ случаѣ все искусство состоитъ въ томъ чтобы
узнавать, что мишура страсти и что истинный свѣтъ
чувства. Для втораго *знаніе самаго себя.* Съ этимъ незна-
комымъ выходцемъ изъ луны не худо познакомиться. Для
занятія *постоянство и порядокъ.* При всемъ этомъ жизнь
нечувствительно кончится.

Дурной поступокъ для сердца неизпорченнаго навыкомъ
къ дурному дѣлаетъ яенѣе должность; онъ точно какъ
разрушенныя очарованія заставляющій молчать софиста
страсть и представляющій все въ настоящемъ, простомъ,
неукрашенномъ видѣ.

Здѣсь я неимѣю того, чего желаю, но вопросъ могу ли
имѣть? Можетъ ли Е. А. быть *такою*, какъ бы мнѣ хотѣ-
лось? Нѣтъ! Это значило бы требовать невозможнаго!
Должно ли обвинять за невозможное? Это будетъ неспра-
ведливо? И обвиненіе несправедливое только ей прибавитъ
лишнее горе къ тѣмъ горестямъ, которыя она имѣла и
имѣетъ. Гораздо благороднѣе жалѣть о тѣхъ обстоятель-

⁽¹⁾ Выдержка изъ письма Е. А. Протасовой къ Жуковскому.

ствахъ, которыя лишаютъ ее способа дать намъ счастье и необременять ея еще большею тягостью. Она искренно желаетъ моего счастья. Но мы розно въ образѣ чувствъ нашихъ. Желать ихъ согласить нельзя и столько посторонняго тому противится. Я долженъ бояться и собственной несправедливости и собственного характера. Всегда ли и во всемъ ли могу себя оправдать. Теперь кажется я сужу справедливо потому что сужу спокойно благодаря разрушителя очарованія. Чтобы всему положить конецъ надобно не только рѣшиться здѣсь не оставаться, но еще и не обвинять ее за то, что она не могла согласить своихъ чувствъ съ моими: въ этомъ виноваты обстоятельства. Слѣдовательно разстаться съ нею безъ всякаго дурнаго чувства; она такъ же стоитъ сожалѣнія какъ и я.

Рига, 1816, Іюнь.

Отъ чего не вижу я ясно того, что мнѣ дѣлать должно? Именно отъ того, что до сихъ поръ я жилъ совершенно противнымъ образомъ тому правилу, которое предлагаетъ Гете. Не было въ жизни того, что называетъ онъ Ernst; слѣдовательно не могло быть рѣшимости; то... связи. Этому причиною *воспитаніе* и обстоятельства, слишкомъ съ нимъ сходныя. Воспитаніе не развернуло понятія, не открыло цѣли, не родило дѣятельности. Обстоятельства помогли уничтожить дѣятельность, привычкою все къ одному чувству, которое сдѣлало ко всему невнимательнымъ. Вопросъ: можно ли теперь это поправить? Или оставаться въ той ничтожности, въ которой былъ до сего времени? Къ какой цѣли итти? и какіе способы. Цѣль *быть довольнымъ самимъ собою*: это общій результатъ? Но на чемъ основано это довольство. На уваженіе самаго себя: право уважать самаго себя даетъ только увѣренность, что исполнилъ то, къ чему обязываетъ имя человѣка. Имя человѣка — усовершенствованіе внутреннее и исполненіе на дѣлѣ того что въ умѣ и сердцѣ. Ужасное положеніе *начинать* только готовиться въ то время въ которое надлежало бы *дѣйствовать*. Но неужели половина жизни, проведенной безъ дѣятельности, осуждаетъ и остальную

половину на недѣятельность, такую же ничтожную но болѣе мучительную ибо съ нею соединено *знаніе* сего ничтожества. Что же начать? Das sicherste bleibt immer: und das nächste zu thun was vor uns liegt. Но этаго мало. Ближайшее есть только шагъ въ передъ. Надобно знать свою дорогу и знать, что при концѣ дороги. Я въ тридцать лѣтъ ребенокъ, съ неиспорченностію, но зато и съ неопытностію и съ невѣжествомъ ребенка. Разница только та что это младенчество закоренѣлое. Должно ли оно оставаться младенчествомъ. Чтобы сдѣлать изъ себя *что нибудь* надобно поступать съ самимъ собою какъ умной воспитатель поступаетъ съ младенцемъ: онъ не обходится съ нимъ какъ со взрослымъ и ведетъ его постепенно къ зрѣлости. Мнѣ нужно прежде *приобрѣтеніе* (иначе то что буду дѣлать, будетъ несовершенно) и *приобрѣтеніе* для особенной цѣли. Особенная цѣль: *поэзія въ высокомъ смыслѣ, то есть соединенная съ нравственностію* такая чтобы могла имѣть вліяніе благотворное и усовершенств. собств. характера (приобр: ясныхъ мыслей о жизни, привычка исполнять ихъ на дѣлѣ).

Ревель. Іюля 7 [: безъ записей].

1817. Іюня 23. Нелединскій имѣетъ умъ необыкновенный. Характеръ его ума есть кажется *вѣрность*. Онъ выражаетъ мысль *вѣрную* ясно и коротко. Онъ говоритъ часто острыя слова — но острота его не въ выраженіяхъ необыкновенныхъ, не въ забавномъ, не въ новомъ — но въ *вѣрности*! Онъ всегда скажетъ въ попадѣ; онъ представитъ настоящее — смѣшное ли оно или нѣтъ — въ томъ видѣ въ какомъ оно есть и внятнымъ всякому языкомъ; вѣрность, ясность и краткость слитыя вмѣстѣ даютъ истинному разительную новость, а забавному разительную остроту. Когда начнешь разбирать сказанное имъ, тогда не найдешь ничего пустаго — нельзя отдѣлить выраженія отъ мысли; вѣрность мысли дѣлаетъ выраженіе пріятнымъ; приличіе выраженія мысли дѣлаетъ мысль разительно ясною. Этотъ умъ, который въ немъ находитъ то что нужно или то что истинно, является въ самыхъ мѣлочахъ. — Сидя у него по утру, я замѣтилъ что полъ его горницы усыпанъ

васильками. На что это, спросилъ я — »На то, что бы не водились тараканы«. — Развѣ ихъ здѣсь много? — »Множество! Одинъ очень долго жилъ у меня на столѣ, между бумагами: сперва онъ меня дичился, и уходилъ, какъ скоро я поворачивался или начиналъ разбираться въ бумагахъ. Послѣ онъ ко мнѣ привыкъ, выходилъ на свѣтъ какъ скоро я зажигалъ свѣчу, гулялъ очень безопасно по столу и обо мнѣ не заботился. Куда онъ дѣвался не знаю!« — И вы его не трогали? — На что же? въ этомъ не было пользы. Одного убить другой бы остался! и я бы не помогъ ни чему! другое дѣло объявить войну имъ всѣмъ вдругъ — въ этомъ есть цѣль и можетъ быть успѣхъ. Я это и дѣлаю — рассыпаю васильки по полу. — Онъ же написалъ въ своей книгѣ, подъ стихами въ честь Платону Зубову: «эти стихи написаны въ началѣ 1796 года, въ концѣ того же года я трусилъ, что написалъ ихъ; изъ этаго можно вывести слѣдующее правило: хвалить человѣка случайнаго есть тоже что бить лежачаго — и въ томъ и въ другомъ случаѣ себя унижаешь. — Говоря о худой... онъ сказалъ на ея плечахъ, кажется, можно разтереть яблоко...

Письма М. А. Протасовой къ В. А. Жуковскому.

I.

6 Декабря [1816.].

Письмо твое меня столько же удивило, сколько огорчило; я не узнаю въ немъ ни сердца твоего, ни чувствъ. Хочу отвѣчать тебѣ, хотя напередъ знаю, что это ни къ чему не послужитъ. Жаль очень что ты не приѣхалъ такъ какъ собирался, и не увидѣлъ самъ *тогда* всего. Маминька не хочетъ передъ тобой оправдываться, она не ожидала и не могла вообразить никогда такихъ несправедливыхъ обвиненій *отъ тебя*. Естлибы ты и не видывалъ преждѣ моего образа жизни, и не могъ судить о настоящемъ по прошедшему то зная ее любовь ко мнѣ, могъ бы быть увѣренъ что она не станетъ требовать моего несчастія. Je vous dirai encore que le sentiment qui l'a porté à me permettre de vous écrire est tout ce qu'il y a de plus noble et de plus

tendre. Les circonstances m'ont forcé à me décider de lui parler de ce sujet d'une manière positive, je voyois la nécessité pour elle et pour nous deux d'avoir un ami, un protecteur, et une fois que j'avois parlé positivement, elle a voulu que je vous en parle à vous le premier. Ni elle, ni moi, nous n'avons pensé à accélérer la chose, mais malgré cela, pensant toujours à vous, elle m'a dit de vous demander conseil à vous le premier après elle, de vous le dire, avant que d'en parler à Woey (1) — et cette délicatesse de sentiments mérite toute votre reconnaissance. Vous m'accusez de m'oublier pour les autres. Je vous assure que dans cette circonstance je n'ai pensé qu'à moi. Je n'ai pas de passion pour Moier certainement, mais l'estime, la confiance et l'amitié que j'ai pour lui, pour son caractère, suffiroient pour nous rendre heureux. J'ai désiré beaucoup plus que Maman que cette chose ait lieu; je sais que Mo. a toutes les qualités que je desirerois voir dans une personne de qui nous dépendrions toutes. Онъ такъ благороденъ что не только не позволить себѣ малѣйшей подлости, но даже малѣйшей лжи хотя бы она принесла ему самыя большія выгоды. Въ послѣднюю болѣзнь мою онъ доказалъ что умѣетъ забывать о себѣ, когда дѣло идетъ о пользѣ другаго. Безкорыстность его и малое честолюбіе мнѣ также извѣстны. Родъ жизни которой онъ ведетъ, безпрестанныя занятія, польза которую онъ дѣлаетъ, все это обѣщало мнѣ лучшее будущее. Я воображала найти спокойствіе, перестать быть въ тягость однимъ, перестать быть вѣчной причиной слезъ другихъ, и все это безъ того, чтобъ отказаться отъ нихъ навѣчно. Не разлучаясь съ ними видѣть ихъ счастливыми; быть даже можетъ быть иногда причиною ихъ удовольствія. — Я вступила бы въ совершенно новый кругъ, для меня чуждый — Нѣтъ, милый другъ, я бы имѣла такой кругъ, какой бысама пожелала. Мо. не зависитъ отъ родныхъ своихъ, онъ привязанъ къ маминькѣ такъ какъ должно. Лѣтомъ еще говоря со мною онъ обѣщаль не разлучать меня съ Маминькой. Но я сама бы никогда не согласилась жить въ одномъ домѣ — это одно

(1) А. Θ. Воейкову.

изъ невозможныхъ идеальныхъ блаженствъ. Признаюсь тебѣ искренно, что я сама бы не пожелала слишкомъ скоро возвратиться въ Россію. Я жду много отъ времени но совсемъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты принялъ. Ты говоришь, Жуковской, что я должна обдумать свое намѣреніе, чтобъ не *сдѣлать еще несчастнаго человѣка*. — Voila une expression qu'on ne m'a répété que trop souvent, mais qui n'est pas de vous. Votre bon coeur ne vous permettrait jamais de le dire — но такъ и быть! Когда моя добрая Маминька не хочетъ оправдываться на счетъ другаго, то какъ могу я, которая столько имѣю упрекать себѣ, говорить что нибудь въ свое оправданіе. Ты говоришь еще, что спѣшить не должно — по несчастію я слишкомъ знаю, что нельзя довольно узнать того, кому хочешь повѣрить счастье милыхъ людей, но опять повторяю тебѣ, что ни Маминька ни я не думали не только спѣшить этимъ, но даже и такихъ близкихъ сроковъ, какъ Вы съ Воей. назначаете, не полагали. Теперь же скажу тебѣ, что я не могу на это согласиться — все зависитъ отъ обстоятельствъ: легко можетъ статься, что мы гораздо долѣе отложимъ это, но можетъ быть и преждѣ — однимъ словомъ я не могу и *не хочу* обѣщать ничего, и на это имѣю важные резоны, *одна я*. Къ тебѣ писала я такъ скоро объ этомъ отъ излишней деликатности, а Воей. говорила для того, чтобъ дать ему думать что я несовѣмъ безъ пристанища. Я увѣрена была напередъ что онъ не согласится на это, и не согласится не для того чтобы боялся моего несчастія, (которое быть не можетъ, потому что онъ имѣлъ случай видѣть М. и сравнивать себя съ нимъ, мое будущее съ настоящимъ) а для того, что могутъ родные и знакомые заключить дурно объ немъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ общаетъ онъ *мнѣ спокойную жизнь*, говоритъ что я хочу отказаться отъ семейства, отчизны, броситься въ кругъ новый, неприличный, все для того, чтобъ бѣжать отъ него — отъ его бѣшенства. Я на это отвѣчать не буду — онъ говоритъ неискренно — что прибыли въ отвѣтъ? Онъ знаетъ, что вспыльчивость его никого такъ мало немучила какъ меня, никто не извинялъ ее съ такимъ добродушіемъ какъ я. —

Но нашему горю пособить нечѣмъ; я знаю что теперь мнѣ осталось одно: разстаться съ Сашей. За себя одну, я перенесла бы разлуку эту но я увѣрена что она будетъ болѣе несчастлива. У нее останется все старое и отнимется послѣднее утѣшеніе которое черезъ меня имѣла. Я не понимаю, Жуковской, какъ можешь ты мѣнять такъ свой образъ видѣть предмѣты? Ты который видѣлъ самъ прежнюю жизнь мою и который совѣтовалъ мнѣ вытти замужъ. Вспомни что ты говорилъ мнѣ за три дни до своего послѣдняго отъѣзда. Въ первомъ письмѣ своемъ я не упомянула объ этомъ, боясь обидить Воейкова; но теперь вижу что деликатностью и добродушіемъ его тронуть невозможно.

Къ чему однако можетъ послужить все это? Скажу теперь одно и прошу тебя принимать точно такъ какъ я говорю: меня никто не принуждаетъ идти за Моіера, я желаю этаго сама; сама первая это предложила и теперь увѣрена что благородный характеръ его и прекрасное сердце дадутъ мнѣ такое счастье, какого я не заслуживаю. Знаю что меня ожидаетъ и что я выносить буду до тѣхъ поръ покуда это кончится, но если меня не разлучать съ Сашей, я готова все терпѣть и не буду считать себя совершенно несчастливой. Она меня знаетъ совершенно, уважаетъ меня, и несмотря на то, что я причиною ее несчастій, имѣеть въ моей дружбѣ все свое утѣшеніе.

Моіеру надежды я никогда не давала и давать не буду. Что Воей. ни говори, я не кокетка. Два года ни въ чемъ не перемѣнять меня, и ты ошибаешься очень, думая что что я его обманываю и сдѣлаю еще несчастнаго человѣка. Онъ будетъ знать что я могу дать ему, и тѣ чувства, которыя я къ тебѣ имѣю, такъ невинны, что я могу объявить ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Я увѣрена, что имѣла бы всегда его довѣренность и тѣ доказательства нѣжной дружбы, которыя теперь мнѣ запрещены и которыхъ я не имѣю права *теперь* тебѣ показывать, были бы мнѣ тогда позволены. Однимъ словомъ, ты говорилъ мнѣ, что желаешь только моего счастья — теперь случай доказать мнѣ это на дѣлѣ. — Я буду совершенно счастлива если

буду зависеть отъ человѣка котораго уважаю и которому хотя немного дорога. Я не заслужила ничѣмъ ужасной и непонятной мнѣ нелюбви Воей. Богъ знаетъ что никто не любилъ его такъ какъ я, ни недѣлалъ столько для пріобретенія его дружбы но мнѣ ничто не удалось совершенно! — Я опять скажу тебѣ что иду замужъ не для того чтобъ бѣжать отъ него, а точно для того что люблю Моіера, уважаю его, надѣюсь имѣть тихую, спокойную независимую жизнь что не только сама перестану страдать, но и всѣ окружающіе меня будутъ счастливы. Ты опять скажешь что это есть собой жертвовать — но ты ошибаешься — *j'ai bien pensé à tout ce que j'ai à faire, à tout ce qui m'attend, à tout ce que je sens.* Жук. поставь себя на мое мѣсто и ты надо мной сжалишься! Если ты искренно говорилъ что согласенъ только знать меня счастливую, то не лишай меня единственно того, что меня можетъ успокоить и возвратитъ можетъ быть жизнь. — У меня уже почти нѣтъ силъ страдать за всѣхъ безпрестанно и видѣть себя, одну себя всему причиной. Вспомни свадьбу Сашину, не я ли ее сдѣлала? Всѣ комедіи которыя тогда игралъ В. я принимала за чистыя деньги, и теперь всякую слезу Сашину должна упрекать себѣ. Вообрази какое счастье можетъ еще быть для меня! я буду зависеть отъ милаго, добродѣтельнаго человѣка, отъ того, кто доставитъ спокойствіе всѣмъ намъ. Я буду имѣть его довѣренность; посвятивъ всю жизнь мою ему, я буду на нее право имѣть. Бѣдная Саша моя перестанетъ страдать за меня и найдетъ во мнѣ счастливаго друга; мы будемъ жить въ разныхъ домахъ, но въ одномъ городѣ. Воей. будетъ показывать мнѣ уваженіе, какъ скоро потеряетъ право и возможность меня мучить. Теперь для того чтобъ избавить Сашу отъ огорченія и спасти можетъ быть жизнь ея ребенку я переносу все съ терпѣніемъ, а мое снисхожденіе заставляетъ его болѣе забываться. Я увѣрена что Моіеръ согласился бы ѣхать въ Муратово, оставить службу, родныхъ и дѣлать все что мнѣ угодно: теперь когда онъ не имѣетъ ни малейшей надежды, онъ такъ деликатенъ и такъ добръ, что Воейк. не можетъ понимать его благородства. Я бы желала показать тебѣ обхожденіе ихъ обѣихъ, я увѣрена

что онъ бы позволилъ мнѣ любить тебя какъ брата, такъ какъ я теперь люблю тебя.

Воей. требуетъ чтобъ я дала ему клятву не выходить замужъ никогда, если онъ не будетъ мнѣ дѣлать огорченій, но что при первой грубости онъ освобождаетъ меня отъ нее. Я знаю что старое будетъ по старому, съ тою разницею что онъ никогда не признается ни въ одномъ огорченіи которое намъ сдѣлаетъ и будетъ обвинять насъ безпрестанно; будетъ подсматривать, подслушивать и перетолковывать все по своему. Жуковской! ты одинъ можешь все кончить! Незаставь меня раскаиваться что я много на тебя надѣилась. Вотъ чего бы я желала:

Напиши къ В. письмо ласковое, и безъ всякихъ упрековъ, въ которомъ увѣрь его, что его слава, репутація и имя въ свѣтѣ не могутъ терпѣть отъ моего повѣденія, что никто обвинять его въ моемъ замужествѣ не будетъ, и что ты желаешь только моего счастья. Онъ хочетъ казаться увѣреннымъ что мной жертвуютъ, но слишкомъ знаетъ что я думаю. Если тебѣ возможно изъ дружбы ко мнѣ все это сдѣлать, то я тебѣ буду обязана спокойствіемъ и счастьемъ. Прежде отъѣзда своего въ Петрб. В. говорилъ совершенно противное тому, что говорить теперь. Прежде онъ готовъ былъ согласиться знать меня счастливо и желалъ отложить только для того, чтобы загладить прошедшее. Теперь онъ боится только того, что объ немъ будутъ думать. Ему сказали что *онъ будетъ извергъ если эта свадьба сдѣлается*, и онъ говоритъ что *черезъ его тѣло я пойду въ церковь*. Два раза уже онъ хотѣлъ ѣхать къ М. чтобъ его зарѣзать. — Но оставимъ всѣ эти комедіи — Я увѣрена что Моіеръ генераль, Моіеръ богатой — и В. употребилъ бы все чтобъ сдѣлать эту свадьбу, *il me persecutteroit tout autant pour que je me marie, qu'il me tourmente maintenant pour ne pas le faire. Vous lui avez dit que sa femme est une égoïste, depuis qu'il est revenu, il ne fait que de lui répéter — elle, qui est un ange de patience et de vertu. Dieu! et c'est à cause de moi que tout ce que j'aime le plus souffre autant.*

Но мнѣ пора кончить: прошу тебя мой другъ, исполнить мою просьбу — отъ тебя зависитъ чтобъ я имѣла спокойствіе въ настоящемъ и чтобъ я смотрѣла безъ страху

на будущее. Прелестная душа Моіера порукой за счастье. Естли ты мнѣ его желаешь, то письмо къ Воей. (такое какого я прошу отъ тебя безъ упрековъ и безъ угрозъ, а только увѣренія и доказательства въ томъ что онъ можетъ желать мнѣ счастья не жертвуя своей репутаціей) сдѣлаетъ то, что мы перестанемъ страдать. Жуковской, ради Бога не заставь меня раскаиваться въ томъ что я тебя люблю какъ брата, и что надѣюсь получить отъ тебя счастье. Отвѣчай мнѣ поскорѣе.

II.

16 декабря [1816].

Я хочу еще прибавить два слова къ письму моему: Маминька позволила мнѣ звать Дуняшу (1) сюда; въ февралѣ мы уже будемъ вмѣстѣ, тогда мнѣ вѣрно будетъ лучше; естли теперъ только уберегу себя какъ нибудь — я говорю о здоровьѣ. Ради Бога не дѣлай упрековъ Воейкову! я молюсь Богу чтобъ онъ далъ тебѣ столько доброты, чтобъ простить ему все. Я такъ надѣюсь на тебя, что грѣшно тебѣ будетъ обмануть мои надежды.

Еще одно слово: естли Воей. какъ нибудь узнаетъ о письмѣ моемъ къ тебѣ, естли ты его покажешь Кавелину, то моя судьба будетъ рѣшена. Изъ жалости къ бѣдной моей Сашѣ и ко мнѣ исполни мою просьбу. Утѣшь и успокой насъ всѣхъ, Богъ знаетъ какъ я на тебя надѣюсь. Будь увѣренъ, что меня никто ни къ чему принудить не можетъ, и что все дѣлаю по своей волѣ.

III.

[1816].

Жуковской! я отъ тебя прошу, требую послѣдней милости! сжался надо мной, сожги всѣ мои письма — Естли ты хочешь чтобъ я опять была спокойна то сдѣлай мнѣ это пожертвованіе — отъ тебя я жду *всего* и ты меня не обманешь! я прошу Бога чтобъ ты никогда не чувство-

(1) А. П. Елагину-Кирѣевскую?

валь моего мученья. Жуковской, будь увѣренъ что я желаю вытѣи замужъ, имѣть семейство, привязаться къ жизни. Теперь она мнѣ въ тягость! Дай мнѣ счастье, оно въ твоихъ рукахъ. Я увѣрена что говоря о моемъ счастии и желая мнѣ его, au dépens de votre propre bonheur ты говорилъ не одни фразы. Теперь *все* въ твоихъ рукахъ. Исполни эти двѣ просьбы и ты сдѣлаешь для меня все. Я надѣюсь что письмо твое къ Воей. будетъ такое, какого я желаю. En brûlant tout ce que vous avez eu de moi (mais tout, je vous supplie) vous me délivrerez de tous mes tourmens! Vous ne pourrez jamais vous faire une idée des chagrins de Maman et des miens. Tous mes malheurs ne proviennent que de ce que je l'ai trompée, et Dieu me punit trop sévèrement. Je vous supplie, brûlez tout sans le lire. Dieu vous récompensera.

[на оборотѣ:] point de réponse à ceci.

Басни Жуковского (1).

Лисица и Обезьяна.

Можешь ли мнѣ ты назвать столь искуснаго звѣря, Лисица, Коему бъ я подражать не умѣла? Такъ говорила Умной Лисицѣ хвастунья Мартышка. Нѣтъ ты назови мнѣ —
 Ей отвѣчала Лисица — столь глупаго звѣря, который Вздумалъ бы въ чемъ тебѣ подражать!... Стихотворцы, поймите!

Конь и Быкъ.

Быстро на жаркомъ конѣ летѣлъ Малютка отважный. То увидя, съ досадой Быкъ Коню закричалъ: Какъ не стыдно!

(1) Эти басни написаны, повидимому, въ 1818 году, для великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Александры Феодоровны, съ которой Жуковскій занимался русскимъ языкомъ.

Я бѣ не позволилъ Мальчишкѣ собой управлять — Я на-
 противъ!
 Конь отвѣчалъ на лету. Что за слава сбросить Мальчишку!

Журавль и Лисица.

Ты, Журавль, путешествовалъ много! скажижъ мнѣ, что
 видѣлъ?
 Такъ говорила Журкѣ Лисица. И началъ ей Журка
 Всѣ тѣ лужи, всѣ тѣ луга описывать, гдѣ онъ
 Лучшихъ нашелъ червяковъ и таскалъ вкуснѣйшихъ
 лягушекъ.
 Ты въ Парижѣ бывалъ! Скажижъ, у кого тамъ находятъ
 Лучшій обѣдъ и какія тамъ пилъ ты лучшія вина.

Алкидъ.

Въ небо вступивши, Алкидъ поклонился гордой Юнонѣ
 Прежде чѣмъ прочимъ Богамъ. Изумились Олимпъ и
 Юнона
 Можно ль? (къ нему возопили) Врагу отъ тебя предпочтенье?
 Такъ! Врагу! (отвѣчалъ Геркулесъ). Не ея ли гоненьямъ
 Былъ я обязанъ дѣлами, мнѣ отворившими небо?
 Весь Олимпъ одобрилъ отвѣтъ и Юнона смирилась.

Дубъ.

Въ бурную ночь разъяренный Сѣверный вѣтеръ обрушилъ
 Всю свою силу на дубъ величавый и дубъ повалился.
 Онъ лежалъ на землѣ, задавивши страшнымъ паденьемъ
 Множество мѣлкихъ кустовъ. Лисица, въ сосѣднемъ оврагѣ
 Нору имѣвшая, то узрѣвъ по утру, удивилась.
 Что за дерево! такъ разсуждала Лисица. До сихъ поръ
 Мнѣ и въ мысль не входило, чтобъ онъ такой былъ великій.

Соловей и Павлинь.

Жилъ въ лѣсу Соловей: онъ былъ обходителенъ, ласковъ;
 Но напрасно онъ къ пѣвчимъ птицамъ ласкался — межъ
 ними
 Друга себѣ не нашелъ, за то завистниковъ — куча!

«Лучше у птицъ другой породы попробовать счастья!»
 Такъ онъ сказалъ и спорхнулъ довѣрчиво съ вѣтки къ
 Павлину.
 «Какъ ты прекрасенъ, Павлинъ! я тебѣ удивляюсь!» —
 Я такъ же,
 Милый пѣвецъ, удивляюсь тебѣ! — «Такъ будемъ друзьями!
 Намъ другъ другу завидовать не въ чемъ: ты восхищаешь
 Взоры; я слухъ!» — Соловей и Павлинъ съ тѣхъ поръ
 подружились.
 Кнеллеръ съ Попомъ были дружнѣе, чѣмъ Полъ съ Адди-
 сономъ.

Пастухъ и Соловей.

Ты негодуешь, Поэтъ, на Парнасскую шумную сволочь?
 Слушай же: вотъ что однажды пѣвцу соловью говорили.
 Что ты такъ смолкнулъ? спросилъ въ одинъ пріятный,
 весенній
 Вечерь пастухъ соловья. Соловей отвѣчалъ: какъ воз-
 можно
 Пѣть мнѣ? Лягушки такъ разкричались, что мнѣ не до
 пѣсней!
 Развѣ не слышишь? — Конечно! пастухъ отвѣчалъ ему,
 слышу!
 Но какая причина тому? — Не твое ли молчанье?

Меропсъ.

Хочется мнѣ узнать — спросилъ Орель любопытный
 Разъ у премудрой сосѣдки Сова — говорятъ, что на свѣтѣ
 Есть какая-то птица Меропсъ, что она все летаетъ
 Вверхъ хвостомъ, а внизъ головою. Правда ли это? —
 «Эхъ! неправда! Сова отвѣчала. Вымыселъ глупый
 Глупыхъ людей! Меропсъ — человѣкъ! Онъ хотѣлъ бы
 подняться
 Къ небу, но съ тѣмъ, чтобъ земля ни на мигъ не пропала
 изъ виду.

Даръ волшебницъ.

Двѣ благотворныя феи однажды пришли къ колыбели
 Принца, который впослѣдствіи сталъ великимъ Монархомъ.
 Даръ мой младенцу (сказала одна) будь орлиный все-
 зрящій

Взоръ: передъ нимъ ни одна въ его обширныхъ владѣнняхъ
 Мошка не скроется. — «Даръ твой прекрасенъ (сказала
 другая

Фея) и милый питомецъ нашъ будетъ монархъ далеко-
 видный;

Но Орель не одни лишь зоркія очи для мѣлкихъ
 Мошекъ имѣтъ; онъ одаренъ и способностью Царской
 Ихъ примѣчать, не преслѣдуя. Симъ дарованьемъ высокимъ
 Я надѣляю младенца!» — Хвалю твою осторожность
 (Та отвѣчала). Ты права! Много великихъ монарховъ
 Были бы выше, когда бы свой пронизательный разумъ
 Меньше вниманьемъ къ ничтожнымъ, пустымъ мѣлочамъ
 унижали.

Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу.

6-19 Февраля [1821].

Вотъ тебѣ мои стихи; но только для тебя и для Саши⁽¹⁾.
 Прошу тебя пожертвуй мнѣ своею страстію развезить
 въ одномъ этомъ случаѣ. Тебѣ не нужно мнѣ объяснять

(1) Къ этому письму были приложены стихотворенія Жуковскаго: «Лалла Рукъ» и «Поэзія въ видѣ Лалла Рукъ». Первая пьеса оканчивалась строфой, невошедшей въ печатный текстъ :

Кто же ты, очарователь
 Бѣдъ и радостей земныхъ?..
 О небесный жизнедатель,
 Мнѣ знакомъ ты!.. Для другихъ
 Нѣтъ тебѣ именованья!
 Ты безъ имени нашъ другъ!
 Для меня же тебѣ названье
 Сердце дало: *Лалла Рукъ.*

Къ стихотворенію «Поэзія въ видѣ Лалла Рукъ» Жуковскій далъ поясненіе: «Эти стихи сочинены здѣсь одной молодою дѣвушкою: я ихъ перевелъ».

Саща — А. А. Воейкова.

того чувства, которое произвело эти стихи. Оно не любовь, но родное ей чувство, высокое и чистое. Я много бы потерялъ естлибъ это было иначе. Зачѣмъ сводить Бога съ алтаря чтобы обнявъ его лишить черезъ то Божественности, то есть именно того, что влечетъ къ его алтарю. — Мое чувство къ в. к.¹⁾ имѣетъ характеръ этаго чистаго богопочтенія, нужнаго душѣ чтобы сохранять въ ней жизнь и ее благородствовать. Она милое, небесное, возвышенное твореніе; я иногда чувствую къ ней привязанность avec un abandon qui me charme; elle est faite pour être l'idéal bienfaisant d'une âme pure... но дѣло объ стихахъ; они требуютъ объясненія. Здѣсь былъ несравненный праздникъ, который оставилъ во мнѣ глубокое впечатленіе. Ты знаешь Мурову поэму Лалла Рукъ. Дочь Ауренгзеба ѣдетъ къ своему жениху въ Бухарию; онъ встрѣчаетъ ее въ долину Кашемира. Дорогою молодой поэтъ, чтобы не скучно было Принцессѣ, поетъ ей историческія пѣсни; поэтъ нравится принцессѣ и она приближается съ чувствомъ грусти къ тому мѣсту, т. е. къ Кашемиру гдѣ должна встрѣтить своего жениха; но на повѣрку выходитъ, что женихъ и поэтъ одно лице. Берлинскій Праздникъ былъ не иное что какъ праздникъ, который молодая Лалла Рукъ дала будто въ Кашемирской долину своему супругу и своему отцу Ауренгзебу, и въ воспоминаніе тѣхъ минутъ, которыя она такъ пріятно провела дорогою слушая пѣсни своего мужа, она велитъ представить въ картинахъ то что онъ описывалъ ей въ своихъ пѣсняхъ. Эти картины, которыя были сочинены живописцемъ Ш*** были несравненны; во время ихъ представленія пѣли романсы, для которыхъ музыка сочинена была Спонтини и прелестна. Но всему давала очарованіе великая княгиня; ее пронесли на паланкинѣ въ процессіи — она точно провѣяла надо мною какъ Геній, какъ сонъ; этотъ костюмъ, эта корона, которыя только прибавляли какой то блескъ, какое то преображеніе къ ежедневному, знакомому; эта толпа которая глядѣла на *одну*; этотъ блескъ и эта пышность для *одной*; торжественной и вмѣстѣ меланхолической

(¹) В. к. Александра Θεодоровна.

маршъ; потомъ пѣніе голосовъ прекрасныхъ и картины которыя появлялись и пропадали какъ привидѣнія, живо трогали еще живѣе въ отношеніи къ одному главному, наконецъ опять этотъ маршъ — съ которымъ все пошло назадъ, и тоже милое прелестное лицо появилось на высотѣ и пропало въ дали — все это вмѣстѣ имѣло что то магическое! не чувство, не воображеніе но душа наслаждалась и я воротился къ себѣ съ какимъ то уныніемъ, которое имѣло свою сладость. Я написалъ свои стихи гораздо послѣ; я не отдавалъ ихъ, можетъ быть и не отдамъ: они для меня какъ молитва. Чувство которое ихъ произвело родня всѣмъ тѣмъ живымъ чувствамъ которыя въ разныя прекрасныя минуты жизни наполняли душу. Для тебя, для Саши оно понятно, другіе могутъ его изъяснить иначе и изверкать своимъ изъясненіемъ.

Руссо говоритъ: *il n'y a de beau que ce qui n'est pas*; это не значитъ *только то, что не существуетъ* прекрасно; прекрасное существуетъ, но его нѣтъ ибо оно такъ сказать намъ является единственно для того, чтобы исчезнуть, чтобы намъ сказаться, оживить, обновить душу — но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ; оно не имѣетъ ни имени, ни образа; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты жизни — величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой (Сашиной души), поэзія, счастье но еще болѣе несчастіе даютъ намъ сіи высокія ощущенія прекраснаго; и весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ нимъ грусть — но грусть не приводящая въ уныніе, а животворная, сладкая, какое то смутное стремленіе — это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невыразимости, отъ его необъятности. Прекрасно только то чего нѣтъ — въ эти минуты живаго чувства, стремишься не къ тому чѣмъ оно произведено, и что передъ тобою, но къ чему то лучшему, тайному, далекому, что съ нимъ соединяется и чего съ нимъ нѣтъ и что для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія: иначе отъ чего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія! Нѣтъ! эта грусть убѣдительно говоритъ намъ что прекрас-

ное здѣсь не дома, что оно только мимо пролетающій благовѣститель лучшаго; оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ; оно дѣйствуетъ на нашу душу не *настоящимъ*, а темнымъ, въ одно мгновеніе соединеннымъ *воспоминаніемъ* всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ *оживаніемъ* чего-то въ будущемъ

А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Это вѣрное сравненіе! Эта прощальная и навсегда остающаяся звѣзда въ нашемъ небѣ есть знакъ того что прекрасное было въ нашей жизни и вмѣстѣ того, что оно не къ нашей жизни принадлежитъ! Звѣзда на темномъ небѣ — она не сойдетъ на землю, но утѣшительно сияетъ намъ изъ дали, и нѣкоторымъ образомъ сближаетъ насъ съ тѣмъ небомъ, съ котораго неподвижно намъ свѣтитъ! Жизнь наша есть ночь подъ звѣзднымъ небомъ — наша душа въ минуты вдохновенныя открываетъ новыя звѣзды; эти звѣзды не даютъ и не должны давать намъ полнаго свѣта, но украшая наше небо, знакомя съ нимъ, служатъ въ тоже время и путеводителями по землѣ. *Voilà la philosophie de Lalla Rookh.*

8-21 Февраля [1821].

Вчера былъ день для меня незабвенный; одна изъ новыхъ звѣздъ на моемъ небѣ; мой добрый Геній прилеталъ ко мнѣ, побывалъ у меня и оставилъ мнѣ прощальную свою звѣзду. Я былъ у В. К. (1) Ужъ болѣе недѣли ходилъ къ ней имѣя въ карманѣ свои стихи и все ихъ не отдавалъ. Отдать ихъ есть тоже что ихъ написать. Передавать чувство есть тоже, что чувствовать: надобно

(1) Великая княгиня Александра Ѳеодоровна.

чтобы его передаѣе было также свободно, живо и чисто какъ самое чувство. И для того и для другаго необходимо одинакое вдохновеніе. Я отдалъ стихи, но не читалъ ихъ ей и она не при мнѣ ихъ читала. Но разговоръ, къ которому они послужили поводомъ, оставилъ на душѣ слѣдъ благодѣтельный: она никогда не говоритъ много, но все что ни скажетъ въ минуту откровенности, такъ чисто, такъ неукрашено ничѣмъ постороннимъ, имѣетъ такую тихую, спокойную высоту, что въ эту минуту чувствуешь себя безъ всякой примѣси счастливымъ. Она говорила о счастіи своей молодости; о томъ, что *теперь* для нее счастье; о своихъ дѣтяхъ, о своей семьѣ — и итогъ всего разговора есть: что счастье не только нельзя но и не должно искать, что *главное* въ жизни — есть *должность*, которая ее дѣлаетъ высокою и даже драгоцѣнною, что никогда не должно дѣлать въ жизни сравненія прошедшаго съ настоящимъ, *qu'il faut être toujours au moment près eux, c'est à dire prête à faire bien ce que le moment présent ordonne*. Однимъ словомъ, нѣтъ ничего святѣе и чище, какъ быть въ присутствіи прекраснаго созданія Божія, которое тихо, покорно, безъ всякаго себѣ насилія готовится исполнять то что Богъ ему повелѣваетъ въ жизни. Въ ея душѣ удивительная гармонія идеальнаго съ простожитейскимъ. Она способна все высокое чувствовать, всемъ восхищаться, но это высокое, не къ обыкновенной жизни принадлежащее не удаляетъ ее отъ обыкновенной жизни, которой мѣлкія обязанности не пугаютъ ее своею сухостію. Это *идеальное* есть сокровище ея души, оно послужитъ ей только для того чтобы *das grosse in das Leben zu legen*, чтобы не поддаться ни чему мѣлкому въ жизни, но оно не увлечетъ ее въ мечтательность безъ цѣли: она имѣетъ необыкновенную вѣрность ума и чувства. Это тихое величіе души безъ всякой пышности есть что то святое здѣсь, среди семейства (которое меня плѣняетъ своею чистою нравственностію, своимъ веселымъ согласіемъ и милою, патріархальною простотою, какой я ее ни въ какомъ семействѣ не видалъ) она какъ ребенокъ предается счастію настоящей минуты, счастію прежняго младенчества. Признаюсь, мнѣ грустно подумать, что въ теченіе

нѣсколькихъ мѣсяцевъ, это для нее должно кончиться и на всегда. Но она не позволяетъ себѣ дѣлать сравненія. Ее ждетъ другаго рода счастье, которому она будетъ принадлежать выполнѣ, счастье должности и она будетъ ему предаваться такъ же просто и безъ усилія, какъ здѣсь предается счастию беззаботности и дѣтской радости. Это ангель, въ которомъ все великое и все младенческое соединено удивительною гармоніей; она будетъ непорочна въ счастья, которое оживить сердцемъ полнымъ чувства, неиспорченнымъ и не могущимъ испортится; она будетъ великою, то есть покорною въ несчастіи — сохрани ее Богъ отъ несчастія! Mais le moment d'épreuve sera pour elle le moment où toutes les fleurs de sa belle âme pousseront! — Еще ей недостаетъ многого, для того мѣста которое она занимаетъ — но она все приобрѣтетъ, потому что ей не нужно *принуждать* себя, чтобъ почувствовать необходимость приобретенія. — Особенную прелесть этому разговору дало еще одно обстоятельство. У меня въ карманѣ случилось Сашино послѣднее письмо — то, которое она написала мнѣ вмѣстѣ съ Машею изъ Дерпта. Это письмо есть такъ же одна изъ яркихъ звѣздъ. Одна говоритъ въ немъ отъ полноты сердца о своемъ наконецъ найденномъ счастии, а другая, не смотря ни на что, дѣлать его такъ же отъ полноты сердца. Я прочиталъ его В. Княгинѣ и кое что рассказалъ о моемъ прошедшемъ. Мнѣ она приходитъ въ голову при всемъ добромъ: радъ бы всегда съ нею подѣлиться; такъ какъ въ минуты въ которыя я въ ссорѣ съ собою приходитъ она же въ голову какъ укоризна. Жаль прошлаго! Жаль что многого уже изъ себя сдѣлать нельзя! а это необходимо, чтобы имѣть спокойно и весело то высокое чувство какое меня къ ней привязываетъ. Не подумай, чтобы этотъ энтузіазмъ былъ что нибудь новое: онъ всегда тутъ, какъ слово доброе, такъ часто въ душѣ засыпающее, въ ней пробудится. Онъ былъ тутъ и прежде — но я его теперь знаю... Въ первый разъ когда я былъ у Гуфлянда былъ между прочимъ разговоръ о религіи: онъ набоженъ въ сердцѣ! а никакая набожность такъ не красно-рѣчива какъ та которая въ сердцѣ старика, имѣющая всю свѣжесть молодыхъ лѣтъ. Гуфляндъ этотъ мудрецъ съ

чувствомъ и съ удивительною доброжелательностію. Онъ мнѣ сказалъ: «все что религія представляетъ святаго, » *Троица* заключена для меня въ одномъ нѣмецкомъ L: » *Leben, Liebe, Licht!* Тутъ весь Богъ и весь человѣкъ » въ отношеніи къ Богу.» Эти три L нашлись сами собою въ имени *Lalla Rookh*. — Прости! еще разъ повторяю: и стихи мои и это письмо только для тебя и для Саши. — Напиши мнѣ о нашихъ. Въ твоихъ письмахъ слишкомъ мало историческаго. *Карамзинъ, Вяземскій, Блудовъ, Плещеевъ, Братья, Пушкинъ, Уваровъ* есть заглавія для разныхъ статей. Я передъ ними виноватъ: не писалъ ни къ кому.

Два приложенныхъ письма къ Малиновскому и Елагиной перешли безъ всякаго замедленія: адресъ Елагиной скажетъ Саша. Еще разъ повторяю не читай никому ни стиховъ моихъ ни писемъ (кромѣ Саши). Я не желаю чтобы ктонибудь читалъ то что пишу о в. к. Прошу быть въ этомъ случаѣ послушнымъ безъ всякаго изключенія. Никому!

[1821].

Я получилъ твое письмо и въ немъ Сашино изъ Дерпта. Получилъ его больной и теперь еще боленъ. Надобно отвѣчать на него на досугѣ; но я благодарю тебя за него — хотя въ немъ ты и не отвѣчаешь мнѣ на мое маленькое писмецо, написанное къ тебѣ въ грустную, тяжелую минуту. Естьли на него нечего отвѣчать, естьли я обмануть глупымъ привидѣніемъ то тѣмъ лучше. Помни братъ что тебѣ надобно *беречь меня для себя*, менѣе для тебя собственно нежели для меня: мы были во все послѣднее время розно, но мы не разрознены. Естьли бы это несчастье могло случиться, то не знаю приключило ли бы оно мнѣ жестокое страданіе ибо не знаю способенъ ли я на это, но оно приключило бы нѣчто худшее несравненно: параличъ нравственный. И такъ береги меня; наша дружба должна быть неприкосновенна; она была до сихъ поръ мертвымъ

капиталомъ, но по тѣхъ поръ не будетъ нищеты, пока еще капиталъ цѣль. Мы пустимъ его въ ходъ и помни что между нами теперь Саша. Описывая себя, ты совершенно описалъ меня и кажется мы можемъ быть взаимнымъ лѣкарствомъ. Братъ подумай! теперешняго случая не воротишь! Въ апрѣлѣ начинается мое путешествіе! что естли бъ мы могли сдѣлать его вмѣстѣ: тебѣ оно такъ же нужно какъ и мнѣ и мы страдаемъ одинакою болѣзнію. Воспользуемся вмѣстѣ этимъ временемъ. У насъ теперь одно сокровище; къ одному воротимся; одного будемъ искать — наше путешествіе было бы совершеннымъ товарищемъ. Подумай и рѣшись. Я бы подождалъ тебя въ Дрезденѣ, куда ты можешь приѣхать черезъ Варшаву! мои планы сдѣланы, и для тебя они такъ же приличны какъ и для меня, тебѣ и приготовленій никакихъ дѣлать не надобно; мы ѣдемъ не для ученыхъ открытій, не для наблюденій а для того чтобы себѣ освѣтить и устроить свое нравственное будущее — то же, что пугаетъ тебя, пугаетъ еще болѣе меня! Неужели весь остатокъ жизни (которая можетъ еще долго продлиться) будетъ похожъ на настоящую минуту! Этого быть не должно — но надобно на время вырваться изъ убійственнаго ежедневнаго, чтобы себя переработать: никто не пойметъ того, чего тебѣ недостаетъ какъ я и никто не поможетъ моей бѣдѣ такъ какъ ты — мы оба испытали одно, и мы можемъ помочь другъ другу, но болѣе ты мнѣ, нежели я тебѣ и ты мнѣ нужнѣе! Я радъ быть тебѣ благодарнымъ за свое исправленіе — никого не могу вообразить себѣ товарищемъ такъ, какъ тебя! что бы ни было, но съ тобой я дома и у родни. — Поблагодари отъ меня Воейкова за Сашину поѣздку въ Дерптъ. Онъ и мнѣ этимъ добро сдѣлалъ. — Обними за меня Блудова, буду къ нему писать съ дороги и къ Вяземскому также.

Отвѣчай немедленно въ Берлинъ. Я еще пробуду сдѣсь до половины Апрѣля. Естли рѣшишься то будь къ концу Апрѣля въ Дрезденѣ.

Вотъ тебѣ письмо Авдотьи Николаевны Арбеновой; нельзя ли чего нибудь по немъ сдѣлать. Я къ тебѣ послалъ черезъ Сашу ея прежнее письмо, а ей писалъ, чтобы она къ тебѣ прямо относилась.

Вотъ еще женщина, которая была бы по тебѣ, есть ли бѣ ты ее узналъ.

Что старушка?⁽¹⁾ что Плещеевъ? Обними ихъ!

Письмо Сашѣ, какъ слѣдуетъ, отдай *ей одной* и всегда наблюдай это правило.

[1821].

Милый Братъ, твое письмо оживило меня и оживило для меня старое прекрасное время. Я прочиталъ его какъ тѣ письма которыя читалъ нѣкогда, когда мы были разны не испытавъ убійственнаго *вмѣстѣ* въ петербургскомъ госпитали. Моя Сашка есть точно Ангелъ, прилетѣвшій на нашу съ тобою землю изъ рая чтобъ намъ сказать: перестаньте забываться въ вашей грязи, я васъ обличу и останусь съ вами. Милой, твое первое искреннее письмо объ ней обрадовало меня неизъяснимо, я обрадовался твоей любви къ ней какъ будто бы своей; я увидѣлъ въ этой любви *одно* наше, общее благо, увидѣлъ въ немъ нашу прежнюю дружбу; я ни минуты не подумалъ о счастіи, ибо не счастіе для тебя главное — а жизнь, внутренняя добродѣтельная, тебя достойная, и все это заключено въ любви безъ награды, безъ ревности, безъ цѣли собственной, въ безкорыстной, соединенной со всеми возможными пожертвованіями! Такую твою любовь къ ней могу дѣлить сердцемъ — какое счастіе быть вдвоемъ товарищами и хранителями этаго творенія. Я хотѣлъ подарить тебѣ ея послѣднее письмо, писанное вмѣстѣ съ сестрою — но мнѣ стало жаль! Это письмо слишкомъ мнѣ дорого во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ конецъ его: «Adieu! je suis si heureuse, « si triste, si trouble et si calme. Ты одинъ поймешь, но « что будетъ со мною въ Петербургѣ послѣ этаго — не « знаю! Мнѣ мой Тургеневъ болѣе чѣмъ когда нибудь сдѣ- « лался необходимъ!»

(1) Арзамасское прозвище С. С. Уварова.

Братъ, этаго тебѣ довольно для счастья. Право не многимъ достается въ удѣлъ то что ты имѣешь; а твоя душа на высотѣ этой судьбы. — Я благодарю тебя со всемъ чувствомъ прежней, никогда не проходившей дружбы за твое безцѣнное письмо, я читалъ его со слезами и слезы на глазахъ теперъ когда пишу къ тебѣ. У меня теперъ на душѣ что то старинное, такъ давно уже въ ней не бывшее и передъ глазами та комната въ Университетскомъ домѣ, гдѣ я такъ часто пришедши изъ Пенсіона лежалъ на кровати одинъ, и ждалъ твоего брата, и узнавая походку его въ корридорѣ радовался. Какъ ни называй послѣдніе наши годы, а мы въ теченіе нашей жизни сохранились другъ для друга, ничто насъ не рознить — въ *послѣднемъ* не мы виноваты а механическое дѣйствіе мертвыхъ нашихъ обстоятельствъ; надобно было слетѣть Ангелу съ неба чтобы это перемѣнить! Будемъ же радоваться ангелу и беречь его на землѣ отъ земнаго, который даетъ намъ много своего чистаго неба. — Послушай! ребячусь ли я или нѣтъ, не знаю! мечтаю ли о невозможномъ! Но право мнѣ кажется, что мы могли бы вмѣстѣ поѣздить! Ничто не можетъ тебѣ быть такъ хорошо, какъ это путешествіе въ надеждѣ возвратиться къ извѣстному и прекрасному. Правда теперъ есть для тебя жизнь дома; ты тамъ нуженъ и можешь наконецъ дѣйствовать прекрасно. Напиши, что ты объ этомъ думаешь? Я не разстанусь съ своею мечтою до твоего рѣшительнаго нѣтъ! Хочу ѣхать въ половинѣ Апрѣля. Я писалъ уже къ Сашѣ чтобы она написала ко мнѣ въ Дрезденъ; кончу какъ ее письмо при самомъ началѣ своего путешествія, напиши и ты, естли не рѣшишь ѣхать. —

Послѣ этаго письма буду писать къ тебѣ вмѣстѣ съ Сашей. Понимаю то чувство горя которое должно было наполнить твою душу, читая ея письма къ мужу — но это чувство должно быть минутнымъ и еще болѣе безкорыстнымъ. —

Для нее должность необходима для счастья, слѣдовательно ея частіе можетъ быть для нее только съ ея мужемъ — но онъ не дастъ ей этаго счастья ибо не способенъ дать и она это чувствуетъ — для нее теперъ только и воз-

можны однѣ замѣны; эти замѣны наше; она ихъ должна имѣть сохранивъ главное, должность, такъ же святую для небесъ, какъ и для нее. Такъ, братъ, должность. Послѣ всего, что случается въ жизни, вся поэзія, всѣ... все наконецъ должно слить въ одно... и при всей своей сухости поэтическое слово должность. Теперь душа твоя нашла одну главную восхитительную должность, но этотъ геній оживить для тебя и всѣ прочія, мѣлкія, ничтожныя, житейскія должности. У насъ много погибло и отъ собственной вины; мы, по крайней мѣрѣ я большей частью стоимъ въ уныніи передъ этими развалинами недостроеннаго зданія и теряемъ доброе, и прошедшее губить и настоящее и будущее. Надобно рѣшительно отказаться отъ невозвратимаго и пробудить силу и по крайней мѣрѣ сдѣлать то что еще можно сдѣлать. Достоинство не въ массѣ приобрѣтенія, а въ стремленіи, хотя бы не было надежды на успѣхъ.

Письмо Жуковскаго къ А. А. Воейковой.

[1821].

Мой доброй Ангелъ Сашка, я получилъ ваше *двойное* письмо⁽¹⁾ и прочиталъ его съ чувствомъ возвышающимъ сердце. Это возвышеніе есть всегдашнее дѣйствіе твоего голоса, моя Сашка, ты сдѣлана для того чтобы плѣнять душу способную чувствовать прекрасное. Пока буду непросто знать тебя а знать тебя и чувствовать, по тѣхъ поръ могу еще полагаться на себя. Это письмо написанное вами вмѣстѣ говоритъ мнѣ такъ много; въ немъ не смотря на примѣсъ горькаго, есть много утѣшительнаго и успокаивающаго, какая разница въ вашей судьбѣ и какое сходство въ вашихъ сердцахъ. И какъ это письмо доказываетъ что въ здѣшной жизни все къ одному, *все для души*. Въ Машинныхъ строкахъ чувствительно ее настоящее счастье, тихое, нероманическое, но украшенное, оживленное ея душою,

(1) Письмо А. А. Воейковой и М. А. Мойеръ (см. выше).

которая рѣдко сказывается, но въ которой глубоко спря-
тано все что есть лучшаго: наконецъ она имѣла минуту
въ жизни въ которую могла сказать отъ полноты сердца:
Il y a tant de bonheur à vivre dans ce monde! Какъ много
для меня поэзіи въ этомъ словѣ! Она говорить это *мнѣ*,
и говорить *вмѣстѣ съ тобою*. И читать послѣ ее письмо
твое... (1) новое совсѣмъ другаго рода чувство — какая
разница въ вашей судьбѣ и несмотря на то какое сходство
въ дѣйствіи. Послѣ всего, что было, вы сошлись вмѣстѣ и
Маша говорить: *мы обѣ блаженны*, и ты повторяешь отъ
полноты сердца *блаженны c'est le mot!* Можно сказать
что между этими двумя фразами есть бездна и она васъ
не раздѣляетъ. Сашка вотъ одна изъ тѣхъ минутъ въ жизни
въ которыя можно ясно понять для чего дана намъ жизнь!
какой свѣтлый фонарь! Какъ я люблю тебя съ этимъ сло-
вомъ *мы блаженны* въ виду счастья которое не *твое*, а
наше, мой ангелъ, на что тебѣ *забывать!* Твоя судьба
есть Божья благодатная буря; радъ бы сказать ей *оборо-
тись въ ясный день*, но смотрѣть на нее иначе нельзя
какъ на коленяхъ, какъ съ чувствомъ высокимъ знаме-
нующимъ присутствіе Бога скрытаго за этою бурей. Et
vous aussi vous avez monté la montagne de Cachemire: но
знай и пусть будетъ это твоимъ новымъ утѣшеніемъ ты
стоишь на этой горѣ не одна и не для одной себя. Знай
что ты имѣешь имѣнно твоею теперешнею жизнью благо-
дѣтельное вліяніе и на насъ. Я говорю сдѣсь и о Турге-
невѣ (*многое можетъ ли въ свѣтъ горе сравниться съ
тьмѣ что Ж. ошибся въ этомъ случаѣ. Благодѣтельное
вліяніе! après ce que vous avez dit hier!*) (2). —

Развѣ мало быть тебѣ для насъ животворительницею —
(*Тургеневъ съжальтесь надо мною дайте мнѣ жить!*) (2) —
то что *ты теперь* есть для насъ что то *ободрительное*
священное. Надобно любить ту жизнь въ которой ты то-
варищъ; но этаго мало, надобно стоять товарищества. Въ
своемъ письмѣ ты говоришь только о Машѣ, ты описы-

(1) Кусокъ письма оторванъ.

(2) Приписка А. А. Воейковой, пославшей А. И. Тургеневу
свою копию письма Жуковскаго.

ваешь ее такъ живо и вѣрно а о себѣ почти ни слова! но въ этомъ я еще болѣе вижу тебя нежели Машу, тебя свидѣтель ея рая; ты смотришь на него изъ своей пустыни. Je suis si heureuse, si triste, si troublée, si calme. Что можно сказать на эти слова въ которыхъ все что есть лучшаго въ душѣ человѣческой! Радъ бы дать тебѣ все возможное счастье, но какъ иногда позволить себѣ жалѣть о тебѣ! ты стоишь счастья, но сколько прекраснаго нашла ты именно на той дорогѣ по которой ведетъ тебя Провидѣніе. И когда подумаешь что ты имѣешь *вѣру*, что твоя религія основана не на размышленіяхъ, а извлечена непосредственно изъ твоей судьбы, тогда останешься въ нерешимости: желать ли тебѣ... другаго или нѣтъ; останешься съ увѣренностью только въ томъ, что надобно любить тебя, стараться быть тебя достойнымъ, и что лучшее на семъ свѣтѣ не счастье, а добродѣтель! — Я здѣсь однажды шель по улицѣ. На перекресткахъ, на углахъ домовъ обыкновенно приклѣиваются объявленія. Я остановился передъ однимъ, вновь приклееннымъ. Около него было множество остатковъ отъ старыхъ уже сорванныхъ объявленій, одни изъ этихъ остатковъ были еще свѣжи, другіе уже позеленѣли отъ воздуха а прочихъ и слѣда не было. Это былъ хаосъ безъ всякой формы и порядку. Однако было новое но и то *до завтра*. Это жизнь наша. Здѣсь все не иное что какъ объявленіе для *проходящаго*. Прочти, воспользуйся и не заботься о клочкѣ бумаги котораго скоро и слѣдъ исчезнетъ. Главное не то чтобы остановясь передъ симъ объявленіемъ сказать *оно мое*, а въ томъ чтобы прочитать и *мимо идти*. Все для *проходящаго, все для души*. Хорошо естли умѣешь *читать*, а умѣя *не льнишься и воспользоваться читаннымъ*. Докончи сама сравненіе.

Черновикъ письма къ Имп. Александръ ѲеодоровнѢ.

Всемиловѣйшая Государыня!

Немедленно, по прибытіи моемъ на мѣсто моего назначенія, спѣшу исполнить драгоценную для меня волю Вашего Императорскаго Величества, и живѣйшее желаніе

моего сердца, спѣшу писать къ Вамъ, всемилостивѣйшая Государыня! Примите мою всеподданнѣйшую благодарность за сіе милостивое повелѣніе.

Покидая Россію и во все время моего путешествія, я часто, часто думалъ о Васъ, всемилостивѣйшая государыня, думалъ и мысленно благословлялъ васъ. Новое испытаніе, посланное вашему сердцу небомъ, лежало на моемъ какъ бремя и я съ обновленною къ вамъ любовію дѣлилъ вашу священную горечь.

Боже мой! въ такое короткое время надлежало Вамъ пройти снова, одну за другою всѣ печали, какія только могутъ терзать человѣческую душу въ здѣшней жизни. Въ недоумѣніи я бы позволилъ себѣ спросить у Промысла за что именно вы избраны для такого рода страданій, когда и безъ нихъ ваша жизнь есть безпрестанное, прекрасное пожертвованіе собою: но отвѣтъ ясенъ и безъ вопроса. Вы стоите на виду: вы назначены представлять смотрящимъ на васъ умиленное зрѣлище терпѣнія, покорности Божеству, величія въ несчастіи.

Да подкрѣпитъ Васъ рука Всевышняго! Мы смотримъ на васъ съ нѣжнѣйшимъ участіемъ, съ глубокимъ чувствомъ уваженія: съ высокаго Вашего мѣста, вы даете намъ урокъ убѣдительный человѣческихъ добродѣтелей. Одна молитва: да позволитъ вамъ провидѣніе долго, долго не покидать этаго мѣста, котораго вы такъ достойны и эта молитва болѣе за насъ нежели за васъ! Но она всеобщая! пускай же послужитъ она нѣкоторымъ утѣшеніемъ вашему сердцу. — Вся Россія своими благословеніями проводила Ангельскую душу Елизаветы въ ту сторону, гдѣ земныя утраты обращаются въ благо. Кто бы осмѣлился пожелать Ей остаться на землѣ послѣ того, что она передала небу. Печаль объ Ней не имѣла въ себѣ того разительного-ужаснаго что было произведено неожиданно кончиною Александра; она возбудила въ сердцѣ другаго рода чувство: прекрасный посетитель покинулъ землю, на которой уже не могъ долѣе оставаться, покинулъ для неба, гдѣ соединены были драгоцѣннѣйшія земныя блага его — вотъ смерть Ея! Жаль разлучиться съ небеснымъ гостемъ! но земля уже не его мѣсто! И такое

тихое удаленіе души представляетъ зрѣлище умилительное: не смѣешь думать объ утратѣ своей; только яснѣе постигаешь, что такое смерть и сколь величественно назначеніе души человѣческой.

И въ слѣдъ за этою утратою Вы, всемилостивѣйшая Государыня, должны были испытать другую, болѣзненную, незамѣняемую. Вы потеряли друга, достойнаго вашего сердца. Карамзина нѣтъ!... Вотъ что ожидало меня при моемъ сюда прибытіи. Какъ ни приготовлень былъ я своимъ убѣжденіемъ къ такому несчастію, но все оно было неожиданнымъ ударомъ для сердца! Я видѣлъ его въ самый день моего отъѣзда и расставаясь съ нимъ я мысленно сказалъ ему прости на вѣки! Но такъ скоро! Боже мой! подобныя потери отымають у жизни все ея земное очарованіе: наше здѣшнее счастье заключено все въ тѣхъ людяхъ, которыхъ сердце любить, которыхъ добродѣтель есть наша совѣсть, которыхъ одобреніе есть наша подпора и награда. Безъ нихъ наша дорога пуста. Но они покидаютъ насъ и должны покидать насъ: таковъ законъ всего здѣшняго. Одинъ только сопутникъ, строгой, безмолвный, не утѣшающій никакими наградами, можетъ остаться *нашимъ* до гроба: это сопутникъ *должность*. Понимаю, что вы почувствовали, всемилостивѣйшая государыня, когда достигло до Васъ горестное извѣстіе. Вы умѣли цѣнить его прекрасную душу; подобной въ чистотѣ на землѣ не было. Онъ до гроба сохранилъ всю непорочность младенца, которая удивительно соединена была въ немъ съ высокою мудростію мужа. Жизнь его представляетъ нѣчто совершенное. Смерть Карамзина... это слово пробуждаетъ въ душѣ совсемъ не то понятіе, какое соединено съ словомъ *смерть*, такъ часто слышимымъ и произносимымъ. Кто зналъ его жизнь, кто зналъ, что вся эта жизнь была не иное что, какъ исканіе мыслію и дѣломъ того, что совершенно обрѣтается только въ лучшей жизни, тотъ невольно почувствовалъ благоговѣніе при вѣсти о его смерти: такая душа вступается въ лучший міръ, какъ въ міръ знакомый; минута смерти есть для нее только полное откровеніе того, что было для нее здѣсь предчувствіемъ, что составляло ея земную мудрость.

Благословенно мѣсто, гдѣ покоится прахъ его! Оно будетъ святынею для отечества. Кто подойдетъ къ нему съ тѣмъ чувствомъ, которое должно возбуждать въ душѣ воспоминаніе о Карамзинѣ, тотъ удалится отъ него лучшимъ и болѣе достойнымъ жизни. Благословляю Государя, который какъ законный судія заслугъ Гражданскихъ, какъ верховный представитель народныхъ добродѣтелей и народной чести, такъ царски, передъ лицомъ отечества, изъявилъ благодарность одному изъ достойнѣйшихъ сыновъ его: онъ заплатилъ ему долгъ Россіи. А вы, всемилостивѣйшая Государыня, оплакали въ немъ друга и ваше сердце никогда его не забудеть.

Я долженъ кончить. Чувствую, что письмо мое слишкомъ длинно; ласкаюсь однако надеждою, что Ваше Императорское Величество простите мнѣ милостиво мое свободное и невольное многорѣчіе: я говорилъ о томъ что такъ близко вашей душѣ и чѣмъ въ эту минуту и моя единственно наполнена. Осмѣливаюсь прибавить нѣсколько словъ о самомъ себѣ: я доѣхалъ до Эмса благополучно. Путешествіе принесло мнѣ рѣшительную пользу. Я началъ употреблять воды и чувствую, что дѣйствіе ихъ для меня благотвѣтельно: жду съ нетерпѣніемъ, чтобъ срокъ лѣченія моего кончился дабы возвратиться въ Россію и снова посвятить всѣ часы свои исполненію моей драгоцѣнной обязанности.

Оканчиваю письмо мое тѣмъ что для меня теперь всего дороже: да благословитъ Всевышній священную минуту вѣнчанія нашего Государя! да будетъ его царствованіе славно! да наслаждаетесь вы, Государыня, долго Его славою и въ Его славѣ истиннымъ благоденствіемъ русскаго народа.

Всемилоствѣйшая Государыня
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный

Василій Жуковскій.

Эмсъ
14-26 Іюня
1826.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА ЖУКОВСКАГО (1834) О ЗАНЯТІЯХЪ
СЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ.

(Іюня 4)... Чтеніе Пеллико.

Во время лекціи разговоръ о Екатеринѣ. Великій Князь слушалъ съ какимъ то холоднымъ недовѣрчивымъ невниманіемъ. Я спросилъ о причинѣ онаго; отвѣтъ былъ уклонительный. Должно объ этомъ переговорить послѣ. Я напомнилъ ему, что онъ долженъ бояться предубѣжденій и что въ сношеніи со мною долженъ наблюдать совершенную искренность. — Послѣ обѣда онъ поспѣшилъ уѣхать. — Наша жизнь раздроблена совершенно. Мое вліяніе на него ничтожно. Бываю и могу быть съ нимъ только въ часы учебные; во всѣ другіе я ему чужой. — Отъ чего это? Не нужно ли бывать съ нимъ чаще? Но когда? Только во время прогулокъ? — Во всякое другое время или уроки или занятія для уроковъ. Все же свободное время принадлежитъ не ему. Я для него представитель только скуки. А сколько помѣхи во всемъ остальномъ. Посреди какихъ идей обыкновенно кружится бѣдная голова его и дремлетъ его сердце! Что же дѣлать, чтобы имѣть болѣе хорошаго на него дѣйствія?..

Іюня 5.... Былъ разговоръ съ Великимъ княземъ о Екатеринѣ. Всѣ упреки, которые она заслуживаетъ отъ потомства, падаютъ на нее отъ перваго ея шага, принужденнаго но неправаго... Убіиство Іоанна Антоновича есть необходимое слѣдствіе преступленія до нее совершившагося. Вражда съ Павломъ есть такъ же слѣдствіе первой неправды: за тронъ заплатила она чувствомъ матери. Но ея развратная жизнь принадлежитъ уже совершенно ей самой. Сколько жъ за то съ другой стороны и великаго...

Во время чтенія, при которомъ присутствовалъ Паткуль, великій князь забылся: онъ лежа протянулъ ноги и положилъ ихъ на колѣни Паткуля. Я взглянулъ на эти ноги; в. к. почувствовалъ неприличіе и перемѣнилъ положеніе...

В. К. не дослушалъ чтенія; это было не прилично. Чтеніе не могло долго продолжаться. Если бы онъ далъ мнѣ его докончить, то доказалъ бы что слушалъ съ удовольствіемъ. Такого рода принужденіе необходимо: не надобно привыкать употреблять другихъ только для себя; надобно къ нимъ имѣть вниманіе. А ко мнѣ и подавно. Избави Богъ отъ привычки видѣть одного себя центромъ всего и считать другихъ только принадлежностью, и лишь собственнаго удовольствія и собственной выгоды не заботясь о томъ что это стоитъ для другихъ: въ этомъ есть какое то сибаритство, самовольство, эгоизмъ весьма унижительный для души и весьма для нея вредный...

(Іюня 6).

Народъ не имѣющій литературы, это ребенокъ, еще не научившійся говорить. Бываетъ долгое, бываетъ и вѣчное ребячество. Народъ необразованный быстро вступающій въ среду образованныхъ, чрезъ то заимствуетъ у нихъ безъ приготовленія ихъ образованность: его литература не можетъ имѣть оригинальности или терять ее. Для насъ не было ни классической литературы, ни собственно народной: первой лишила насъ Греческая вѣра и татары; послѣдняя почти вся погибла; теперь начинаютъ добираться до народности; но и это подражаніе классикамъ, однообразная природа... причины, равнодушіе правительства или его невѣжество, нестойкость, разположеніе все пренебрегать... Вопросъ: какая должна быть судьба Россіи, если взять въ разсужденіе ея исторію, ея политическую жизнь...

(Іюня 7).

Я далъ совѣтъ великому князю... Записывать въ особенную книжку всѣ тѣ вопросы касательно Государственнаго управленія и Россіи, которую надлежитъ разрѣшить подробнѣе современемъ или на которую надлежитъ обратить большее вниманіе для улучшенія, измѣненія или учрежденія.

(Юня 8).

L'individu agit par principe, la masse par impulsion.

(Юня 9).

Нынче на балѣ Императрица послала В. Кн. вальсировать. Онъ вальсируетъ дурно, отъ того что, чувствуя свою неловкость, до сихъ поръ не имѣлъ надъ собою довольно силъ чтобы побѣдить эту неловкость и выучиться вальсировать какъ должно. Будучи принужденъ вальсировать и чувствуя какъ смѣшно быть неловкимъ, онъ въ первый разъ вальсировалъ порядочно, потому что взялъ надъ собою верхъ и себя къ тому принудилъ. Самолюбіе помогло. — Все это можно отнести къ его ученію. Онъ учится весьма небрежно; собственныя занятія идутъ весьма вяло, то есть такія собственныя занятія, коихъ отъ него требуютъ и коихъ избѣжать нельзя; но собственныхъ произвольныхъ занятій и не требуй. Умъ его спитъ и не знаю что можетъ пробудить его? Иной скажетъ что у него нѣтъ ума или что онъ имѣетъ весьма ограниченный умъ и это будетъ несправедливо. Тоже что неловкость въ вальсахъ. Придетъ минута въ которую надобно будетъ необходимо дѣйствовать умомъ. Но удастся ли это такъ какъ вальсъ? не думаю. А самолюбіе пробудится, и ему будетъ тогда жестоко больно. И хорошо бы когда бы только кончилось однимъ огорченіемъ самолюбія. А угрызение совѣсти? А раскаяніе? А чувство своей неспособности передъ другимъ, которымъ надобно руководствовать? а чувство что дѣлаешь свое дѣло не такъ какъ слѣдуетъ? и пр. и пр.

(Юня 10).

Лекція началась получасомъ позже, отъ того что Императрица взяла В. К. съ собою. Вотъ что замѣчательно: В. К. никогда не найдетъ средства отговориться когда ему кто бы то ни было помѣшаетъ принятъся въ назначенный часъ за свое дѣло. А кажется просто бы сказать: *нельзя, время за дѣло*. За то всегда есть готовая отговорка

для того, когда спросишь: для чего вы опоздали? Теперь эта разточительность на время вредит успѣху ученья и въ тоже время обращается въ привычку. Послѣ, обратясь въ привычку, она будетъ вредна царскому дѣлу, которое сверхъ того и потому уже не будетъ столь успѣшно, что теперь дѣломъ юношескихъ лѣтъ занимались лѣниво. Что бы кто ни говорилъ, а пословица: дѣло мастера боится, есть глубокая мудрость. Мастеромъ быть нельзя незнавъ ремесла своего. И дровосѣку надобно знать топоръ свой и умѣть владѣть имъ. Онъ можетъ сказать: научусь рубить, когда рубить начну. Да сколько же деревьевъ перекрошишь по напрасну; а чего добраго и еще себѣ руку перерубишь. — Я слышалъ слово: *les gens d'esprit ne valent rien*. По французски еще это сказать можно въ иномъ случаѣ. Но попробуй перевести на русской: *Умные люди нигуда не годятся*. Кто же годится? дураки? *Умники* — это другое дѣло. Но умничать не значитъ быть умнымъ, а только портить умъ...

СТИХОТВОРЕНІЕ ЖУКОВСКАГО (1).

Прими Россіи вѣрный сынъ
Отъ русскихъ въ Римѣ русскій блинъ
И скушай на здоровье.

Щастливый путь тебѣ; отъ насъ же вотъ условье:
Гуляй, любуйся всѣмъ и всюду веселись

Но лишь опять не простудись

(1) Это стихотвореніе мы предположительно датируемъ 1838-1839 г.г. Относится оно, по всей вѣроятности, къ графу Віельгорскому. Среди бумагъ Жуковскаго, хранящихся въ Онѣгинскомъ музеѣ, находится большое количество неизданныхъ стихотвореній Жуковскаго: въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ это незаконченныя стихотворенія и черновые наброски. Печатаемое нами стихотвореніе относится также къ числу неотдѣланныхъ еще пьесъ и сохранилось въ черновикѣ, но изъ этого черновика безъ труда извлекается связанное чтеніе. Мы надѣемся въ свое время познакомить читателя съ черновиками Жуковскаго, представляющими громадный интересъ для изслѣдователя его творчества.

И много лѣтъ тебѣ съ Царемъ и царскимъ домою

И будь во всемъ удача вамъ!

А царства русскаго врагамъ

Будь все наперекоръ, будь каждый блинъ имъ
комомъ!

Черновикъ письма В. А. Жуковскаго къ Имп. Николаю I.

Всемилоствѣйшій Государь!

Представляя Вашему Императорскому Величеству мою искреннюю исповѣдь, смѣю быть увѣреннымъ что Вы благоволите принять ее съ обыкновенною Вашею ко мнѣ милостію.

Двадцать два года имѣлъ я счастье находиться въ близкомъ отношеніи къ благословенному Вашему семейству; изъ нихъ пятнадцать лѣтъ были въ особенности посвящены Его Высочеству Наслѣднику. Обращая глаза назадъ, могу сказать смѣло, что во все это время сердце мое было неизмѣнно предано Вамъ, Государь, и вашему дому, и что я во всѣхъ обстоятельствахъ былъ вѣренъ Великому Князю. Нѣтъ сомнѣнія, что я былъ ему и полезенъ, но въ этомъ отношеніи я далеко отсталъ отъ того понятія, какое имѣю о пользѣ, которую бы надлежало мнѣ принести Ему: желаніе и стремленіе были искренни, но умѣніе мое имъ не соотвѣтствовало: это не фраза, а простодушное, смиренное и для меня печальное признаніе. Теперь, по окончаніи путешествія Его Высочества по Европѣ, я долженъ полагать, что дѣло мое при немъ совершенно кончено и что, слѣдовательно, я перестаю имѣть при лицѣ Его и мѣсто, ибо не вижу, что бы мнѣ, по роду моихъ занятій, могло быть дано при немъ какое нибудь полезное для него назначеніе. Но смѣю быть увѣреннымъ, что, оставивъ свое мѣсто при Великому Князѣ, я не только не прерву своихъ къ нему отношеній, но что онѣ еще въ нѣкоторомъ смыслѣ сдѣлаются тѣснѣе, ибо то будутъ отношенія чисто личныя, основанныя на нашей взаимной привязанности другъ къ другу. Онъ былъ главнымъ, возвышеннѣйшимъ чувствомъ моей души — это онъ знаетъ; за это онъ самъ

и любить меня и уважаетъ — это я знаю. Чего же болѣе? До гроба любовь къ Нему будетъ сокровищемъ моимъ и сохранить съ нимъ связь безкорыстной, искренней дружбы было бы наилучшею развязкою моей жизни.

Но изъ всего, что было Вашимъ Величествомъ изъявлено прежде, я долженъ былъ заключить, что Вамъ угодно, чтобы я и при Великихъ Князьяхъ Константинѣ, Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ занялъ то же мѣсто, какое доселѣ занималъ при Его Высочествѣ Наслѣдникѣ. Съ глубоко тронутымъ сердцемъ видя въ семъ изъявленіи свидѣтельство Вашего милостиваго ко мнѣ благоволенія, осмѣливаюсь просить Васъ, Государь, не возлагать на меня сей обязанности.

Увѣряю Ваше Величество, что гораздо будетъ простѣе и удобнѣе, если дѣло воспитанія и надзоръ за ученіемъ Великихъ князей будутъ поручены не *двумъ* а *одному* (и то и другое уже ввѣрены съ одной стороны Литке, съ другой Философову). Обязанность же наблюдать за ходомъ ученія возложена при великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ на Гриммъ; онъ знаетъ планъ его, который сдѣланъ имъ вмѣстѣ со мною, и, занимая уже болѣе трехъ лѣтъ свое мѣсто, доказалъ на дѣлѣ свою способность исполнить его наилучшимъ образомъ. Для младшихъ Великихъ Князей необходимо нужно найти такъ же особеннаго преподавателя, который при нихъ былъ бы то же, что при Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ Гриммъ (которому одному и тамъ и тутъ успѣть никакъ не возможно). Но ни для Гримма, ни для того, кто будетъ принятъ къ ихъ Высочествамъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, не можетъ быть нуженъ *особенный* начальникъ въ такомъ дѣлѣ, которое они должны исполнять самобытно, подъ наблюденіемъ тѣхъ, кои на своемъ мѣстѣ должны быть ихъ *полными, непосредственными начальниками*. Я уже находилъ нѣсколько времени при Государѣ Наслѣдникѣ *прежде* опредѣленія къ нему главнаго воспитателя: произошло то, что случается весьма рѣдко — совершенное *единство* тамъ, гдѣ дѣйствовали *двое, независимо* одинъ отъ другаго. Въ теперешнемъ случаѣ совсѣмъ иное: ученіе Великихъ князей началось и

продолжается безъ моего непосредственнаго участія, ибо въ эти послѣдніе два года я былъ почти въ безпрестанной отлучкѣ (принять былъ только за основаніе мой планъ); отношеніе между преподавателемъ и его начальниками утверждено, все идетъ желаемымъ порядкомъ — на что же тутъ новое лице, которое, не будучи необходимымъ, потому именно можетъ быть и *лишнимъ* и даже *помѣхою*, втѣснившись съ своею неопредѣленною властію между начальникомъ и его подчиненнымъ. Ласкаюсь надеждою, что Ваше Величество изъ всего вышесказаннаго не выведете невыгоднаго для меня заключенія, что я отказываюсь отъ обязанности, налагаемой на меня вашею милостивою довѣренностью. Правда, кончивъ дѣло, которое до сихъ поръ я почиталъ главнымъ дѣломъ моей жизни, и за которое нѣкогда принялся, будучи еще въ свѣжей силѣ, я могъ бы счесть труднымъ приняться снова за то же, когда уже силы устарѣли и живость ослаблена годами, и могъ бы осмѣлиться просить Ваше Величество принять въ разсужденіе это обстоятельство. Но опять говорю, я не отказываюсь отъ возлагаемой на меня счастливой обязанности напротивъ она уже получила для меня великую прелесть, ибо я, по возвращеніи своемъ изъ за границы, занялся уже милыми дѣтьми, обѣщающими столь много и сердце къ нимъ готово привязаться. Но не отклоняя отъ себя обязанности содѣйствовать пользѣ ихъ воспитанія, я желаю только сдѣлать сію обязанность опредѣленнѣе и простѣе, желаю предохранить себя отъ фальшиваго положенія, желаю не быть на мѣстѣ своемъ ни лишнимъ ни помѣхою. Однимъ словомъ, чтобы выразиться положительнѣе, я желаю чтобы мнѣ въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ было назначено — не принимая участія въ *надзорѣ* за ученіемъ Великихъ Князей въ званіи главнаго Наставника, ни *отвѣтственности*, съ симъ званіемъ соединенной (что все должно вполнѣ принадлежать Главнымъ Воспитателямъ, отъ коихъ и всѣ учителя должны зависѣть) — имѣть дѣло касательно великаго князя Константина Николаевича съ однимъ только Гриммомъ, а касательно младшихъ Великихъ Князей съ тѣмъ кто будетъ для нихъ избранъ, дабы вмѣстѣ съ ними заняться *первою пригото-*

вительною половиною курса наукъ по методу, которая употреблена была для Государя Наслѣдника. Послѣ этого труда, въ которомъ я могу быть дѣйствительно полезенъ, за который примусь такъ же ревностно, какъ за пятнадцать лѣтъ передъ этимъ и по окончаніи котораго, все остальное пойдетъ само собою, безъ всякаго со стороны моей содѣйствія, дѣло мое могло бы быть признано совершенно конченнымъ. Къ вышесказанному осмѣливаюсь изъявить одно желаніе, которое конечно не покажется Вашему Величеству неосновательнымъ. Служа наслѣднику, я служилъ Вамъ передъ глазами отечества; не могу не желать, чтобы отечество знало, доволенъ ли мною мой Государь, коего публичное одобреніе есть верховная слава для всякаго Русскаго. Теперь ученіе Великаго Князя кончилось; всѣ находившіеся при немъ имѣютъ назначеніе опредѣленное; обо мнѣ одномъ ничто не изъяснено. Смѣю просить Ваше Величество оказать мнѣ милость выразить волю вашу, какъ на счетъ окончанія моихъ занятій при Наслѣдникѣ, такъ и на счетъ временныхъ занятій моихъ при ихъ Высочествахъ Константинѣ, Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ. Это объяснить положеніе мое передъ обществомъ и я самъ буду ясно видѣть и цѣль мою и границы труда моего. Я бы не осмѣлился просить объ этомъ самъ и ожидалъ бы, съ совершенною преданностію въ вашу волю, что и когда вамъ благоугодно будетъ со мною рѣшить; но положеніе мое при младшихъ Великихъ Князяхъ должно быть опредѣлено теперь, дабы я могъ безъ отлагательства приступить къ своему дѣлу и зналъ въ чемъ оно состоитъ. Повергаю себя и мнѣнія мои ко стопамъ Вашего Величества съ безусловною готовностію благодарнымъ сердцемъ принять все то, что Вамъ повелѣтъ будетъ угодно.

Видя приближающійся срокъ покинуть мѣсто мое при миломъ Наслѣдникѣ, мѣсто, на которомъ я столько лѣтъ имѣлъ дѣятельность по сердцу, на которомъ видѣлъ лучшее что можно видѣть на свѣтѣ — Ваше семейство, счастливое взаимнымъ согласіемъ, чистое нравами, привлекательное простотою истинно добрыхъ сердецъ, употребля-

ющихъ на благо жизнь, данную имъ Богомъ, мѣсто, на которомъ я былъ въ такомъ непринужденномъ и откровенномъ отношеніи и къ Государынѣ Императрицѣ (что есть уже само по себѣ рѣдкое счастье, ибо я имѣлъ возможность короче многихъ узнать сокровище души Ея) и къ дѣтямъ моего Государя, которыхъ имѣлъ счастье любить со всеѣмъ наслажденіемъ безкорыстнаго чувства, наконецъ мѣсто, на которомъ имѣлъ случай не разъ видѣть Васъ, Государь, такъ сказать сердцемъ къ сердцу и насладиться въ личномъ сношеніи съ вами незабвенно-счастливыми минутами, давшими мнѣ возможность понять ваши драгоценныя царскія и человѣческія свойства — видя близкій срокъ расстаться съ такимъ мѣстомъ, со слезами благодарю Васъ за эти прошедшіе годы, въ которые Вы дали мнѣ средство жить для высокой цѣли; и если мнѣ, не смотря на искренность и постоянство моего стремленія, не вполнѣ удалось до нее достигнуть, то все удѣлъ, доставшійся мнѣ, былъ именно тотъ, какого бы я могъ желать на свѣтѣ, хотя бы никогда не осмѣлился самъ произвольно протянуть руку, чтобы принять его. Вамъ угодно было указать мнѣ это мѣсто, и я былъ бы неизрѣченно счастливъ, если бы могъ теперь право сказать себѣ, что былъ вполнѣ его достоинъ.

Теперь все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы, по совершеніи оставшагося мнѣ дѣла, посвятить остальные свои годы тѣмъ занятіямъ, кои единственно мнѣ свойственны, но давно мною оставлены. Пройдя почти двѣ трети жизни, не знаю найду ли въ себѣ силы, нужныя для произведенія чего нибудь значительнаго: если онѣ не пропали, то могу надѣяться, что трудами своими принесу пользу при жизни и оставлю по себѣ память по смерти, какъ писатель, вѣрный своему званію. Симъ трудамъ посвящу своѣ уединеніе, которое будетъ украшено воспоминаніемъ о бывшемъ счастьи и благодарностію за милости царскія, довершеніемъ сихъ милостей будетъ для меня, Государь, если Вы, если Государыня Императрица позволите мнѣ, и по окончаніи моего дѣла, и въ дали отъ Васъ, сохранить то драгоценное отношеніе къ Вамъ и къ Вашему семейству, которое такъ дивно слилось съ моею жизнію.

Во всякое время и на всякомъ мѣстѣ любовь къ Вамъ будетъ моимъ драгоцѣннѣйшимъ чувствомъ и съ каждою моею молитвою будетъ соединена молитва о благоденствіи вашего дома, о славѣ Вашего царства.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподанный

1839. Декабря 28.

В. Жуковскій.

Письмо Жуковскаго къ А. О. Смирновой.

Милая Александра Іосифовна,

Протяните ваши милыя ручки и примите къ нимъ моего новорожденнаго сыночка, Павла Васильевича Жуковскаго, котораго передаю въ вашу любовь и благоволеніе. Онъ пожаловалъ на свѣтъ въ самый новый годъ, въ $\frac{1}{2}$ часовъ по полудни; весьма мало потревожилъ свою мать въ минуту своего появленія, хотя и пришло было ему на минуту въ голову поити *боккомъ*; но скоро одумался и принялъ походку всѣхъ чинныхъ, благонамѣренныхъ новорожденныхъ. Съ тѣхъ поръ ведетъ себя порядочно; мало кричитъ и много пьетъ и пьетъ изъ живаго источника, изъ груди матери, которой это и лѣкарство, и она слава Богу совершенно здорова; нынѣ начались четвертыя сутки; а никакихъ болѣзненныхъ припадковъ не было; все же необходимое идетъ лучшимъ самымъ ходомъ. Павелъ Васильевичъ похожъ на краснаго рака; мурчитъ и копышется; лобъ у него славный; глаза черные и очень веселые; все прочее красной жмыхъ. — Вотъ вамъ мое донесеніе; порадайтесь съ нами и молитесь за насъ Бога.

Гоголя нѣтъ съ нами; за два дни до рожденія Павла Васильевича, отправился онъ въ Парижъ, приглашенный туда Толстымъ и Вьельгорскимъ. Я самъ его послалъ туда; ибо у него начинали колобродить нервы и самъ Коппъ прописалъ ему Парижъ какъ слабительное. Весною онъ

къ намъ возвратится. — Вамъ бы надобно было опять позаботиться у Царя и Царицы. Ему необходимо надобно имѣть что нибудь вѣрное въ годъ. Сочиненья ему мало приносятъ, и онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня. — Подумайте объ этомъ; вы лучше другихъ можете характеризовать Гоголя съ его настоящей, лучшей стороны. По его комическимъ твореніямъ могутъ въ немъ видѣть совсѣмъ не то, что онъ есть. У насъ смѣхъ принимаютъ за грѣхъ, слѣдственно всякій насмѣшникъ долженъ долженъ быть великій грѣшникъ.

Самъ я давно хвораю. Простудился сперва; потомъ моя старая болѣзнь хотѣла было ко мнѣ присусѣдиться; произошло біеніе сердца, которое и теперь продолжается; но я лѣчусь и мнѣ уже лучше и скоро вполне вылѣчусь. — Прощайте. Богъ съ вами и съ вашими. Напишите ко мнѣ поболѣе о нашихъ милыхъ Царяхъ и особенно о здоровьи Императрицы: слухи о немъ весьма тревожатъ; береги Господь намъ этаго добраго Ангела.

4-16 Января 1845.

СОДЕРЖАНІЕ.

<i>I. Общій обзоръ Музея</i>	11
Пушкинъ	22— 38
Жуковскій	38— 52
И. С. Тургеневъ	52— 61
<i>II. Краткое описаніе рукописей, хранящихся въ Пушкинскомъ Музей А. Ѳ. Онъгина</i>	62
Пушкинъ	62— 68
Жуковскій	68— 83
И. С. Тургеневъ	83— 84
Разные писатели	84— 88
Смѣсь	89— 91
<i>III. Приложение: неизданные матеріалы по Жуковскому</i>	92
Стихотворенія	92— 97
Литературныя упражненія въ с. Черни	97—109
Дерптскій дневникъ Жуковскаго	110—143
Письма М. А. Протасовой	143—150
Басни Жуковскаго	150—153
Письма къ А. И. Тургеневу	153—163
Письмо къ А. А. Воейковой	163—165
Черновикъ письма къ Имп. Александрѣ Ѳеодоровнѣ	165—168
Отрывки изъ дневника Жуковскаго (1834) о занятіяхъ съ Великимъ Княземъ	169—172
Посланіе	172—173
Черновикъ письма къ Имп. Николаю I	173—178
Письмо къ А. О. Смирновой	178—179

TABLE DES MATIÈRES.

<i>I. Notice.</i>	11
Pouchkine	22— 38
Joukovski	38— 52
Ivan Tourguénev	52— 61
<i>II. Catalogue et description sommaire des manuscrits.</i>	62
Pouchkine	62— 68
Joukovski	68— 83
Ivan Tourguénev	83— 84
Divers	84— 88
Mélanges	89— 91
<i>III. Quelques manuscrits inédits du fonds Joukovski.</i>	92
Poésies	92— 97
Exercices littéraires du village de Tchern	97—109
Journal de Dorpat.	110—143
Lettres de M. A. Protasova	143—150
Fables	150—153
Lettres à A. I. Tourguénev	153—163
Lettre à A. A. Voéikova	163—165
Brouillon d'une lettre à l'impératrice Alexandra Féodorovna	165—168
Mémoires sur l'instruction du Grand-Duc	169—172
Épître en vers	172—173
Brouillon d'une lettre à l'empereur Nicolas I.	173—178
Lettre à A. O. Smirnova	178—179